1996

ЕСЛИ

ЖУРНАЛ ФАНТАСТИКИ & ФУТУРОЛОГИИ

В НОМЕРЕ

РОБЕРТ ШЕКЛИ
УНИВЕРСАЛЬНЫЙ КАРМИЧЕСКИЙ БАНК

ГЛЕН КУК
ЗОЛОТЫЕ СЕРДЦА С ЧЕРВОТОЧИНКОЙ

РОБЕРТ АРТУР
САТА́НА И СЭМ ШЭЙ

КЭТРИН КУРТЦ
МЕЧИ ПРОТИВ МАРЛУКА

4

4'96 (40)

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛ ФАНТАСТИКИ

ЕСЛИ & И

ФУТУРОЛОГИИ

ТЕМАТИЧЕСКИЙ НОМЕР FANTASY

МОТИВ

Кэтрин Куртц. *Мечи против Марлука* 2

ГИПОТЕЗА

Владимир Тихомиров. На заре вре

Роберт Артур. *Сатана и Сэм Шэй.* 10

ЭКСПЕРИМЕНТ

Алла Малахова. Кони скачут, мчатся кони

Глен Кук. *Золотые сердца с червоточинкой.* Роман 18

Бредли Сайнор. Мелочи жизни в Волшебной стране 84

РЕЗУЛЬТАТ

Роберт Шекли. *Универсальный Кармический банк.* 88

СИСТЕМА КООРДИНАТ 92

Редактор журнала:
Александр Шалганов
Заместитель редактора:
Елена Босовская
Редакция:
Владимир Губарев,
Михаил Комаровский,
Кирилл Королев,
Тамара Маслова,
Сергей Никифоров,
Татьяна Сычева,
Татьяна Филиппова,
Андрей Чертков

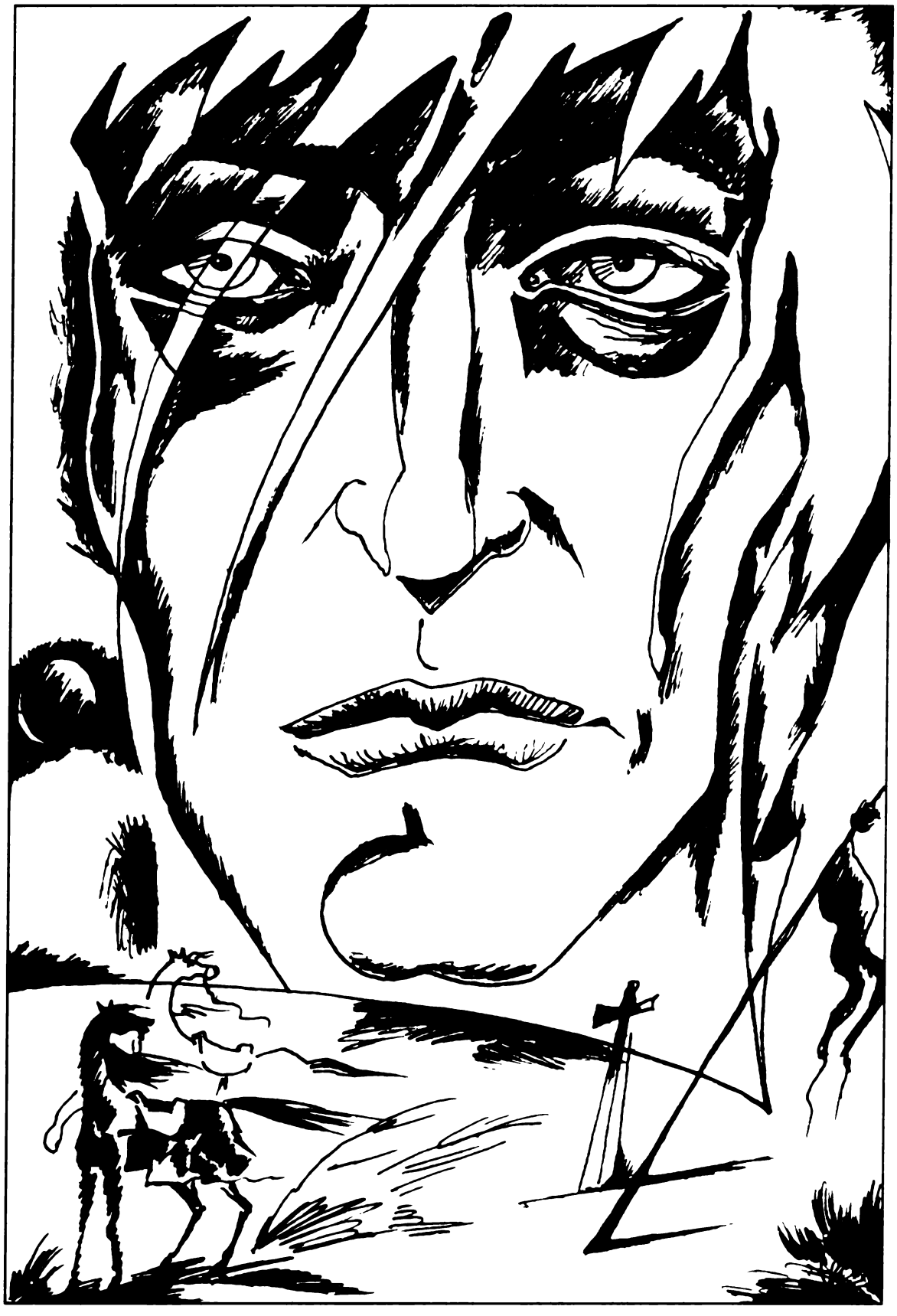
Иллюстрации:
Олег Васильев *I Кук*
Ольга Дунаева *К Куртц*
Александр Жабинский *Р*
Александр Михайлов

Верстка:
ТОО «Апокриф»

Адрес редакции
103829, ГСП, Москва, ул. Тверская,
Телефоны 175-49-81 (справочный),
209-17-07 (от. распространения)

Сдано в набор 5.02.96. С
Отпечатано в ИПК Мос
123845 Москва Д-22
Уст 12
В розницу цена
Заказ № 1612

«Если»
Перепечатка материал
только с разрешения
Рукописи не рецензи
и не возвращаются



МОТИВ

Кэтрин Куртц

Мечи против Марлука

Тем летом ничто не предвещало беды от Марлука. В ту пору имя Хогана Гвернаха воспринималось как легенда, смутная опасность из далекого Толана, которая могла при случае обернуться угрозой для трона Бриона. Хотя ходили слухи, что он потомок последнего колдуна дерини бывшего королем Гвинедда, род Гвернаха не объявлялся в королевстве на протяжении без малого трех поколений — с тех пор как провалилось вторжение Дучада Мора, во времена правления Яшера Халдейна. Большинство тех, кто вообще помнил о существовании Хогана, полагали, что он давно отказался от своих притязаний на корону Гвинедда.

Так случилось, что конец весны застал короля Бриона в Истмарче, где он подавлял восстание одного из графов; при нем был юный оруженосец, полукровка-дерини по имени Аларик Морган. Рорик, правитель Истмарча, ослушался высочайшего указа и сделал то, чем грозился многие годы — вторгся на территорию соседнего Марли. Сообщником Рорика выступал его дерзкий зять Ридон, которого тогда еще только подозревали в принадлежности к дерини. Арбан Хоуэлл, один из местных баронов, чьи земли лежали на пути захватчиков, отправил королю отчаянную мольбу о помощи, а затем собрал свое ополчение.

К тому времени, когда помощь — армия, королевская дружина из столицы и подкрепление с севера, из Клейборна, — наконец подоспела, все уже было кончено. Оставалось лишь подавить сопротивление последней кучки мятежников, ибо Арбану каким-то чудом удалось разгромить основные силы графа Рорика и изловить их предводителя. Непокорный Ридон бежал. Когда в лагерь Арбана прибыл сам король, учинили суд, огласили и привели в исполнение приговор. Предатель Рорик, лишенный своих владений и титулов, был повешен, затем колесован и четвертован на глазах у воинов. Голову графа отправили в Истмарч — в назидание всем прочим. Ридона, поддержавшего тестя, обвинили заочно и приговорили к изгнанию. Новым графом Истмарча стал Арбан Хоуэлл, который принес клятву преданности королю Бриону перед теми же воинами, на глазах у которых несколькими минутами ранее казнили его предшественника.

Так завершилось восстание в Истмарче. Брион поблагодарил и распустил ополчение из Клейборна, пожелал удачи новому графу и вверил командование королевской армией своему брату Найджелу, которому вместе с принцем крови герцогом Ричардом поручил отвести дружину обратно в Ремут. А сам отправился домой другой дорогой в компании одного оруженосца.

Поздним вечером Брион с Алариком подыскали место для привала. Лошади и всадники были равно утомлены путешествием, что началось еще до рассвета. Животные, судя по их поведению, учуяли неподалеку воду.

— Раны Господни! Как я устал, Аларик! — воскликнул король, спрыгивая наземь. — Временами мне кажется, что разбирательства после битвы еще хуже, чем само сражение. Должно быть, я старею.

Аларик подхватил поводья и привязал лошадей. Брион снял шлем и кольчужный ворот, спустился к ручью, лег и окунул голову в холодную воду. Затем перекатился на спину, сел, чувствуя, как уходит усталость. Аларик подобрал шлем, положил к подножию дерева и с улыбкой произнес:

— Господин, не стоит купаться в кольчуге, не то она заржавеет. — Он протянул руку, собираясь снять с короля меч.

Брион одобрительно кивнул, когда оруженосец стал стягивать с него латные рукавицы.

— Понятия не имею, чем я заслужил такого слугу, как ты, Аларик. Ты, верно, думаешь, что я спятил, пустившись в путь без дружины?

— Мой господин — воин и правитель, — усмехнулся юноша. — Но еще он человек и должен иногда отдыхать от королевской жизни. Потребность в одиночестве знакома и мне, господин.

— Ты понимаешь, не так ли?

Аларик пожал плечами.

— Кто может понять это лучше дерини, господин? Мы, дерини, всегда одиноки, хотя порою и не по своей воле.

Брион утвердительно кивнул и попытался представить, каково это — быть дерини, принадлежать к таинственному племени, которое по-прежнему наводит страх не только на невежественных крестьян...

Король уснул почти мгновенно, положив под голову вместо подушки седло своего коня. Аларик прикорнул рядом.

Среди ночи их разбудил топот копыт. Брион потянулся за мечом. Аларик вскочил, сжимая в руке клинок и приготовясь, если понадобится, стоять насмерть. Внезапно юноша замер, словно к чему-то прислушиваясь.

— Принц Найджел, — с уверенностью проговорил оруженосец, возвращая меч в ножны. Брион, уже привыкший доверять необычным способностям своего слуги, опустил оружие и принялся шарить вокруг в поисках сапог.

— Эгей! — крикнул кто-то из темноты.

— Здесь! — отозвался Брион и вышел на свет. Всадник осадил взмыленного коня и буквально свалился на землю.

— Брион, как хорошо, что я нашел тебя! — Найджел обнял брата. — Я опасался, что ты поедешь другой дорогой!

Весь в пыли, принц плюхнулся на землю возле костра, отхлебнул вина, затем, не произнеся ни слова, стянул зубами рукавицу и вытащил из складок плаща лист пергамента.

— Это доставили через несколько часов после вашего с Алариком отбытия. От Хогана Гвернаха.

— От Марлука? — задумчиво проговорил Брион. Лицо его стало серьезным и каким-то чужим, серые глаза сверкнули, точно полированный агат. Он осторожно развернул пергамент и быстро его проглядел. Принц Найджел вынул из костра горящую ветвь и поднес поближе. Король принялся читать вслух.

— «Бриону Халдейну, претенденту на трон Гвинедда, от лорда Толана Хогана Гвернаха, наследника престолов и корон Одиннадцати Королевств. Знай, что мы решили отстаивать то, что унаследовано нами по праву рождения, и требовать возвращения престолов, которые принадлежат нам. Извещаем тебя, Брион Халдейн, что узурпации трона Гвинедда подходит конец, твои земли и корона перейдут к дому Фестила. Повелеваем тебе предстать лично, вместе со всеми сородичами, пред наши очи в Кардозе, не позже Священного Дня Пиршества Святого Асафа, и предать себя и символы своей власти в наши руки. Хоган, Властелин Одиннадцати Королевств».

— Король Одиннадцати Королевств? — Аларик фыркнул, но тут же спохватился. — Прошу прощения, господин. Он, должно быть, шутит!

Найджел покачал головой.

— Боюсь, что нет, Аларик. Послание доставил Ридон, зять бывшего графа Истмарча.

— Пес-изменник... — прошептал Брион.

— Марлук велел передать тебе, что, если ты захочешь оспорить это, — принц указал на пергамент, — и сразиться с ним, он будет ждать тебя завтра у Рустана. Если ты не появишься, он разграбит и сожжет Рустан.

— Сколько с тобой воинов? — спросил Брион.

— Человек восемьдесят. Часть я уже отправил к Рустану, остальные на подходе. Кроме того, я послал гонца к дяде Ричарду. Если повезет, он получит известие вовремя и придет нам на подмогу. А граф Эван теперь уже слишком далеко.

— Благодарю тебя, Найджел, ты обо всем позаботился.

Брион положил руку на плечо брата и медленно встал. Блики пламени отражались на громадном рубине в мочке его уха, на широком серебряном браслете на правом запястье. Помолчав, король произнес:

— Марлук явно рассчитывает не на обычное оружие, и тебе, Найджел, это хорошо известно.

— Да. Он дерини, — мрачно проговорил Найджел. — Но сумеешь ли ты противостоять его магии? Ведь минуло целых два столетия с тех пор, как король из рода Халдейна в последний раз сражался с дерини.

— Не знаю. Меня не оставляет мысль, что я должен что-то сделать. Помнится, отец...

Он провел рукой по черным волосам, в серебряном браслете вновь отразилось пламя костра. Аларик уставился на браслет.

— Я помню то, что должно быть исполнено, — прошептал юноша, — что было предопределено много лет назад, когда я был совсем маленьким.

— Помнишь?

— Да. Браслет, который вы носите на руке, — это ключ. Могу ли я взглянуть на него, господин?

Брион молча протянул украшение Аларику. Юноша долго глядел на браслет, затем накрыл его ладонью — и, будто воочию, увидел перед собой свою мать.

Ему четыре года, он лежит в кроватке и смотрит на мать со свечой в руке и на отца — необычайно серьезного, сурового, даже страшного.

Мать поднесла палец к губам: дескать, ни о чем не спрашивай. Отец откинул одеяла, поднял сонного Аларика и отнес сына в библиотеку.

Сперва Аларику показалось, что в библиотеке никого нет. Потом он заметил седого старца, сидевшего возле камина в любимом кресле отца. Красивый, слегка запачканный наряд, покрытый изящной резьбой жезл, на тулье кожаной шляпы мерцают самоцветы, в правом ухе сверкает огромный красный камень... Плащ из красной кожи скрепляет у горла массивная золотая брошь с изображением льва.

— Добрый вечер, Аларик, — негромко проговорил старик, когда отец мальчика опустился перед ним на колени, продолжая держать сына на руках.

— Аларик, это король, — вполголоса сказал отец. — Ты помнишь о своем долге перед его величеством?

Аларик кивнул, высвободился из отцовских объятий и отвесил поклон, как его учили. Король улыбнулся и протянул ребенку правую руку. Сверкнул серебряный браслет. Мальчик вложил свою маленькую ладонь в большую королевскую.

Король посадил мальчика на колени, затем снял с запястья серебряный браслет.

— Это волшебный браслет, Аларик.

На внутренней стороне браслета виднелись три загадочных символа. Король коснулся ногтем первого, искоса поглядел на мать Аларика и произнес: «Раз!» У мальчика все поплыло перед глазами. Больше он о той ночи ничего не помнил.

Но теперь, десять лет спустя, он внезапно понял, что надо сделать. Понял, на что его благословили в ту ночь.

— Господин, мы должны выполнить обряд. Твой отец откуда-то знал, что, когда настанет час, я буду рядом с тобой.

— Да, теперь я понимаю, — тихо проговорил Брион. — «Дитя, полукровка-дерини по имени Морган придет к тебе в своем отрочестве. Ты можешь доверить ему даже свою жизнь. Он будет ключом, отпирающим многие двери». Так говорил мне отец.

— И о Марлуке он тоже догадывался? — прошептал Найджел.

— Да, — подтвердил Брион. — Сказано, что у сестры последнего короля из рода Фестила, вынужденной бежать из Гвинедда в Толан, был ребенок. Если верить молве, Марлук — потомок того ребенка.

— И настоящий дерини, — пробормотал Найджел. — Брион, мы не сможем одолеть Марлука в бою. Во-первых, силы неравны, а во-вторых, нам не выстоять против колдуна.

Брион облизнул пересохшие губы.

— Аларик утверждает, что наш отец предвидел такой поворот событий и принял меры предосторожности. Аларик, сможешь ли ты помочь нам?

— Я попробую, господин.

Юноша приложил ноготь указательного пальца к глубоко врезанной в серебре первой руне. Чувствуя на себе королевский взгляд, он прошептал: «Раз!»

Произошло нечто невероятное, то, чего не выразить никакими словами. Аларик отчетливо осознал, что и как нужно делать. Он обернулся к королю. Брион и Найджел глядели на него чуть ли не с благоговением.

— Надо найти ровное место, открытое с востока. В центре должна быть каменная глыба, за спинами — ручей... И нужно набрать полевых цветов.

Прежде чем они успели все подготовить, начало светать. Подходящее место нашли чуть ниже по течению ручья. С севера и запада поляну ограничивал ручей. На востоке виднелись горы, из-за которых вот-вот должно было взойти солнце. С помощью лошадей они выволокли в центр поляны огромную, в половину человеческого роста, сглаженную водой гранитную глыбу. Четыре камня поменьше указывали стороны света.

Аларик с Найджелом принялись укладывать вокруг маленьких камней полевые цветы. Брион сидел поблизости от глыбы, обхватив колени руками и отрешенно глядя вдаль. Аларик, бросив взгляд на небо, поставил на землю флягу с водой и опустился на колено перед королем. Хмурый Найджел отошел на несколько шагов. Аларик поднял браслет и прикоснулся пальцем ко второй руне.

— Два!

На мгновение воцарилась мертвая тишина, никто не смел шелохнуться. Наконец Аларик протянул браслет королю.

— Рассвет почти наступил, ваше величество, — сказал он тихо. — Пора поработать мечом.

— Что?

Брион посмотрел на оружие, вынул клинок из ножен и вручил Аларику, рукоятью вперед. Аларик принял меч и низко поклонился, затем отдал салют и встал по другую сторону валуна.

— Когда край солнца покажется над горизонтом, появится огненная стена. Пожалуйста, не удивляйтесь и не пугайтесь.

Брион кивнул. Аларик направился к восточному краю поляны. Двумя руками юноша поднял меч и, удерживая крестовину рукояти вровень со своими глазами, повернулся лицом на восток. В тот же миг, словно по воле Аларика, над горами поднялось солнце.

Первые лучи светила превратили сталь в огонь. Аларик медленно оглядел клинок, от рукояти до кончика острия, потом взмахнул мечом над головой, опустил вниз, и там, где меч коснулся иссушенной солнцем травы, вспыхнуло пламя. Юноша повернулся и двинулся вдоль поляны; пламя последовало за ним... Над головами Бриона и Найджела возник золотистый купол. Вернувшись к тому месту, откуда начал, Аларик вновь отсалютовал солнцу и вновь коснулся мечом земли, после чего протянул клинок Найджелу, а затем поклонился каменной глыбе посреди поляны и застыл, сложив ладони лодочкой.

Несколько минут спустя король и принц одновременно моргнули от удивления: меж ладоней Аларика возникло некое свечение. Вот оно окрепло, превратилось в шар, пылающий холодным зеленым пламенем. Медленно, почти со священным трепетом, Аларик опустил руки к поверхности глыбы, и шар перекатился на камень, который начал таять, будто кусок льда под лучами весеннего солнца.

Неожиданно огонь угас, Аларик Морган снова стал самим собой. Некоторое время спустя Брион облегченно вздохнул и положил руку на плечо брата, который не сводил взгляда с Аларика, затем повернулся к юноше и спросил:

— Ты в порядке?

— Да, мой повелитель.

Аларик поднес ладонь ко лбу, прочел заклинание, прогоняющее усталость, взял у короля браслет, разогнул украшение в полоску и положил в углубление в камне. Три руны мерцали в солнечном свете.

— Я создаю свет и тьму, — прошептал юноша. — Я творю мир и порождаю зло: Я, Всемогущий Бог, совершаю все это.

Серебро стало сворачиваться и гнуться, изменяя форму, как если бы на него давила некая невидимая тяжесть. Браслет распался на куски, жидкое серебро потекло на дно углубления, покрыло поверхность впадины, точно это была неглубокая серебряная чаша. Руны исчезли — кроме третьей и последней. Аларик прикоснулся к ней и произнес:

— Три!

После чего поднял сосуд с водой, повернулся к Бриону, глазами показывая, чтобы тот вытянул руки. Король подчинился, вытер руки краем плаща своего оруженосца.

— Налейте воду в серебро, на глубину пальца, господин, — тихо сказал юноша.

Когда Аларик смочил ему лоб водой, Брион непроизвольно вздрогнул. Затем, как в тумане, потянулся к горлу и расстегнул королевскую брошь, которая скрепляла плащ. Словно из ниоткуда, явились слова:

Вода три алых капли соберет,
Кровь короля свет пламенем зажжет.
Руками освященными прими,
Халдейна Дар — знак божества любви.

Король перевернул брошь и высвободил золотую иглу-застежку.

— «Вода три алых капли соберет», — повторил он и вонзил иглу в палец.

Три капли крови упали в воду. Брион сосредоточился. Аларик вытянул правую ладонь над ладонью Бриона и добавил к заклинанию свою силу.

— Не страшись,— прошептал Аларик. — Мы назвали наши имена. Пламя тебя не тронет.

Брион вздохнул полной грудью и медленно, но решительно опустил ладони в пламя, полыхавшее над камнем. Огонь поднимался по его рукам, все выше и выше...

Когда пламя угасло, на камне остался отпечаток — две ладони на поверхности глыбы. Аларик повернулся лицом на восток, вытянул руки и произнес заклинание. Завеса пламени растворилась в воздухе.

Они встретили Марлука в часе езды от Рустана и условленного места встречи с отрядом Найджела. Все утро они взбирались Стезей Легоддина — извилистой тропой, покрытой щебнем, по которому, как по льду, скользили копыта лошадей. Стены ущелья неуклонно сближались; наконец всадники были вынуждены двигаться по двое. Место как нельзя лучше подходило для засады; к сожалению, на сей раз Аларик не сумел предугадать опасность.

У дальней горловины ущелья поджидали вооруженные всадники, численностью почти вдвое превосходившие отряд Бриона, к которому среди ночи присоединился десяток воинов принца Найджела.

Стальные кольчуги и шлемы, копья и боевые

топоры сверкали в лучах солнца... Перед строем восседал на могучем гнедом жеребце, с копьем в руке и развевающимся знаменем за спиной, предводитель в белых доспехах. Герб не оставлял сомнений — то был Хоган Гвернах по прозвищу Марлук.

Едва первые два воина Бриона выехали из ущелья, Марлук опустил копье и дал сигнал к атаке. Брион взял наперевес копье и вонзил шпоры в бока коня. Воины законного короля, преодолев легкое замешательство, выстроились в боевой порядок и поскакали на врага.

Земля содрогалась от грохота копыт, воздух наполнился бряцанием оружия и доспехов, скрипом кожи, тяжелым дыханием разгоряченных боевых коней. Незадолго до столкновения двух отрядов кто-то из людей Бриона крикнул: «Халдейн!» Клич мгновенно подхватили. Началась битва. Воины падали наземь, ржали от испуга и боли лошади, ломались копья и разлетались на куски щиты.

Аларик, вышедший невредимым из первого столкновения, оказался лицом к лицу с человеком вдвое себя старше и крупнее. Тот решительно атаковал, норовя расколоть булавой шлем юноши. В ответ Аларик, прикрываясь щитом, метнулся направо, рассчитывая застать противника врасплох. Воин не поддался на уловку. Аларик едва сумел отразить удар: поднял коня на дыбы, и животное помогло всаднику, как следует лягнув воина, который с криком рухнул наземь. Второму толанцу юноша рассек подпругу, а третьего пронзил насквозь.

Между тем Брион, бок о бок с которым, отбиваясь от полудюжины противников сразу, сражался принц Найджел, расправился с очередным рыцарем Марлука и огляделся по сторонам, высматривая колдуна. Тот как раз прикончил кого-то из королевских спутников. Потрясая клинком над головой, Брион воскликнул:

— Гвернах!

Марлук рывком поднял коня на дыбы. У него уже не было шлема, пряди светлых волос выбивались из-под кольчужного воротника.

— Халдейн мой! — крикнул он и поскакал к Бриону. — Готовься к смерти, узурпатор! Гвинедд принадлежит мне по праву!

Воины Марлука отступили от Бриона. Брион жестом запретил следовать за собой и погнал коня навстречу врагу.

Сперва казалось, что силы противников равны. Меч Марлука отхватил кусок от верхней части щита Бриона, а Брион лишил Марлука стремени (Гвернаху повезло, что осталась цела нога). Они долго кружили, выбирая момент для одного-единственного удара. Наконец меч Бриона вонзился в горло коню Марлука. Животное рухнуло навзничь, подмяв седока. Брион пустил лошадь на поверженного врага.

Марлук перекатился, заслонился щитом, затем вскочил и принял оборонительную позицию. Брион поворотил коня и вновь направил своего скакуна на Гвернаха. Мгновение спустя ему пришлось спешиться, ибо конь повалился с распоротым брюхом.

Четверть часа они бились на мечах. На стороне Марлука было преимущество в весе и росте, на стороне Бриона — молодость и ловкость. Наконец, изнемогая от усталости, воины, не сговариваясь, сделали шаг назад и тяжело оперлись на мечи. Золотистые глаза встретились с серыми как сталь. Марлук усмехнулся.

— Для Халдейна ты сражался неплохо, — признал он и прибавил, указав на ожидающих исхода схватки воинов: — Надеюсь, тебе ясно, что, чья у нас возьмет, того и будет победа?

— Ты хотел сказать, чья магия возьмет, верно? — поинтересовался Брион.

Марлук пожал плечами.

— Между прочим, — продолжал Брион, — ты не боишься, что народ Гвинедда отвергнет королядерини? У нас еще не забыли твоих предков.

Марлук усмехнулся.

— Подумаешь... Я добьюсь победы, а значит, получу власть над Гвинеддом, остальное неважно. Кстати говоря, Халдейн, у меня есть еще одно преимущество. Видишь тех всадников? — Он указал мечом на десяток всадников, окружавших светловолосую девушку на гнедой лошади. — Это моя дочь и наследница, Халдейн. Как бы ни закончился наш поединок, она беспрепятственно покинет это место, и ты не сможешь остановить ее. А твой брат и наследник сейчас рядом с нами, и его жизнь, если я одержу победу, окажется в моих руках. Кроме вас двоих, есть еще герцог Ричард, бездетный холостяк в возрасте пятидесяти лет. И все.

Рука Бриона крепче стиснула рукоять меча. Что ж, как ни крути, а Марлук прав. Борьба за власть в Гвинедде, длящаяся целые столетия, закончится здесь и сейчас, если Брион потерпит поражение.

Мысль отрезвила, остудила кровь, бурлившую в жилах короля, замедлила бешеный ритм сердца. Он должен ответить на вызов немедля... До сих пор они сражались сталью, но теперь настало время для другого оружия.

Старательно скрывая свои истинные чувства, Брион отбросил щит, сорвал с головы шлем и направился к Марлуку. Преодолев половину разделявшего их расстояния, он остановился и начертил на земле острием меча равносторонний крест. Правым плечом крест указывал в сторону Марлука.

— Я, Брион, король Гвинедда, вызываю тебя, Хоган Гвернах, на смертный бой за то, что ты поднял руку на меня и на мой народ. И буду отстаивать свои права телом моим и душой до самой смерти.

Марлук выслушал вызов, тоже подошел к начертанному в пыли кресту и провел острием меча вдоль его линий.

— Я, Хоган Гвернах, потомок древних законных королей Гвинедда, возвращаю тебе твой вызов, Брион Халдейн, и обвиняю тебя в том, что ты обманным путем захватил престол и корону. И буду отстаивать свои права телом моим и душой до самой смерти.

Произнося эти слова, он принялся чертить на земле иной узор, который сразу же приковал внимание Бриона. Мгновение спустя король узнал заклинание, оттолкнул меч противника в сторону и стер узор сапогом, после чего гневно посмотрел на Гвернаха. Тот с каменным выражением лица пожал плечами.

«Если ему удастся меня рассердить, — подумал король, — я покойник».

Противники разошлись на положенное расстояние. Брион раскинул руки в стороны и произнес ограждающее заклинание. За его спиной вспыхнуло алое пламя. Марлук тоже возвел защиту, голубое пламя соединилось с алым, замыкая круг. От

меча к мечу протянулись языки огня. Так началась колдовская битва.

Огненный купол стал ослепительно ярким от заключенной под ним огромной энергии; если бы не защита — все живое вокруг погибло бы. Даже воздух внутри сделался мутным, и те, кто стоял снаружи, больше не могли видеть сражающихся внутри. Так продолжалось около получаса, воины с обеих сторон, бросая друг на друга настороженные взгляды, подошли ближе к светящемуся куполу. Когда наконец огонь начал хаотично мерцать и гаснуть, проступили две призрачные светящиеся фигуры, одна из которых покачивалась.

Потом один из соперников упал на колени и застыл в этой позе, выставив перед собой меч. Второй занес клинок для удара, но что-то его остановило. Напряжение нарастало; тот, что был на коленях, покачнулся и, выронив меч, повалился наземь. Клинок победителя медленно опустился и отделил голову от тела. Хлынула кровь. Пламя угасло, и все увидели, что победа в схватке досталась Бриону.

Воины Гвинедда разразились восторженными криками. Некоторые из людей Марлука развернули коней и галопом поскакали прочь, остальные побросали оружие и начали сдаваться.

Брион вновь начертил в пыли крест и произнес заклинание. Затем поглядел туда, где еще недавно находилась дочь Марлука, и, пошатываясь, направился к своим людям.

Воины расступались, давая ему дорогу. Казалось, от него исходит некая сила, которой лучше избегать. Но вот Брион моргнул и улыбнулся. В то же мгновение Найджел спрыгнул с коня, подбежал к брату и пожал тому руку. Следом за ним к королю приблизился Аларик.

— Ты доблестно сражался, господин— проговорил он.

— Благодаря тебе, Аларик, — ответил король.

Он вручил свой меч Найджелу и окровавленной рукой отбросил с глаз прядь волос. Аларик сглотнул и поклонился.

— Не надо благодарности, господин. Я всего лишь выполнял свой долг. — Он снова сглотнул, нервно переступил с ноги на ногу, а затем пал ниц к ногам короля. — Господин, могу ли я просить о милости?

— О милости? Конечно, Аларик, только скажи, чего ты хочешь.

Аларик покачал головой.

— Господин, я хочу снова принести клятву верности.

— Клятву? — переспросил Брион. — Зачем? Мы же друзья, Аларик, и твою дружбу я ценю гораздо выше всех клятв.

— Я тоже, господин. Но я приносил тебе обычную клятву, как ленник сюзерену. А теперь нас объединили могучие силы, и я хочу поклясться в верности моему королю не как обыкновенный оруженосец, а как дерини.

Послышался ропот, Найджел с тревогой посмотрел на своего брата. Но ни король, ни стоящий перед ним на коленях оруженосец никого не замечали. Короткая пауза, вымученная улыбка... Затем Брион взял ладони мальчика в свои, покрытые пятнами крови, и впервые за без малого два столетия дерини поклялся в верности королю-человеку.

— Я, Аларик Энтони, лорд Морган, приношу тебе клятву верности и вверяю тебе свою жизнь и душу. Клянусь верой и правдой служить тебе всеми силами, покуда не пресечется мое дыхание. Клянусь моей жизнью, моей честью, моей верой и моей душой. Если же я нарушу эту клятву, да оставят меня силы мои в час нужды.

Брион сглотнул, глаза его не отрывались от глаз Аларика.

— А я присягаю на верность тебе, Аларик Энтони, лорд Морган, и клянусь оберегать и защищать тебя и любого, кто зависит от тебя, всеми силами, покуда не пресечется мое дыхание. Клянусь моей жизнью, моим троном и моей честью воина. Так говорит Брион Донал Цинхил Уриен Халдейн, король Гвинедда и друг Аларика Моргана.

С последними словами Брион улыбнулся и крепче сжал своими ладонями ладони Аларика, затем отпустил их, повернулся к Найджелу и взял у принца свой меч.

— Надеюсь, ты не будешь возражать против крови, — сказал он, выставляя перед собой окровавленный клинок, — ибо эта кровь, которую я пролил, дает мне право на то, что я собираюсь сделать.

Король опустил меч плашмя на правое плечо юноши.

— Аларик Энтони Морган, — меч поднялся и опустился на другое плечо, — сим объявляю тебя герцогом Корвина, по праву твоей матери. — Клинок коснулся макушки Аларика. — Этот титул останется за тобой на всю жизнь и перейдет к твоим потомкам, и сохранится за ними, пока не исчезнет род Морганов. Так говорю я, Брион, король Гвинедда. Поднимись, герцог Аларик.

Перевели с английского
Григорий САПУНКОВ,
Рамин ШИДФАР

фирма ПРОКСИМА предлагает:

— Многоязыковую систему национальной поддержки для Windows и Windows for Workgroups - **R-WIN**
Совместимость со всеми приложениями для Windows!

— Впервые в России - **Microsoft Developer Network** - официальный периодический ежеквартальный источник технической и стратегической информации фирмы Microsoft для программистов и пользователей MS Windows и Windows for Workgroups - на компакт-дисках! Тысячи страниц документации, примеры программ, утилиты и даже бета-версии новейших операционных систем - прямо в Вашем компьютере!

— Программные продукты фирм Microsoft, Borland, Symantec.

— Разработка и изготовление стандартных и оригинальных TrueType и PostScript шрифтов.
Нашими шрифтами напечатан журнал "Если".

тел/факс (095) 195-99-22

Владимир Тихомиров

НА ЗАРЕ ВРЕМЕН

Тема языческого богоборчества, присутствующая в сюжете рассказа, уходит своими корнями в древние мифы. Как и в сказаниях, песнях, легендах, для автора не имеет решающего значения вопрос, кто скрывается под личиной могущественного существа: великий маг, языческий бог или просто обманщик. Важны лишь ответ и выбор. Вот в этом нам и поможет разобраться автор известных переводов древнеанглийской поэзии, «Беовульфа», «Старшей Эдды» и других памятников мировой литературы.

Человек — существо увлекающееся и нетерпеливое. На него не угодишь. То ему жарко, то холодно, то дождь не ко времени, то ветер не попутный.

Поворчать на погоду — изначально любимое нами занятие. Глядя на небо, мы ругаем правительство, цивилизацию, в лучшем случае, самих себя и экологический кризис!

Точно так же наш пращур, язычник, поругивал богов: он ворчал на них по-домашнему, по-свойски. А мог, между прочим, и рассердиться: лишить жертвы, кинуть под порог или высечь. Не подумайте, что подобной экзекуции подвергались не боги, но только их изображения, идолы или «места обитания» — камни, деревья, реки (так, по преданию, царь Ксеркс приказал бичевать Геллеспонтский пролив). Для верующего пращура это были не местоблюстители, не мальчики для битья, не предметы для поклонения — это были сами боги, их воплощения.

Еще раньше, при пращурах наших пращуров, все было проще и ближе: вот река — она божество, вот дерево — оно дух, гроза — бог, ветер — бог. А вот бежит олень — мой «тотем», дух родоначальника моего рода-племени, и он — «табу». А вон летит утка — не мой тотем, а значит, хороший обед. Но прежде попрошу-ка у нее на всякий случай прощения.

Эта ранняя заря, на которой человек уже обрел свое сознание, но еще не вполне отделил себя от природного мира, — заря богоискательства была временем непрестанного и неизбежного борения с богами и духами. А как иначе? Прожитый день вспоминался первобытному охотнику как череда встреч: с утра его встретил дух-туман и помогал ему, сделав его невидимым , однако потом привел его к богине-топи, которая чавкает, как свинья, и хватает за ноги (но я ее победил!) и еще бог-быстрина у перекатов (и его я одолел, а он дал мне большую рыбу), но хуже всех комариный бог!..

Первобытные божества злы или добры, темны или светлы, смотря по обстоятельствам, и живут не отдельной от человека жизнью. Человек им родня по происхождению, а по смерти причисляется к Предкам, духам Отцов. И борение с богами идет как бы на равных. Большая часть сюжетов о единоборстве человека с богом, духом, чудищем или чародеем коренится в этом древнейшем пласте родовой памяти. Они же хорошо нам известны с детства по сказкам; современные фэнтези того же корня.

В первобытных мифах о сотворении смертный человек («культурный герой», о котором у нас пойдет речь) принимает участие в сотворении или, скорее, устроении мира. К примеру, полинезийский Мауи, смертный, рожденный смертной матерью, воспитанный богами, вернувшись к родителям, раздвигает Небо и Землю, которые лежат друг на друге так плотно, что между ними может расти только крапива, устанавливает смену дня и ночи, вылавливает в океане острова и, совершив множество подвигов на пользу людям, погибает, пытаясь уничтожить смерть!

Вот первый пример истинного богоборчества — попытка смертного уничтожить божество, мечта обреченного. Варианты этого древнейшего сюжета встречаются во множестве сказок и легенд. Однако, как всякая мечта, сюжет не соответствовал описанию реального мира (а ведь мифология и есть описание реальности) и поэтому, очевидно, всегда относился к области сказки или, в лучшем случае, отвечал на вопрос, почему смерть присутствует в мире.

Вообще же, в системе первобытных отношений с миром идее богоборчества, т.е. низвержения богов, трудно найти место. Чтобы такая идея появилась, слишком многое должно было измениться в самом человеке и вокруг него.

Прежде должна была появиться и осуществиться на практике идея власти и ее иерархии. А для этого человеку надо было сознать свою «культурность», отделенность от природного мира и, хотя бы отчасти, свою личную самость, отделенность от общины.

Во-вторых — боги: на смену старым приходили новые, или новые имена их. Человек передвигался по земле, встречая на пути не известных ему богов и неведомые языки. Язычество, многобожие, по определению, веротерпимо: где уже много имен, там может быть еще больше. Боги мест прибавлялись к прежним, имена стихий наслаивались, но мало что было забыто. (Имя — вещь упрямая: исчезают народы и языки, а имена остаются. Кто помнит, что русское «бог» родственно имени древнеиндийского бога Бхага, что означает «счастье»?)

Борьба имен за верховенство в божественной иерархии, происходя в сознании человека, принявшего идею власти, породила богоборческий миф. Ведь имя не может исчезнуть, иерархия не может быть бесконечна, иначе все вернется к первобытному хаосу безаластия. И вот безликий, зияющий Хаос греческой мифологии изгнан Ураном-Небом; Уран породил титанов, среди них и великий Кронос-Время; он побеждает отца, оскопив его, но в свою очередь низвергнут в Тартар сыном, богом Зевсом; однако и Зевсу предсказано то же... И при этом никто не забыт! Каждому найдено свое место: кому в бездне подземной, кому на светлом Олимпе.

Подобные космические дворцовые перевороты происходят во всех мифологиях по завершении первобытной истории. Иногда чудовищные по жестокости, иногда тихие, почти мирные, что зависит, по всей видимости, от того, насколько далеко мифологическая система ушла от первобытной.

Древнеиндийская «Ригведа» зафиксировала раннюю стадию упорядоче-

ния индоевропейского мифа: здесь и Варуну-Небо, и Индру-громовержца, победителя змея Хаоса, и Агни, бога огня, перебежчика из вражеского стана, и других богов — всех именуют то асурами, то дэвами, хотя впоследствии асурами называли только демонов, богов же — дэвами. (Заметим, что Варуна и Уран — слова одного корня, так же, как дэв и Зевс.) Большинству ведийских богов приписывается роль единоличных демиургов, творцов мира, хотя есть среди них и имя Твашатар, «плотник», — творец. А среди потерпевших поражение можно найти, пожалуй, только змея Хаоса, множество местных демонов да несчастного Трита Алтью — «Третьего Водяного», — когда-то великого бога, сподвижника Индры: он стал если не смертным, то третьестепенным божеством и был брошен в колодец. Кстати, в русской сказке он сохранился под тем же почти именем Третея, третьего брата, тоже брошенного в колодец.

Можно сказать, что в данном случае богоборческая идея не успела победить: переворот произошел, но иерархия власти еще не выстроилась. «Ригведа» — священный текст — зафиксировала этот момент, последствия чего сказываются по наши дни: пантеоны религий, бытующих в Индии, во многом схожих по именам, невероятно многочисленны и сложноподчиненны. Может быть, на этой хаотичности и процвела идея переселения душ и иллюзорности мира, отчего отношения между смертным и богами приобрели совершенно особый характер...

Вернемся в Европу, к тем мифологическим смертным, которые, конечно же, в династических войнах богов участвовать никак не могли. Что сталось, к примеру, в греческой мифологии с первобытным культурным героем, подобным Мауи? Ведь он наверняка был, и его имя не могло забыться. И не забылось! В наши дни оно известно всему миру: Прометей — «вперед мыслящий».

Прометей был причислен к тем титанам, которые, подобно ведийскому Агни, «добровольно» перешли на сторону богов-победителей. При этом он сохранил свою прежнюю героическую сущность и в новом «олимпийском» изложении истории мира продолжил, точнее, повторил первобытные свои подвиги: сотворил людей, да еще по подобию богов, добыл (украл) для них огонь, научил их ремеслам и т.д. Правда, о всех заслугах его упоминается как-то слишком глухо: среди людей он почитается покровителем горшечников, и вообще, о роли его в конце концов забыли бы, как забыли многих, от которых остались только имена, если бы Зевс не покарал его слишком сурово. Зевс, как всякий тиран, не терпя соперника, поневоле увековечил память о нем. Все знают: Прометей был прикован к Кавказским горам, и орел прилетал ежедневно клевать его печень, и так было, пока не явился Геракл, не разбил нерушимые цепи... И все! О дальнейшей судьбе Прометея ничего не известно.

Итак, Прометей, собственно, не был богоборцем, хотя мог бы им стать (в частности, ему было ведомо, кто восстанет и победит Зевса, но он купил себе свободу ценой этой тайны), он был всего лишь... художник или, скажем, авантюрист, желавший кое-что сотворить по-своему. Не забудем, однако, и того, что он — титан, по мифологической родословной не только равен Зевсу, но старше его. (В реальном же времени имя «Зевс» древнее.)

Среди культурных героев встречаются разные характеры. Иногда это персонаж «положительный», мудрый и доброжелательный, как Прометей (хотя неизвестно, каков он был в своей первобытной жизни). Но чаще это персона трагикомическая: злой насмешник, удачливый плут, щедрый вор, которому все до поры сходит с рук. Именно такой, став бессмертным, может оказаться для богов незаменимым помощником в борьбе с врагами или истинным богоборцем не на жизнь, а на смерть. Или тем и другим вместе.

Таковым видится древнескандинавский бог Локи, участник большинства сюжетов этой мифологической истории. Происхождение его неизвестно: говорят, что он из богов-асов, однако сведения о родителях позволяют в этом усомниться. И все же сам характер Локи и его деяний раскрывает его культурно-героическое прошлое. Упоминается, что он участвует в сотворении людей; он же хитростью и обманом заставляет некоего великана бесплатно построить Асгард, крепость асов, где они, между прочим, «познают ремесла»; он втравливает богов во всяческие неприятные ситуации и он же находит из них выходы; он для богов, словно гвоздь в башмаке, но без него они в незавершенном мире, как без рук.

Мифологическая система мира, запечатленная в «Старшей» и «Младшей Эдде», ближе к первобытной, чем греческая. Будущие богоборцы в ней соседствуют с богами, хотя, конечно, и не вполне мирно — последняя война еще впереди! И Локи — нет, не из жажды власти, ни по какой-либо другой причине, а просто по своей стихийно-богоборческой сущности — готовит погибель богов. Это он чужими руками убивает светлейшего из них, он порождает самых страшных чудовищ, которых асы заточают в подземном мире. И в конце концов, когда у асов кончается терпение, а скорее всего, когда завершается устроение мира, они Локи приковывают к скале. В последней битве, когда Локи и его порождения вырвутся на волю, погибнут и богоборцы, и боги, и весь мир. Из Хаоса родится новый, в котором, может быть, своего Локи не будет.

А что же люди, реальные пращуры наши?

Во все времена жили святотатцы, грозящие небесам кулаками и словом. Учитывая реальность бытия богов и тогдашнее отношение к слову, это не шутка! Думается, что таких людей больше было среди посвященных, постигших мифологическое описание своего мира в такой степени, что оно переставало их устраивать, — они жаждали другого, т.е. хотели описать реальный мир иначе. (Не эта ли жажда томит всякого писателя, а тем более писателя-фантаста? То же и читателя!) Думается также, что боги не очень обращали на это внимание...

Для большинства же людей боги — это власть! И как всякая власть, они — свои, привычные, нужные. Их можно не любить, но должно страшиться: в гневе боги ужасны! И тому есть доказательства: стихийные бедствия, несчастные случаи, сокрушительные поражения в битве и, самое главное, мифы, в которых боги карают за малейшую попытку сравниться с ними в чем бы то ни было.

Мифологические построения лишены логики и последовательности. Они сотканы из противоречий, напластований, смещений, смешений. Зато мифологии в высшей степени присущ здравый смысл. Зачем, в самом деле, уничтожать божество реки, если река-поилица после этого высохнет? Зачем смертному вмешиваться в дела богов, когда они сами могут все устроить наилучшим образом? Единственное бессмертное, которое человек пытается уничтожить, — это Смерть! Но ведь бессмертные не знают смерти, она присуща только смертным и, значит, соразмерна им. Не случайно владыкой загробного царства часто становится именно человек — первый умерший.

Итак, в развитом мифологическом мире человек — сторона страдательная, пассивная. Он никогда не участвует в богоборческих затеях бессмертных. Удел человека-героя — бороться с божествами низшими, стихийными, теми, имена которых сохранились от первобытных времен, но которые оказались «лишними» в установившейся иерархии.

Если же в каком-либо мифологическом или фантастическом описании мира смертный герой восстает на богов и тем более побеждает кого-то из них, то можно твердо сказать: либо он не смертный, либо бог не бог, либо описание не истинно. В мифологической истории очевидно правило: борьба за власть ведется только между равными.

Богоборчество оставалось удалом богов до тех пор, пока боги оставались по отношению к человеку силами внешними, пока человеку не открылось существование Единого, сущего в каждом и поправшего смерть. С этого момента богоборчество становится реальностью не мифологической. Каждый человек волен сокрушить Бога в себе, и, к сожалению, в этом деле мы слишком часто преуспеваем.

— Человече, животное,
безволосое, потное,
чем ты так увлеклось?
— Вот, из шерсти и кожи
строю, Боже, одежи —
пригодятся авось.
Из камней и растений
ставлю стены и сени
да из глины кувшины кручу.
А еще — я собак приручу!

Владимир Тихомиров

Роберт Артур

Сатана и Сэм Шэй

Я слыхал, что после того как Сатана повстречал Сэма Шэя, грешить на Земле стали меньше. Не поручусь, однако утверждают, что производство этого товара значительно сократилось с того вечера, когда Сэм Шэй выиграл у дьявола три пари. Вот как это случилось.

Как вы понимаете, в жилах Сэма Шэя, отважного прохвоста, отчасти текла ирландская кровь, одолевавшая природу и воспитание янки. Широкоплечий детина шести футов росту, Сэм Шэй вечно ухмылялся и потряхивал темными кудрями. Глянув на его мышцы, трудно было поверить, что молодец этот в жизни ни разу не приложил рук к честному делу. Увы, Сэм с детства заделался игроком и еще мальчишкой играл в медяки и «чет-нечет» со своими приятелями; в итоге к тридцати годам он стал зарабатывать на жизнь исключительно игрой.

Не будем, однако, видеть в Сэме Шэе закоренелого игрока с каменным сердцем, который заключал пари, заранее не сомневаясь в исходе. Он бился об заклад, повинуясь не математическому расчету, но интуиции, и сам спор был для него не менее важен, чем победа. Если бы вы просто предложили Сэму эти деньги, он бы отказался... В таком заработке не было чести. Сэму требовалось заслужить деньги собственным умом, посему он иногда находил удовольствие и в проигранном пари.

Впрочем, к немалому прискорбию Сэма, избранница его сердца Шэннон Мэллой и слышать не хотела об азартных играх. Увы, покойный папаша Мэллой промотал на игры весь свой заработок, поэтому вдова воспитала в дочери стойкую неприязнь к тем молодым людям, что любят стук игральных костей и шелест карт или же считают приятной скороговорку пульса, когда кони делают последний поворот и выходят на финишную прямую.

В первые дни их знакомства Шэннон Мэллой, невысокая девушка с огоньком в глубине темных глаз, закрыла оные на порок Сэма, полагая, что ради любви к ней он вполне может изменить привычке. К тому же, Сэм ей обещал. Однако без пари он просто не мог жить, в отличие от пищи: ему ничего не стоило обойтись целый день без еды, но за двадцать лет солнце ни разу не село, не осветив прежде очередной заклад Сэма — пусть самый скромный, сделанный лишь для того, чтобы не потерять квалификации.

Поэтому Сэм Шэй нередко оказывался в опале, и Шэннон скорее со скорбью, чем с гневом укоряла его. И всякий раз Сэм обещал ей исправиться, в сердце своем осознавая неизбежность очередного падения. Естественно, пришел час, когда с глаз Шэннон спала пелена влюбленности, и девушка отчетливо поняла, что Сэм Шэй есть Сэм Шэй, и ничто его не изменит. Шэннон любила Сэма, однако убеждения ее были тверды, как адамант. Поэтому она вернула Сэму кольцо, принятое от него в ту пору, когда вера в обещания еще не успела растаять.

— Прости меня, Сэм, — сказала она на прощание в тот самый вечер, и эти слова погребальным звоном отдавались в ушах Сэма, когда он брел в сгущающихся сумерках через парк. — Прости, — сказала Шэннон, и ее голос дрогнул, — но сегодня я услыхала твое имя из уст знакомых. И они утверждали, что ты — прирожденный игрок, способный поспорить с самим Сатаной и три раза победить его. А раз так — я не могу выйти за тебя... при всех своих чувствах. Пока ты не переменишься.

И Сэм, понимавший, что отвратить его от игры способна лишь некая чудесная сила, покорно взял кольцо и отправился прочь, оглянувшись только раз. Бросив взгляд через плечо, он увидел Шэннон Мэллой — плачущую, но по-прежнему непреклонную, и безутешное сердце Сэма (стоит ли принимать всерьез такие пустячные слабости) не могло не восхититься девушкой.

Кольцо находилось в кармане, металлический кружок холодил пальцы. Нет, это не кольцо, а золотой нуль, подведший итог ухаживаниям за Шэннон Мэллой. В парке царил полумрак и какая-то странная тишина, словно бы предвещавшая нечто. Но погруженный в печальные думы, Сэм ровным счетом ничего не замечал.

Когда он поравнялся с древним дубом, тень, которую дерево отбрасывало на боковую дорожку, вдруг самым неожиданным образом обрела плотность, стала ростом с колокольню, а потом еще более сгустилась и преобразилась в невысокого мужчину, чья благородная седина как нельзя лучше соответствовала всему остальному в его облике.

Сей джентльмен, столь необычным образом преградивший дорогу Сэму, был облачен в достаточно скромное одеяние: плечи его прикрывала старомодная пелерина, на волосах покоилась мягкая темная шляпа. Он улыбнулся и дружелюбно произнес тоном, каким обращаются к старому другу после долгой разлуки:

— Добрый вечер, Сэм. Держу пари, ты не знаешь, кто сейчас перед тобой. — Правая рука Сэма крепко сжимала прочную терновую трость, что, естественно, придавало ему уверенности. Сэм видел, как тень дуба превратилась в человека, а это — скажем так — вещь необычайная.

— С чего бы вдруг? — отважно заявил он. — У меня в кармане сотня долларов, и ставлю их против одного за то, что ты — Сатана.

Легкое неудовольствие исказило благородные черты, выбранные Сатаной для этого визита — интуиция и на сей раз не подвела Сэма. Нечистый также слыхал те слова, которые поразили Шэннон: дескать, Сэм способен поспорить с самим чертом и три раза победить его. А услышав, решил полюбопытствовать и испытать Сэма; дьявол тоже не прочь сыграть, хотя чертовски не любит проигрывать.

Однако недовольство исчезло буквально через какой-то миг, сменилось прежней благодушной улыбкой. Пожилой джентльмен полез под плащ и

извлек оттуда мошну, радовавшую глаз приятной округлостью... Сэм решительно отогнал шальную мысль насчет того, чья кожа пошла на это изделие.

— Похоже, ты выиграл, Сэм, — приветливо сказал Сатана. — А если так, значит, за мной доллар. Но я ставлю целую сотню на то, что тебе этого не доказать.

И стал ждать ответа, ничуть не сомневаясь в себе, поскольку за все минувшие века этот вопрос непременно ставил в тупик самых выдающихся философов. Однако Сэм Шэй был человеком действия, а не мыслителем.

— Согласен, — отвечал он, без промедления занося над головой свою терновую палку. — Договоримся так: я дважды бью тебя по макушке. Если ты — честный гражданин, забираю кошель; если Сатана — пари за мной. Неужели ты не устыдишься, если смертный вздует тебя подобным образом? Итак...

И Сэм нанес сокрушительный удар.

Язык сернистого пламени ударил из сердцевины старого дуба, терновая палка разлетелась на тысячу мелких щепок. Боль пронзила руку Сэма, онемение уколами колючек пробежало к плечу. Однако, разминая кисть, Сэм не мог не ощутить удовлетворения — в отличие от Сатаны. В гневе своем невысокий пожилой джентльмен начал расти и теперь достигал уже двенадцати футов, и облик его можно было назвать скорей ужасающим, чем благодушным.

— Ты победил, Сэм Шэй, — изрек Сатана кислым голосом. — Но за все, как известно, платит третий раз. — Против правил не попрешь, Сэм прекрасно знал, что если дьявол является смертному, несчастный должен три раза победить его в споре, чтобы обрести свободу. — Но теперь мы увеличим заклад. Ставлю содержимое этого кошелька против твоей души.

Сэм не колебался: рисковать приходилось в любом случае.

— По рукам, — отвечал он. — Только условия объявляю я: ты называл предыдущие, и теперь мой черед.

Теперь уже призадумался Сатана, однако и право, и логика были на стороне Сэма.

— Говори, — приказал он голосом, полным далеких раскатов грома.

— Ну, раз так, — отвечал Сэм с нахальной улыбкой, — держу пари, что ты не хочешь, чтобы я победил.

Едва эти слова были сказаны, как нечистый, не сдерживая более гнева, вырос до небес, плащ дьявола темной ночью покрыл целый город... Сэм подловил беса на слове: если он признает, что хотел победить смертного, то его волей-неволей придется отпустить, если же ответит, что это не входило в его намерения, значит, победа опять-таки принадлежит Сэму.

С высоты своего роста Сатана яростным оком воззрился на Сэма Шэя.

— Вот что я скажу тебе, напрасно ты пыжился этой ночью! — возопил дьявол так, что дрогнули ближайшие небоскребы (на следующее утро газеты поминали легкое землетрясение). — Слушай меня внимательно, Сэм Шэй! Начиная с этого мгновения тебе не выиграть ни единого пари! Все силы ада будут препятствовать твоему успеху. — И пока Сэм Шэй с недовольным видом разглядывал высоты, огромный силуэт рассеялся. Порыв горячего ветра окатил Сэма, опалив листья ближайших деревьев. Вдали что-то ухнуло с тяжелым звоном, словно бы закрылись металлические ворота. А затем воцарилась прежняя тишина.

Сэм Шэй постоял несколько минут, погруженный в раздумья, потом осознал, что пальцы все еще крутят кольцо, которое возвратила ему Шэннон Мэллой, и расхохотался с известным облегчением.

— Вот это да! — пробормотал он. — Видеть кошмары вообще-то лучше в собственной постели.

И заторопился домой, остановившись только, чтобы прикупить бюллетень бегов.

К утру Сэм уже наполовину забыл о странной вчерашней встрече, в отличие от полученного от Шэннон отказа и возвращенного кольца. Золотая вещица настолько отягощала и карман, и сердце, что к утренним своим ставкам Сэм приступил в весьма мрачном расположении духа.

Быть может, именно душевная непогода затянула раздумья: обычно интуиция позволяла Сэму принимать решения, что называется, в мгновение ока. Но на сей раз ему пришлось потрудиться, да и закончив свои наметки, он не испытывал и половинной доли привычного удовлетворения. Потом Сэм позавтракал (причем за чашкой кофе ему являлось лицо Шэннон Мэллой) и отправился на ипподром. Чтобы позабыть о любимой, Сэм нуждался теперь в шуме, волнении, действиях, в толкотне возле окошек, в гуле толпы, переходящем в дружный рев, когда кони вырываются из-за барьера, в том напрягающем сердце восторге, когда они мчат по финишной прямой.

И он действительно почувствовал себя много лучше, когда, опустив билеты в карман, присоединился к зрителям, следившим за тем, как лидеры первого заезда огибают поворот. Избранник Сэма, радуя его душу, опережал остальных на дюжину корпусов, и тут случилось нечто неожиданное. Должно быть, конь попал копытом в рытвину, или же сбился с шага, или просто устал. Как бы то ни было, животное замедлило ход, словно бы сам дьявол придержал его за хвост — Сэм чуточку призадумался, почему в его голову пришло именно это сравнение — и к финишу конь отставал уже на целую шею.

Сэм порвал в клочки свои билеты и пустил по ветру. Расстройства он не испытывал — предстояло еще шесть заездов, а карманы его были набиты деньгами.

Но после того как во втором заезде жокей вылетел из седла возле столба, отмечавшего три четверти дистанции, а в третьем подпруга «его» коня лопнула в момент решающего рывка, Сэм Шэй начал посвистывать. Дело складывалось самым странным образом, и это ему ни в коей мере не нравилось. А когда в четвертом заезде, вырвавшись вперед, конь, на которого он ставил, метнулся в сторону, перебежал дорогу скромной лошадке и тем самым заслужил дисквалификацию, свист Сэма потерял всякую мелодичность. Он зашмыгал носом, принюхиваясь. Действительно, воздух чуточку припахивал серой. И в самом задумчивом настроении Сэм приобрел двухдолларовый билет на пятый заезд.

Приобретение оказалось неудачным, в чем Сэм вскоре убедился. Лошадь потеряла подкову у дальнего поворота и, хромая, пришла последней.

Тут Сэмов свист сделался едва слышен. Он спустился к паддоку и стал поближе к уходящим с поля коням. Когда мимо вели его избранника, Сэм принюхался. На этот раз серой уже разило.

Неторопливым шагом, ни в коей мере не отражавшим смятение души, Сэм Шэй вернулся на

грибуну и все время, остававшееся до начала последнего заезда, потратил на размышления. Карманы его, еще час назад столь полные, уже почти опустели. Крохотная тучка набежала на чело: он начал понимать, что происходит.

На этот раз он билетов не покупал. Просто стал рядом с одним из ипподромных «жучков» и дождался начала скачки. Лошади огибали столб, отмечавший три четверти дистанции; сорок корпусов и дюжина конских тел разделяли первую и последнюю. Тут Сэм наконец заговорил.

— Ставлю десять долларов против гривенника, что семерка не победит.

«Жучок» искоса поглядел на него: дескать, с тобой все в порядке, парень? Семерка замыкала забег, отставая на сорок корпусов, и разрыв постоянно увеличивался. Всякий мог видеть, что на победу у нее нет ни малейшего шанса.

— Двадцать долларов, — настаивал Сэм Шэй. — Против пяти центов!

Трудно было противиться такому искушению, и «жучок» кивнул.

— Согласен! — Едва это слово слетело с его языка, семерка припустила вперед с небывалой резвостью. Казалось, что лошадь буквально летит. Ноги ее мелькали, напор воздуха был столь силен, что ошеломленный жокей с трудом удерживался в седле. Невероятным броском лошадь нагнала лидеров и буквально на последнем ярде вырвала победу.

Толпа была слишком потрясена, чтобы вопить. Хмурые судьи начали разбирательство. Однако криминала не обнаружили — никаких там электрических батарей и прочих коварных устройств. Победа была одержана честно.

Сэм Шэй выплатил двадцать долларов «жучку», который озадаченно пялился на него. Ему явно хотелось пристать к Сэму с расспросами, однако Шэй пресек первую же попытку, отыскал укромный уголок, сел и погрузился в раздумья.

Сомнений не оставалось. Вчерашнее сновидение оказалось вовсе не сном. Выходило, что вчера вечером он действительно встретился в парке с самим Сатаной, который теперь мстил за поражение. Насколько было известно Сэму, те немногие, кому удавалось перехитрить дьявола, впоследствии о том жалели... Хотя нет правил без исключений, но, с другой стороны, почему исключением должен стать именно Сэм Шэй?

Азартные игры были сутью и материальной основой жизни Сэма, о чем Сатана, разумеется, был осведомлен. И если ему не суждено теперь выиграть ни единого заклада... Сэм сглотнул комок в горле. Он потерял не только Шэннон Мэллой; придется зарабатывать на жизнь своими руками — после стольких лет безбедного существования!.

Ужасная мысль. И никаких спасительных идей в голову не приходит...

Перед колоколом на последний седьмой заезд Сэм неожиданно вскочил, пересчитал деньги, отложил на дорогу домой. Осталось четырнадцать долларов, то есть на семь двухдолларовых билетов, а в последнем заезде как раз участвовало семь лошадей.

Усмехаясь про себя, Сэм купил семь билетов — по одному на каждого коня, и, несколько приободрившись, отыскал удобное местечко. Посмотрим, как дьявол теперь умудрится лишить победы Сэма Шэя.

Гонка продвигалась самым нормальным образом: сперва до половины, потом до трех четвертей дистанции. Ничего необычного не произошло, и Сэм повеселел, поскольку если сейчас ему удастся выиграть, значит, Сатана вновь посрамлен и вынужден будет снять заклятие.

Но радовался он слишком рано. Когда все семеро вырвались на финишную прямую, чистейшую фарфоровую голубизну неба вдруг затмило невесть откуда взявшееся пурпурно-черное грозовое облако. Ударила молния, поразившая верхушку древнего вяза, росшего возле трибун. Жуткий громовой удар оглушил зрителей. Вяз вздрогнул, а потом повалился прямо перед конями, так что жокеи едва успели свернуть в сторону.

Грозовое облако исчезло столь же неожиданно, как и возникло.

Однако о победителе последнего заезда не могло быть и речи.

Потрясенные и недоумевающие распорядители объявили заезд не состоявшимся, деньги были возвращены. Сэм забрал назад свои доллары и вернулся домой в самом мрачном расположении духа. Было ясно, что дьявол от своих слов отступать не намеревается... Сэму не выиграть ни единого заклада. Что может сделать человек против всех легионов ада?

Однако Шэй не любил сдаваться. Хотя против него выступил сам Вельзевул со своими мирмидонянами, Сэм не собирался обращаться к честному труду, не заставив перед этим беса хорошенько попотеть. Посему в последующие дни он усердно пытался изобрести способ выиграть пари. И его попытки начали вызывать известную озабоченность в пекле.

Примерно через две недели после того рокового вечера Сатана вспомнил о Сэме Шэе и, нажав кнопку, вызвал своего самого главного заместителя. Оторвавшись от лабораторных занятий, посвященных тонкой дистилляции абсолютно нового и весьма совершенного греха, верховный ассистент, не потратив и доли секунды на путешествие длиной в семь миллионов миль, оказался перед Сатаною, все еще дымясь от рвения после ошеломляющего перелета.

Дьявол бросил на подчиненного хмурый взгляд из-за базальтового стола.

— Я хочу знать, — заявил он, — как выполняются мои повеления в отношении смертного Сэма Шэя.

— До последней буквы, ваше адское высочество, — отвечал заместитель не без некоторой сдержанности.

— Итак, после того как я изрек свое проклятие, он не выиграл ни единого заклада?

— Даже самого ничтожного.

— И он совершенно несчастен?

— Абсолютно.

— Быть может, он уже достиг той степени отчаяния, что способна толкнуть на самоубийство и тем самым отдать в наши руки?

Подчиненный молчал. Голос Сатаны обрел суровость.

— Так он еще не в отчаянии?

— Он весьма приуныл, — нервно выговорил заместитель. — Однако о самоубийстве не желает и думать. Он ведет себя вызывающим образом. И причиняет — не могу не добавить — бездну хлопот.

— Хлопот? — Канделябр с тремя миллионами лампочек над головой Сатаны задребезжал. — Как это может простой смертный доставить бездну хлопот адовым легионам? Требую объяснений.

Кончики перепончатых крыльев за спиной заместителя Сатаны испуганноо дрогнули. Он рассеян-

ным движением сколупнул чешуйку с груди и, призвав всю свою решимость, ответил самым смиренным тоном.

— Сэм Шэй упрям как осел. Даже ощутив на себе всю тяжесть вашего адского проклятия, он пытается вывернуться. Постоянно выдумывает новые и новые словесные трюки и фокусы. Мне пришлось выделить изрядное количество своих лучших работников, чтобы приглядывать за Сэмом Шэем все двадцать четыре часа в сутки и не пропустить ни единой уловки. На прошлой неделе после нескольких сотен самых разнообразных пари, он побился об заклад со своим знакомым, утверждая, что до полудня дождя не будет. Пари было самым нахальным: до двенадцати оставалось десять секунд, солнце ярко светило с безоблачного неба, кроме того, метеосводка предсказывала грозу. Однако они ударили по рукам, потому что Сэм обещал, удвоив свой выигрыш, — буде таковой случится — поставить компаньону выпивку. Если бы дождь все-таки не пошел, технически он выиграл бы, и буква вашего адского проклятия оказалась нарушенной. Итак, буквально за какие-то секунды мне пришлось вызвать двести восемьдесят работников из отдела агитации и пропаганды, оторвав их от неотложных дел; добавить к ним еще сотню заплечных дел мастеров из исправительного отделения, отвлечь на исполнение пару дюжин лучших специалистов из научно-исследовательского центра и бросить всех на ликвидацию прорыва. Они умудрились перехватить бурю, бушующую над Огайо — вызываное ею наводнение должно было принести нам сто восемьдесят душ — и перенести ее в Новую Англию, уложившись в нужное время. Однако мероприятие вызвало ненужные разговоры, выбило нас из графика и дезорганизовало мои силы, так как нам пришлось выделить группу быстрого реагирования, чтобы обеспечить постоянное дежурство в течение двадцати четырех часов на случай новых экстренных вызовов. А их была не одна дюжина... да-да, не одна!

По раскаленному челу несчастного демона прокатилась капля пота, с шипением превратившаяся в облачко пара.

— И это всего лишь один случай, — проговорил он усталым голосом. — У Сэма Шэя подобных фокусов полны рукава. Только вчера он пытался сыграть на скачках и занял у нас целый день. В четвертом заезде он изобрел весьма запутанную серию пари на порядок прихода лошадей к финишу, вконец заморочив даже самого квалифицированного из моих помощников. Ему пришлось обратиться непосредственно ко мне — в последний момент — и, поскольку одно из условий гласило, что заезд не окончится, я сумел только устроить, чтобы все лошади финишировали ноздря в ноздрю. Кроме той, на которую ставил Сэм Шэй.

Чтобы избежать всех ловушек, придуманных Шэем, мне пришлось забрать это животное с ипподрома и перенести в Австралию. Однако толки, вызванные одновременным приходом к финишу семи лошадей и исчезновением восьмой, вызвали существенное волнение. Если вспомнить о грозе, которую мы вынуждены были устроить, не покажется удивительным, что череда столь невероятных событий вызвала всплеск религиозности. Люди валят в церковь и тем самым губят наши самые лучшие достижения. Словом, ваше адское высочество, если бы мы имели право проиграть однодругое из самых сложных пари, было бы много легче...

Грохот, с которым копыта нечистого обрушились на адамантовые плитки пола, заставил демона умолкнуть.

— Никогда! Я проклял этого Шэя! И проклятие мое должно быть исполнено до последней буквы! Исполняй!

— Слушаюсь, князь Тьмы, — пискнул главный заместитель и, будучи демоном предусмотрительным, мгновенно отправился за семь миллионов миль в свою лабораторию, да так быстро, что зашиб копыто при приземлении. Он прохромал целый месяц и никогда более не смел возникать у дьявола с подобными предложениями.

Однако Сэм Шэй не имел обо всем этом ни малейшего представления. Ему хватало собственных проблем. Проиграв все пари, он погрузился в уныние. Ресурсы подходили к концу; правда, в карманах еще водилось несколько долларов, но банковский счет опустел. Шэннон Мэллой категорически отказывалась встречаться. Сэм настолько упал духом, что несколько раз брал в руки газету и изучал полосу с объявлениями о приеме на работу.

В один прекрасный день отчаяние сделалось настолько глубоким, что до полудня Сэм ни разу не попробовал одурачить караулившие его бесовские силы. Впрочем, и сам день был сшит и скроен по его настроению. Низкие тучи принесли с севера дождь, каждая капля которого разила землю, словно стараясь свести с ней какие-то личные счеты. Сэм Шэй засел у себя в комнате перед окном, как никогда близкий к полнейшему отчаянию.

Наконец он встрепенулся... Не в обычае Шэя сидеть вот так, погрузившись в унылые думы. Прихватив шляпу и зонтик, тяжелыми шагами он побрел по улице к уютному бару с грилем, где мог отыскаться приветливый собеседник, способный развеять уныние.

В уголке, возле камина, обнаружился Тим Мэллой — кстати, брат Шэннон, — округлый и веселый человечек, чью радость лишь усиливала кружка темного зля, стоявшая перед ним на столе. Тим Мэллой сердечно приветствовал Сэма, тот попытался ответить столь же любезным образом, заказал темного и себе, а потом спросил, как поживает Шэннон.

— На это скажу, — ответствовал Тим Мэллой, осушив посудину наполовину, — что иногда по ночам слышу, как она плачет в своей комнате. А этого, — он опустошил кружку до дна, — за ней не водилось, пока она не вернула тебе кольцо.

— Выпей еще, — предложил Сэм, ощутив в сердце некоторую долю радости. — А как ты думаешь, может, она снова возьмет его, если я попрошу? — спросил он с надеждой в голосе.

Тим Мэллой немедленно припал к кружке, а потом качнул пенными усами.

— Нет, Сэм, и не надейся, пока не оставишь игру. Это навсегда, если только какая-нибудь высшая сила не заставит ее передумать. И не думай, что она будет всю свою жизнь страдать, расставшись с тобой.

Сэм вздохнул.

— А что она скажет, если узнает, что со дня нашей разлуки я проиграл все пари?

— Это ей безразлично. Поговорим лучше о другом... Сколько же еще будет лить?

— Наверное, весь день, — проговорил помрачневший Сэм. — А потом целую ночь. Нечего сомневаться, хотя я мог бы остановить его в любую минуту, если бы захотел.

— Как так? — заинтересовался Тим Мэллой. — Покажи-ка, Сэм. Просто любопытства ради.

Сэм Шэй пожал плечами.

— Ставь доллар за то, что дождь прекратится через пять минут, а я скажу, что этого не произойдет. Но, поскольку проигрыш обойдется мне в доллар, обещай, что потратишь его на меня.

— Так будет честно и справедливо, — немедленно отозвался Тим Мэллой. — Обещаю. Итак, Сэм, ставлю доллар за то, что дождь прекратится через пять минут.

Сэм вяло принял пари, и они выложили свои заклады на стол. Через пять минут дождевые облака уже унесло неведомо куда. На синем небе светило солнце, непогоды как не бывало.

— Любопытно. — Тим Мэллой, чьи глаза округлились от удивления,заказал темного по новой. — Сэм, старина, ты ведь можешь грести деньги лопатой.

— Если бы, — печально вздохнул Сэм. — Вроде все хорошо: хочешь — дождь, хочешь — ясный день... Нужно только побиться об заклад, чтобы стало наоборот. Таково мое проклятие, Тим.

— Как это? — не понял Мэллой. — И кто же наложил его на тебя, Сэм Шэй?

Сэм склонился к приятелю и шепнул ему на ушко... Глаза Тима Мэллоя буквально полезли на лоб.

— Вдохни-ка поглубже, — сказал Сэм. — Принюхайся, Тим, и поймешь.

Тим Мэллой несколько раз глубоко вдохнул, и трепетное выражение легло на его лицо.

— Сера! — прошептал он. — Кремень и сера!

Сэм только кивнул и обратился к своему темному злю. Тим Мэллой положил руку на плечо страдальца.

— Сэм, — проговорил он дрогнувшим голосом, — а ты не слыхал, что некоторые люди готовы выложить приличную сумму, чтобы в нужный им день была приличная погода? Не слыхал о страховании против бурь, несчастных случаев, болезней, рождения близнецов и прочих несчастий? Страхование не пари, а бизнес... законный и доходный.

Сэм оторвался от кружки с темным, со стуком опустил ее на стол. На его лице появилось осмысленное выражение.

— Действительно, — проговорил он, сраженный внезапной мыслью. — Действительно.

— Сэм, — пылко продолжал Тим Мэллой, — возьмем такой пример. На это воскресенье приходится парад Верных Сынов Святого Патрика. Предположим, Верные Сыны приходят к тебе и говорят: «Сэм, мы хотим застраховаться против дождя в нынешнее воскресенье. Вот двадцать долларов за страховку, и чтобы ни капли. Если дождь все-таки пойдет, выплатишь нам пятьсот. Но если день будет ясным, оставишь двадцатку себе». Затем ты приходишь ко мне и говоришь: «Тим, я хочу заключить с тобой пари. Ставлю доллар против доллара за то, что в воскресенье пойдет дождь». Я отвечаю: «Ладно, по рукам. Ставлю доллар против доллара, за то, что в воскресенье дождя не будет». И поскольку тебе суждено не выигрывать, дождя в воскресенье не будет. Ты берешь себе двадцать долларов от верных Сынов, и твой доход, Сэм, твой чистый доход, которого никто не назовет добытым в азартных играх, составит...

— Девятнадцать долларов! — Сэм был изрядно тронут. — Девятнадцать долларов, Тим, и без всяких пари. Говоришь, от желающих отбою не будет?

— Именно так, — отвечал Тим Мэллой. — И разве что-нибудь помешает тебе не исполнить всего, что они пожелают?.. Ведь тебя, так сказать, поддерживает невероятно могущественная фирма.

Сэм Шэй поднялся, в его глазах горел огонек.

— Тим, — проговорил он звонким голосом, — вот тебе двадцать долларов. Найми мне контору, а сверху пусть будет вывеска: «Сэм Шэй, страховой агент». Самыми крупными буквами. А вот еще доллар. Ставлю на то, что Шэннон не скажет мне «да», когда я приду к ней. Принимаешь пари?

— По рукам, Сэм, — согласился Тим Мэллой.

Некоторое время спустя Сэм Шэй уже стоял в гостиной Мэллоев, комнате просторной и респектабельной. Шэннон попыталась было захлопнуть перед ним дверь, но у нее ничего не вышло.

— Сэм Шэй, — воскликнула девушка, — видеть тебя не хочу!

— Этого не избежать, — с нежностью в голосе отвечал Сэм Шэй, — поскольку я стою перед тобой.

— Тогда я закрою глаза! — выпалила Шэннон и зажмурилась.

— Считай, что сама напросилась, — отвечал Сэм и, шагнув ближе, поцеловал ее так, что глаза Шэннон просто распахнулись.

— Сэм Шэй, я...

— Держу пари на доллар, — перебил ее Сэм, — ты хочешь сказать, что теперь ненавидишь меня.

И действительно, Шэннон намеревалась произнести именно эти слова. Однако ее словно попутал бес.

— Вовсе нет! Я хотела сказать, что люблю тебя. — И девушка уставилась на Сэма, словно не веря собственным ушам.

— А тогда, моя дорогая Шэннон, — спросил у нее Сэм Шэй, — согласна ли ты снова взять мое кольцо и выйти за меня замуж? Готов поставить еще один доллар — ты хочешь сказать «нет».

Именно это самое слово и пыталась вымолвить Шэннон. Но бес, похоже, снова овладел ее языком.

— Ни в коем случае, — отвечала она к собственному испугу. — Я говорю «да». И обещаю выйти за тебя замуж.

Тут Сэм обнял и поцеловал ее крепче прежнего, так, что Шэннон разом позабыла обо всех причудах своего языка. Она убедила себя, что эти слова вырвались у нее под обаянием Сэма. Что касается последнего, он поступил весьма разумно, не став ничего уточнять — ни в тот миг, ни впоследствии.

Словом, они поженились, и страховая контора Сэма Шэя процветала превыше всяких надежд. Деньги текли буквально со всех сторон, а будучи человеком аккуратным, он поддерживал свои дела в идеальном порядке. Сэм побился об заклад с Тимом Мэллоем, своим младшим партнером, что им с Шэннон ни за что не дожить в добром здравии до девяноста девяти лет, Тим же в этом не сомневался. Подобным образом Сэм предложил пари на любую сумму за то, что они с Шэннон будут отчаянно несчастны. Тим держался противоположного мнения. Наконец, Сэм поспорил, что им не родить десятерых здоровых и крепких детей, шестерых мальчишек и четверых девчонок. Тим же поставил на то, что это у них получится.

Итак, грех приходит в упадок, поскольку Сэм Шэй процветает и крепко стоит на ногах. И если возле дома Шэев иногда припахивает дымком и серой от суеты захлопотавшихся демонов, домашние не обращают на это внимания... Даже Джон, самый младший из десяти юных отпрысков Сэма.

Перевел с английского
Юрий СОКОЛОВ

Алла Малахова

КОНИ СКАЧУТ, МЧАТСЯ КОНИ...

Человечество за свою историю изобрело немало способов пощекотать собственные нервы разнообразными азартными развлечениями. Пожалуй, одно из самых древних и популярных — это ипподромные бега, где азарт болельщика сочетается с корыстью игрока, что нам в полной мере продемонстрировал герой Р. Артура. Так что представляет собой ипподром: место честных спортивных состязаний или казино? Рассказать об этом мы попросили журналиста А. Малахову.

Центральному московскому ипподрому перевалило за сто шестьдесят лет. Но по-прежнему бронзовые Диоскуры укрощают строптивых коней на его парадных воротах, а круглый год переполненные трибуны кипят, неотступно следя за действом в овале беговой дорожки. Московская публика и приезжие зеваки истари облюбовали это зрелищное место. Правда, ипподромный тотализатор закрывали в 30-е годы, его пытался запретить и генсек Юрий Андропов, считая, что в этом злачном месте «ненаши люди прожигают нетрудовые доходы». Впрочем, «наши» люди — Хрущев и Брежнев — любили сиживать здесь в правительственной ложе.

Вообще-то ипподром — слово греческое, означающее «место конских ристаний и скачек». Если советскому человеку «новой формации» ипподром и не был нужен как «место легкой и скорой наживы», то, может быть, жажда нетрудовых доходов одолевала жителей Древней Эллады?

Впрочем, как происходили ристания древних, можно лишь смутно представить себе по немногочисленным дошедшим до нас легендам. Что же касается дня сегодняшнего, то — удар гонга, и стартовая машина мчит по беговой дорожке ипподрома, а вслед за ней из боксов летят чудо-кони. Мелькают в качалках разноцветные камзолы наездников, ликуют трибуны, приветствуя своих любимцев. Лишь тотализатор замер в ожидании выигрышей...

БЕГА на Центральном ипподроме бывают трижды в неделю: по воскресеньям, средам и пятницам, причем круглый год, невзирая на погодные катаклизмы. Зимой рысаки соревнуются на ледяной дорожке: в их подковы монтируют шипы.

И кони выкладываются. Рысак мирового класса на бегах преодолевает километр с наездником в качалке за минуту и двенадцать секунд. Мировые рекорды ставятся на специальных состязаниях для наиболее классных лошадей-четырехлеток — Малом и Большом дерби. Но прежде, чем конь попадет на соревнования такого уровня, его в двухлетнем возрасте привозят на ипподром для испытаний.

Увы, уже более двух лет на Московском ипподроме не проводились регулярные скачки. Отличие этого вида состязаний от бегов в том, что на бегах наездник управляет лошадью из специальной тележки-«качалки». На скачках жокей сидит верхом, а конь под ним обязательно чистых кровей. Вся драма в том, что в бывшем СССР чистокровок разводили (и разводят) на Кавказе, на Украине. Теперь у России остались лишь конезаводы в Краснодарском крае, но и этот источник не доступен: возить лошадей оттуда в Москву более чем накладно. Конезаводы ныне остро нуждаются в средствах, а Центральный ипподром также не может взять на себя перевозку скакунов через всю страну. Поэтому скачки теперь проводятся только на местных ипподромах. Рекорд чистокровных скакунов под седлом — менее минуты за километр.

После дерби обычно следуют конеаукционы. Но нынче в России они проводятся уже не с тем размахом, что прежде. Элитных лошадей все чаще и все дешевле перекупают частники и фирмы, специализирующиеся на коневодстве. А затем сплавляют их за баснословные суммы западным толстосумам и спортсменам. Впрочем, в коневодческих хозяйствах России тех же классных спортивных лошадей и племенных производителей иногда просто нечем кормить.

На Московском ипподроме на сегодня содержится 750 рысаков. Из них 230 принадлежат частным лицам, причем кто эти владельцы — секрет. Они платят за постой своего коня в ипподромном деннике (специальное помещение), его корм, а еще договариваются со спортсменами нескольких тренотделений, чтобы рысак был «отъезжен». Когда такой частный конь начинает работать и приносить выигрыши своему владельцу, все затраты на его содержание окупаются сторицей. А «карьера» рысака длится 10 лет.

«Несколько лет назад у нас содержался и тренировался знаменитый рысак Сорренто, — поведал директор ипподрома Владимир Когтев. — Он в 1992 году вошел в десятку лучших европейских спортивных лошадей, взяв за рубежом множество самых дорогостоящих призов. За этого рысака его владельцу — Кубанскому хозяйству — иностранные покупатели предложили полтора миллиона долларов».

А вообще рысак, способный участвовать в различных соревнованиях, стоит дороже «мерседеса». Но и такая сумма вполне окупаема, ведь хорошая лошадь, участвующая в бегах, подчас приносит ее владельцу многомиллионный доход. И спортсмен бывает не внакладе: в случае выигрыша хозяин коня доплачивает к зарплате наездника не менее 25 % от призовой суммы.

ПРИЗЫ же на Центральном ипподроме разыгрываются немалые. Например, даже не в самый «урожайный» 1994 год куш составил 800 миллионов рублей. Соревнования окупают все траты администрации ипподрома. Места на трибунах рассчитаны на 7 тысяч болельщиков. Однако это зрелищное заведение «ухитряется» принять и 10 тысяч человек и даже — в большие беговые праздники — все 20 тысяч.

Местные завсегдатаи-игроки и просто болельщики утверждают: ипподром — это «омут», попав куда единожды и даже проигравшись в пух и прах, будешь приходить снова и снова. Появится хоть немного деньжат, отправишься делать ставку на тотализаторе. Раньше были всего четыре игровые комбинации. Сейчас игры на любой вкус и кошелек, ведь здесь «заседают» не только крутые «красные пиджаки», но и куда более скромные посетители, рискующие пенсионными рублями.

Выбрать есть из чего: в «ординаре» надлежит определить победителя данного заезда. «Пара» требует угадать в

одном заезде двух лошадей, будущих лидеров, неважно, в каком порядке они придут. В «двойном ординаре» необходимо вычислить двух победителей двух смежных заездов. Очень сложен, но и популярен среди любителей рискнуть «тройной экспресс» — попробуйте определить, какая именно лошадь придет первой, какая — второй и какая — третьей. Для бедных игроков придумана «тройка»: угадать лошадь, которая окажется в числе призеров, а для толстосумов — «тройной ординар»: в трех заездах назвать трех победителей. Самая сложная, но и прибыльная в случае удачи игра — «четверной экспресс»: нужно назвать первых четырех лошадей в одном заезде, правильно указав место, занятое каждой.

АЗАРТНАЯ игра затягивает болельщика порой похлестче наркотика. Кстати, новички, делающие ставки вслепую, на «темных лошадок», часто выигрывают, и к их выбору иной раз присматриваются игроки со стажем.

В отличие от касс тотализатора, которые неумолимо закрываются перед звонком на очередной заезд, букмекер — частное лицо — этакий околоспортивный «жучок», принимает ставки «помимо кассы». К тому же он чаще всего отлично знаком с мастерами-наездниками и их тайными, закулисными делами, в которые они не посвящают даже товарищей по команде.

Здесь, как в любом игорном заведении, за долгие десятилетия сформировалась своя мафия, диктующая порядки и спортсменам, и тренерам, а следовательно, и играющей публике. Скажем, чтобы поскорее получить звание мастера или повысить спортивный разряд, «зеленому» наезднику, который самостоятельно к этому не готов, остается договориться с мастером, наверняка будущим победителем заезда. Заплатив этому беспроигрышному мастеру энную сумму, его «соперник» может быть уверен, что искомый титул у него уже в кармане: мастер просто придержит свою лошадь на финише или совершит «проскачку», то есть перейдет на галоп, что совершенно недопустимо для лошади рысистой породы. И пусть злятся и улюлюкают разгневанные обманутые зрители на трибунах — никто никогда не докажет, что спортсмены оказались в корыстном сговоре, а лошадь-фаворит была попросту остановлена.

Правда, несколько лет назад, по словам директора ипподрома, здесь был налажен сложный электронный комплекс, позволяющий определить, насколько честно ведут борьбу наездники или жокеи, но тем не менее «злачное место», где крутятся огромные деньги, таковым и остается.

ЕСЛИ наездники отказываются участвовать в «купленных» заездах или не выполняют ранее взятые на себя «обязательства» (что еще более «греховно»), они рискуют в лучшем случае расстаться со своей карьерой: законы мафии жестоки. Поэтому перед большими соревнованиями вся команда буквально днюет и ночует в денниках возле своих питомцев: не дай Бог, недоброжелатели подсуетятся, напоят лошадь холодной водой перед или после заезда, а у нее, разгоряченной, не выдержит сердце. Спортсмены вспоминают случаи, когда четвероногие бегуны падали и умирали прямо на дорожке, в разгар состязаний. Или вотюнет злодей булавку под кожу рысаку — и пошла тогда прахом многолетняя работа тренотделения, а с ней и призовые деньги.

«Какая же тут проверка спортивной классности?! — возмутится неискушенный болельщик. — Это же сплошной обман и даже разбой!» Именно поэтому завсегдатаи ипподрома перед заездом не сидят на трибуне, а толпятся возле тренотделений и у выхода на беговую дорожку: «ловят» слухи. Бывает, эти слухи, а также приятельские отношения с букмекерами помогают сорвать солидный куш.

Следующий заезд в сегодняшних состязаниях. Удар гонга возвещает «проскачку» рысака перед самым финишем, а сам он, вышвырнув из качалки наездника в белоснежном камзоле, закусив до пены на губах удила, разъяренно мечется по стартовой дорожке, волоча за собой разбитую в щепки качалку и перекрывая дорогу к финишу остальным рысакам. Недовольно свистят трибуны: многие возлагали на этого коня большие надежды. Его стремительно настигает еще один лидер — претендент на победу. Но нет, кажется, «проскочившую» лошадь на сей раз никто не сдерживал, она сама чего-то, видимо, испугалась. Ее ловят и пытаются увести в денник, успокаивая ласковыми словами, а новый лидер упорно рвется к финишу и пересекает заветную черту под гром аплодисментов. Кому-то этот неожиданный победитель принесет кучу денег...

Прибыль самого ипподрома составляет сотни миллионов рублей. На эти деньги он спонсирует издание журнала «Коневодство и конный спорт», одного из старейших в нашей стране: ему более ста лет. Помогает ипподром и больным детям: на его попечении мальчики и девочки со страшным диагнозом — церебральный паралич. Общение со спортивными красавцами конями помогает больным ребятишкам хоть на время забыть о своем тяжелом недуге.

Есть на ипподроме и самая дешевая в стране секция проката спортивных лошадей. Правда, в последнее время из-за нерентабельности над прокатом нависла угроза расформирования, а над умными лошадками — перспектива отправки на мясокомбинат.

Можно содержать в этом прокате и собственную лошадь. Владельцы таких лошадей приходят сюда просто покататься верхом, предварительно сдав соответствующие экзамены. Суточное содержание такой лошади на ипподроме в среднем обходится в 8 — 10 тысяч рублей: по шесть килограммов овса и сена, а еще отруби, морковь, сахар, витамины. Плюс упряжь и подковы. Недешево, но общение с умным и красивым животным стоит того.

...ПОСЛЕДНИЙ заезд на сегодня. Кони рвутся к финишу. Неоспоримого лидера настигает «темная лошадка», невесть как опередившая всех своих соперников. Зрители беспокойно приподнимаются с мест и вытягивают шеи. Какой сюрприз готовит им такой «сценарий»? Но нет, лошадь-фаворита на сей раз не сдерживали: она упорно стремится вперед, и оба лидера пересекают заветную черту голова к голове. В этом случае истинного победителя определят по фотофинишу.

Заезд окончен. Табло высвечивает результаты и суммы выигрышей. Удачливые игроки спешат на тотализатор и разыскивают своих букмекеров — получить деньги. Через два дня все повторится снова...

«Теперь чувство темпа достигает самой высшей напряженности и держится на каком-то тонком волоске, вот-вот готовом порваться. Та-та-та-та! — ровно отпечатывают по земле ноги Изумруда. Трра-трра-трра! — слышится впереди галоп белого жеребца, увлекающего за собой Изумруда...

Воздух, бегущий навстречу, свистит в ушах и щекочет ноздри, из которых пар бьет частыми большими струями... Изумруд обегает последний заворот, наклоняясь внутрь его всем телом. Трибуна вырастает, как живая, и от нее навстречу летит тысячеголосый рев, который пугает, волнует и радует Изумруда».

Александр Куприн. «Изумруд».

Глен Кук

Золотые сердца с червоточинкой

1

После того как я разобрался со Зловредными Пикси, делать стало совершенно нечего. Пришлось две недели подряд выносить брюзжание Покойника, который способен вывести из себя даже святого. А я далеко не святой.

Вдобавок, куда-то запропастилась Тинни (а связываться с другими, пускай в ее отсутствие, было достаточно рискованно). Словом, настала пора встряхнуться.

Признаться, какое-то время спустя мне начало казаться, что все городские пивоварни работают исключительно на меня — такое количество спиртного я поглощал.

Но однажды под вечер — я чувствовал себя не слишком хорошо, ибо дьявол устроил у меня в голове нечто вроде кузницы — в дверь нашего видавшего виды домика на Макунадо-стрит кто-то постучал.

— В чем дело? — рявкнул я, распахивая дверь. Мне было плевать на то, что передо мной стоит женщина в платье стоимостью тысяча марок, что на улице полно парней в сверкающих ливреях.

— Мистер Гаррет?

— Он самый. — Я слегка подобрел. Оглядел женщину с ног до головы и счел, что она вполне заслуживает второго взгляда. А также третьего и четвертого. Не то чтобы в ней было нечто особенное, зато присутствовало все необходимое, причем было надлежащим образом оформлено. На губах женщины промелькнула тень улыбки.

— Во мне течет кровь эльфов. — Ее суровый голос сделался музыкальным, но всего лишь на мгновение. — Может, вы перестанете пялиться и впустите меня в дом?

— Конечно. Могу я поинтересоваться, как вас зовут? По-моему, о встрече мы не договаривались. Хотя я готов встречаться с вами по десять раз на дню.

— Мистер Гаррет, меня привело сюда дело. Оставьте любезности для своих подружек. — Она отстранила меня, поднялась по ступенькам, затем остановилась и оглянулась. Ее лицо выражало удивление.

— Маскировка, — объяснил я. — Мы нарочно не ремонтируем дом снаружи, чтобы не вводить в искушение соседей.

Наш дом стоял далеко не в лучшем из городских кварталов. Вообще-то шла война, поэтому рабочих мест имелось в избытке, однако некоторые из наших соседей до сих пор с негодованием отвергали саму мысль о том, чтобы зарабатывать на жизнь честным трудом.

— Мы? — ледяным тоном переспросила женщина. — Честно говоря, мое дело глубоко личное...

Клиенты все одинаковы. У всех глубоко личные дела и все приходят ко мне, поскольку обычным путем не могут ничего добиться.

— Ему вы можете доверять, — заявил я, кивая на дверь в соседнюю комнату. — Он не разомкнет уст, ибо мертв вот уже четыреста лет.

На лице женщины поменялось, одно за другим, несколько выражений.

— Логхир? Покойник?

Выходит, не такая уж она великосветская дама, какой пытается казаться. Всякий, кто знает Покойника, врос, что называется, корнями в житье-бытье обыкновенных людей, которые составляют большинство населения Танфейра.

— Совершенно верно. Полагаю, ему тоже следует услышать вашу историю.

У меня наметанный глаз, я многое замечаю, а где не замечаю, там придумываю. Судя по ливреям, на улице толпились слуги Владычицы Бурь Рейвер Стикс; что же касается моей посетительницы, то я решил, что догадываюсь, чем вызвано ее появление.

Я направился к двери, собираясь разбудить Покойника. Обычная мера предосторожности: далеко не все клиенты приходят с дружескими намерениями, и без Покойника в подобных случаях, если он, конечно, в настроении, просто не обойтись.

— Как, вы сказали, вас зовут, мисс?

Я шел напролом. Она, похоже, прекрасно это понимала и вполне могла бы пропустить мой вопрос мимо ушей, однако, после секундной заминки, сказала:

— Амиранда Крест. Мистер Гаррет, дело весьма важное и глубоко личное.

— Все так говорят, Амиранда. Я вернусь буквально через минуту.

Она и не подумала хлопнуть дверью.

Что ж, дело и впрямь важное — по крайней мере, для нее, раз она позволяет так с собой обходиться.

Покойник развлекался. Занимался тем, что в последнее время доставляло ему наибольшее удовольствие — старался перехитрить полководцев, сражающихся в Кантарде. И неважно, что сведения о ходе боевых действий устаревшие и, вдобавок, из десятых рук, то есть от меня. Он справлялся с делом не хуже, чем гениальные стратеги, которые командовали армиями (откровенно говоря, гораздо лучше, нежели большинство генералов и прочих шишек, получивших власть по наследству).

Он восседал в массивном деревянном кресле, этакая гора желтокожей плоти, не менявшая формы с тех самых пор, как четыреста лет назад кто-то всадил в нее нож.

В стене, лицом к которой сидел Покойник, не было ни дверей, ни окон. Некий художник по просьбе Покойника изобразил на ней крупномасштабную карту театра боевых действий. По штукатурному ландшафту сновали отряды жуков: Покойник воссоздавал ход сражений, пытаясь выяснить, каким образом наемник по имени Слави Дуралейник сумел скрыться не только от разъяренных венагетов, но и от наших собственных генералов, которые вознамерились прикончить Слави, пока он своими победами окончательно не выставил их на всеобщее посмешище.

— Так ты не спишь?

— Убирайся, Гаррет.

— Кто побеждает? Муравьи или тараканы? Приглядывай за пауками в углу, они явно нацелились на твоих чешуйниц.

— Перестань изводить меня глупыми советами.

— Ко мне пришла посетительница. Поскольку клиентами разбрасываться не следует, я хочу, чтобы ты послушал, как она будет изливать душу.

— Гаррет, ты снова привел в мой дом женщину? Мое терпение широко, будто океан, но все же не безгранично.

— В чей дом, ты сказал? Мы что, снова обсуждаем, кто хозяин, а кто гость?

Жуки разбежались в разные стороны, одни набросились на других... Да, театр боевых действий жил собственной жизнью.

— Какая жалость! Я почти разгадал его план.

— Не говори ерунды. Если бы существовал план, Военный совет венагетов давным-давно разобрался бы, что и как... Итак, я провожу гостью?

— С первого взгляда женщины нравятся только тебе. В отличие от тебя, Гаррет, я не являюсь рабом плоти. Смерть дает определенные преимущества. В частности, приобретаешь способность рассуждать...

Это я уже слышал, не раз и не два и даже не десять.

— Пойду приведу. — Я вышел в гостиную. — Мисс Крест, соблаговолите пройти со мной. — Она смерила меня пронзительным взглядом. Прекрасная в спокойствии и в гневе; впрочем, в ее поведении сквозило отчаяние, что и подсказало мне, как с ней нужно обращаться. — Амиранда, владычица моих грез! Ну пожалуйста!

Она подчинилась. Должно быть, поняла, что выбора у нее нет.

2

Я настолько привык к Покойнику, что совершенно не подумал о том, какое впечатление он может произвести на человека, который никогда не видел мертвого логхира. Амиранда Крест вздрогнула, наморщила свой прелестный носик и прошептала:

— Как тут воняет...

Ну да, в комнате Покойника попахивало, но не слишком сильно. Вдобавок, к запаху я тоже привык, поэтому пропустил ее слова мимо ушей.

— Это Амиранда Крест. Прямо из дворца Владычицы Бурь Рейвер Стикс.

— Извините, что я не встаю, мисс Крест. Дело в том, что все, так сказать, физические способности я утратил, хотя умственные сохранились в полной мере.

— Ничего страшного, — выдавила Амиранда. — Вообще-то меня прислала вовсе не Владычица Бурь. Она, как вам, наверное, известно, в Кантарде. Мне приказала разыскать вас домина Уилла Даунт, ее секретарь, чьей помощницей я являюсь. Мистер Гаррет, домина хотела бы, чтобы вы кое-что расследовали. Дело семейное, посему необходимо соблюдать тайну.

— И больше вы мне ничего не скажете?

— Я просто больше ничего не знаю. Мне лишь велели передать вам сто марок золотом, чтобы вы согласились поговорить с доминой. А если возьметесь за расследование, получите еще тысячу.

— Она лжет, Гаррет. Ей известно, о чем идет речь.

Да, Покойника не проведешь. А девочка, похоже, шустрая, такой палец в рот не клади. Пока я будил логхира, прикинула, по-видимому, все «за» и «против» и решила изменить тактику.

— А нельзя все же поподробнее? Я же должен знать, во что мне придется сунуть нос.

Она принялась отсчитывать монеты, причем складывала их на ладонь левой руки. Признаться, это меня потрясло. Существа с примесью эльфийской крови — левши; по крайней мере, я до сих пор не встречал таких, у кого дело обстояло бы иначе.

— Не стоит, мисс Крест. Если вы не желаете ничего мне сообщать, я останусь здесь. Буду на пару с приятелем гонять тараканов.

Она, видно, решила, что я шучу. Чтобы человек из нижних слоев общества отказался от сотни марок золотом? Тем более, сыщик по профессии? Да мне полагалось бросить все и опрометью помчаться на Холм... Черта с два, естественно. Пускай побегает красотка Амиранда.

— Пожалуйста, поверьте мне, дело крайне важное и весьма щекотливое...

— Мисс Крест, когда я последний раз поверил человеку с Холма, то немедленно оказался завербован в морскую пехоту и тянул лямку целых пять лет, пытаясь убивать венагетов, которые знали не больше моего, за что мы, собственно, сражаемся. Всего хорошего, мисс Крест.

Амиранда обдумала мои слова и сказала:

— Домина рассердится, если я вернусь одна.

— Сочувствую, но ничем не могу помочь. Прошу вас. Ваши парни снаружи, должно быть, как следует пропеклись на солнышке.

— Мистер Гаррет, — процедила она сквозь зубы, выходя из комнаты, — другого случая так просто заработать сто марок золотом может и не представиться.

Я проводил ее до двери, чтобы убедиться, что крошка в порыве чувств не сорвет дверь с петель.

— Если я так нужен вашей начальнице, пускай приходит сюда.

Амиранда раскрыла рот, собираясь ответить, затем покачала головой и вышла на улицу. Сидевшие на крыльце слуги с багровыми от жары физиономиями тут же вскочили, в следующий момент дверь захлопнулась. Я направился в комнату Покойника.

— По-моему, ты слегка перегнул палку.

— Она вернется.

— Не сомневаюсь. Но в каком настроении?

— Ее трудности. Может, хоть так выложит, зачем приходила.

— Гаррет, ты имеешь дело с женщиной. Твой безудержный оптимизм тут совершенно не годится.

Сколько раз мы с ним спорили на эту тему (Покойник был убежденным женоненавистником). Но сейчас меня занимало другое. Он это почувствовал.

— Предложение тебя заинтересовало?

— Не могу сказать, что мое сердце разорвется от горя, если дельце не выгорит. Ты же знаешь, я не кривил душой, когда рассуждал насчет обитателей Холма. Начхать мне на них, в особенности на всяких там колдунов.

— Кто-то стучит в дверь.

— Слышу, слышу. Наверное, старина Дин, которому не терпится приняться за уборку.

Поскольку логхир на дух не выносил женщин, о домоправительнице не могло быть и речи, а у меня склонности к домашним делам, можно сказать, никакой. В результате продолжительных поисков мне удалось обнаружить старика, который двигался с грацией черепахи, но зато согласился приходить, готовить, прибирать и выметать паразитов из комнаты Покойника.

Распахнув дверь, я удивленно воззрился на Амиранду.

— Быстренько вы сбегали. Заходите. Вот уж не думал, что я настолько неотразим.

Она вошла в дом и, подбоченясь, повернулась ко мне.

— Будь по-вашему, мистер Гаррет. Домине понадобились ваши услуги потому, что мой... Словом, похитили Карла, сына Владычицы Бурь. Больше я на самом деле ничего не знаю. Подробностей мне не сообщили.

Последнее, судя по тону, явно ее задело.

Амиранда направилась к двери.

— Минуточку. — Я прищурясь посмотрел на нее. — Как насчет сотни?

Она протянула мне деньги и победно усмехнулась.

Один-ноль в пользу Амиранды Крест. Определенно в этой красотке что-то есть.

— Подождите, я сейчас.

Я отнес золото в комнату Покойника — более безопасного места было не сыскать на всем белом свете.

— Слышал?

— Да.

— И что ты думаешь?

— Похищения по твоей части.

Вернувшись в холл, я произнес:

— Вперед к победе, моя прелестная леди.

Даже тень улыбки не мелькнула на ее лице.

Что ж, не всякому дано оценить мое потрясающее чувство юмора.

3

Очевидно, наша процессия со стороны напоминала воинский отряд, поскольку сопровождающие Амиранду все до единого были облачены в одинаковую одежду. Впрочем, этим их сходство с солдатами и ограничивалось. По мне, они годились только на то, чтобы служить ходячими вешалками для своих ливрей.

По пути я неоднократно пытался завязать разговор, однако Амиранда хранила ледяное молчание. И впрямь, с какой стати снисходить до того, кто и так работает на тебя?

Покойник был прав. Так уж сложилось, что похищения — по моей части. Раз за разом мне приходилось выступать в роли посредника, передавать выкуп и возвращать домой очередную жертву. И с каждым новым случаем моя известность возрастала, причем как среди потенциальных клиентов, так и среди похитителей. Играл я честно, в открытую; однако если похитители возвращали, что называется, некачественный товар и клиенты загорались жаждой мести, как оно обычно и бывало, тут я превращался в совершенно другого человека.

Ненавижу похищение как вид преступления и тех, кто его совершает. А в Танфейре этим промышляют очень и очень многие. Лично я предпочел бы утопить в реке всех похитителей разом, однако приобретенный с годами опыт заставлял меня действовать по принципу «живи и дай жить другим» — если, конечно, другие не смухлевали первыми.

Холм представляет собой нечто гораздо большее, нежели просто возвышенность, горделиво взирающую на танфейрскую суету (кстати, порой город напоминает мне животное, на спину которому взгромоздилось некое существо). Холм — образ жизни, который я, признаться, не воспринимаю. Тем не менее, обитатели Холма расплачиваются той же звонкой монетой, что и остальные горожане, только у них деньгами набиты все карманы. Что касается моего отношения к Холму, судите сами — я отказывался и буду отказываться от работы, которая способна привести к тому, что Холм насядет на нас хлестче прежнего.

Дворец Владычицы Бурь мало чем отличался от других. Высокое, обнесенное стенами здание, весьма, надо сказать, мрачное, чуть более дружелюбное на вид, чем улыбка смерти. Словом, одно из тех мест, над входом в которые написано невидимыми чернилами: «Оставь надежду, всяк сюда входящий». Может быть, Рейвер Стикс, вдобавок, наложила на свой дворец охранительные чары.

Последние пятьдесят футов дались мне с громадным трудом. Внутренний голос упорно советовал дальше не ходить, но я пошел. В конце концов, что такое предостережения внутреннего голоса по сравнению с сотней марок золотом?

Очутившись в холле, я решил, что попал в замок с привидениями. Повсюду висела паутина. Тишину нарушали только наши с Амирандой шаги.

— Ничего не скажешь, симпатичный маленький домик. А где весь народ?

— Большинство забрала с собой Владычица Бурь.

— Но своего секретаря она оставила.

— Совершенно верно.

Что ж, получается, что в тех слухах, которые до меня доходили, имелась доля истины. Я разумею слухи насчет мужа и сына Владычицы Бурь. Оба носили одно и то же имя — Карл и оба, мягко выражаясь, нуждались в присмотре.

С первого взгляда Уилла Даунт произвела на меня впечатление человека, которому это вполне по силам. Ледяной взор, под которым застынет и пиво, обаяние замшелого валуна... Мне о ней не то чтобы рассказывали, но я знал, что она помогает Владычице Бурь проворачивать грязные делишки.

Рост приблизительно пять футов два дюйма, возраст — чуть за сорок, плотного сложения, но отнюдь не толстая. Глаза и волосы словно соревнуются, у кого сильнее стальной отлив. Одета, скажем так, прилично. Улыбается раза в два чаще Человека-с-Луны*, однако в улыбке нет и намека на искренность.

Уилла Даунт посмотрела на меня так, словно я был то ли заразной болезнью, то ли диковинным существом из зоопарка — причем из числа наиболее омерзительных, наподобие громовой ящерицы.

Знаете, порой у меня возникает ощущение, будто я принадлежу к вымирающим животным.

— Спасибо, Амиранда. Присаживайтесь, мистер Гаррет. — На слове «мистер» ее лицо слегка перекосилось. Она явно не привыкла быть вежливой с людьми моего положения.

Я сел. Уилла Даунт последовала моему примеру, после чего изрекла:

— Ступай, Амиранда.

— Домина, я...

— Ступай. — Она сопроводила свои слова испепеляющим взглядом.

Я притворился, будто изучаю беспорядок на столе Уиллы Даунт.

Уязвленная Амиранда вылетела за дверь.

Я решил, что домина Уилла Даунт мне не нравится.

— Насколько я понимаю, вы пригласили меня не просто так?

— Разве Амиранда вам не рассказала?

— Она призналась, что почти ничего не знает. — Уилла Даунт пристально поглядела на меня. Я и не подумал отвести взгляд. — Честно говоря, я предпочитаю не связываться с благородными, которым судьба начинает вставлять палки в колеса, и готов даже посодействовать судьбе. Исключения делаю только для похищений.

Домина состроила гримасу. Ничего не скажешь, это у нее получилось здорово. Пожалуй, даст сто очков вперед любой горгоне.

— Что еще вам рассказала Амиранда?

— Что произошло преступление, которое необходимо расследовать. Надеюсь, в подробности посвятите меня вы.

— Совершенно верно. Итак, вам известно, что похищен младший Карл...

— Из того, что я слышал о нем, можно сделать вывод, что он того вполне заслуживал.

Карл-младший пользовался репутацией юноши, который ведет себя, как чудовищно избалованный и капризный ребенок. В двадцать три года он продолжал разыгрывать трехлетнего оболтуса. Впрочем, для трехлетки у него был не по годам зрелый интерес

** Персонаж английского фольклора, который постоянно попадает в неприятности и потому всегда печален.*

к противоположному полу. Очевидно, домине Даунт поручили следить, чтобы он не натворил дел, а в случае чего, по возможности, прикрыть.

Уилла Даунт поджала губы, которые будто слились в одну тонкую полоску.

— Можно сказать и так, но мы встретились здесь не для того, чтобы выслушивать ваше, мистер Гаррет, мнение по поводу тех, кому вы вовсе не ровня.

— А для чего?

— Владычица Бурь скоро возвратится домой. Я не хочу обременять ее лишними тревогами и заботами. Желательно, чтобы все уладилось до ее прибытия.

— Если я правильно понял, преступники прислали вам весточку, из которой стало ясно, что Младший действительно похищен, а не ударился в очередной загул?

Домина достала из-под стола нечто, завернутое в лохмотья.

— Вот. Это оставили ночью у ворот.

Я развернул лохмотья, под которыми обнаружилась пара туфель с серебряными пряжками.

— Как выглядел тот, кто это принес?

— Уличный оборванец лет семи-восьми. Привратник явился ко мне только после завтрака. Естественно, к тому времени оборвыш был слишком далеко, чтобы затевать за ним погоню.

Так-так, а чувство юмора у нее, похоже, есть.

Я внимательно осмотрел туфли. Как правило, это ни к чему не приводит, но все равно всякий раз ищешь комочек малиновой грязи или стебелек диковинной желтой травы... Словом, что-нибудь такое, что превратит тебя в гения в глазах окружающих. Разумеется, я ничего не нашел, а потому взял записку, которая гласила:

«Ваш Карл у нас. Если хотитя его вернуть, делайтя, как вам скажут. Никому не расказывайтя. Еще свидемся».

К записке прилагался человеческий волос. Я тщательно изучил его в свете, что падал из окна за столом домины. Кажется, волосы Младшего были именно такого цвета.

— Великолепный ход.

Уилла Даунт одарила меня очередной гримасой.

Я принялся рассматривать записку. Листок бумаги, судя по всему, откуда-то выдрали — быть может, из книги. Чтобы найти в городе эту книгу, понадобится добрая сотня лет. А вот почерк весьма любопытный. Буквы маленькие, но чувствуется, что писал некто, уверенный в себе и чрезвычайно аккуратный (и, тем не менее, не слишком грамотный).

— Вы не узнаете почерк?

— Конечно, нет.

— Когда вы последний раз видели Карла?

— Вчера утром. Я отправила его в наш склад на набережной. Поручила проверить, насколько истинны сведения о воровстве. Старший кладовщик утверждает, что воруют брауни, однако я полагаю, что главный брауни — именно он и продает припасы с нашего склада кому-то из обитателей Холма. Может быть, даже кому-то из ближайших соседей.

— Как приятно сознавать, что благородные стоят выше искушений и пороков, терзающих простых смертных! Когда Карл не вернулся, вас это не обеспокоило?

— Я уже сказала, что меня не интересуют ваши политические взгляды. Приберегите свои рассуждения для тех, кто с ними согласен. Что касается Карла, я на самом деле не стала волноваться. Во-первых, он нередко не бывал дома неделями, а во-вторых, сын Владычицы Бурь — взрослый человек.

— Однако вас оставили присматривать за ним и за его отцом. И до сих пор вы успешно справлялись с поручением, судя по тому, что с того дня, как старушка покинула город, не возникало и намека на скандал.

Ответом мне была новая гримаса.

Неожиданно дверь распахнулась, и в кабинет ворвался мужчина.

— Уилла, какие новости... — Заметив меня, он замолчал. Брови поползли вверх и остановились приблизительно на середине лба. Карл-старший славился этим трюком. Как утверждали некоторые, ничего другого он не умел. — Это еще кто, черт побери? — Вдобавок, супруг Владычицы Бурь был известным грубияном. Правда, от вышестоящих мы обычно другого и не ждем.

4

— Новостей пока никаких, — проговорила Уилла Даунт. — Думаю, если они и появятся, то не очень скоро. — И вопросительно посмотрела на меня, словно желая, чтобы я подтвердил ее слова.

— Обычно похитители тянут до последнего. Чем больше человек волнуется, тем вероятнее, что он не будет упрямиться и заплатит выкуп.

— Это мистер Гаррет, — представила меня домина. — Специалист по похищениям и похитителям.

— Боже мой, Уилла! Ты сошла с ума! Нас же предупредили, чтобы мы не раскрывали рта!

— Мистер Гаррет, — продолжала домина, пропустив слова Карла-старшего мимо ушей, — позвольте представить вам супруга Владычицы Бурь, баронета да Пена, отца жертвы.

Надо было видеть, как его перекорежило! Не изменив ни тона, ни выражения лица, домина Даунт ухитрилась врезать Карлу-старшему под дых, причем дважды. Во-первых, обозвала супругом (из чего следовало, что он — захребетник), во-вторых, упомянула о баронстве (титул не являлся наследственным, поскольку Карл был всего-навсего четвертым сыном отпрыска младшей линии королевского рода). Кстати, в ее фразе, вполне возможно, содержался и намек на то, что Младший, как утверждала молва, вовсе не сын Старшему.

— Как поживаете, господин? Между прочим, домина, барон задал вопрос, на который я и сам хотел бы получить ответ. Почему вы обратились ко мне, если преступники настаивают на соблюдении тайны? Вдобавок, не просто обратились, а прислали за человеком с такой репутацией, как у меня, целую ораву шутов в компании девицы, одетой столь броско, что ее заметил бы даже слепой? Не думаю, что похитители будут долго оставаться в неведении...

— Именно этого я и добивалась.

— Уилла!

— Успокойся, Карл. Я разговариваю с мистером Гарретом.

Баронет смертельно побледнел. Ему ясно дали понять, кто тут главный и кто принимает решения, да еще на глазах у какого-то ничтожества из городских низов. Тем не менее он сдержался, а я сделал вид, что ничего не видел и не слышал (существуют вещи, замечать которые опасно для здоровья).

— Мистер Гаррет, я хотела, чтобы преступники узнали, что я обратилась к вам.

— Зачем?

— Ради безопасности юноши. Как, по-вашему: зная, что вы взялись за расследование, не подумают ли похитители дважды, а то и трижды, стоит ли им теперь плохо обращаться с молодым Карлом?

— Подумают, если, конечно, мы имеем дело с профессионалами, которые все знают о Гаррете. Если тут замешаны непрофессионалы, то положение молодого Карла становится просто угрожающим. Вы несколько поспешили, домина. Объясните, пожалуйста, что вам от меня конкретно нужно.

— Ничего.

— А? — только и сумел выдавить я.

— Вы сделали все, что от вас требовалось. При-

шли сюда, побеседовали со мной, так сказать, одолжили свою репутацию. Будем надеяться, теперь у Карла появился дополнительный шанс на спасение.

— Вот, значит, как?

— Да, мистер Гаррет. Как, по-вашему, достаточно ли ста марок за использование вашей репутации?

«Разумеется», — подумал я, но вслух этого говорить не стал.

— А как насчет выкупа? — спросил я. Обычно клиенты в таких делах полагались на меня целиком и полностью.

— Думаю, что справлюсь сама. Насколько я понимаю, главное здесь — в точности следовать инструкциям, правильно?

— Правильно. Сильнее всего преступники нервничают именно при получении выкупа. Поэтому вам следует вести себя крайне осмотрительно — ради безопасности как юноши, так и вашей собственной.

Баронет фыркнул, кашлянул, топнул ногой. Ему явно хотелось принять участие в разговоре, однако стоило Уилле Даунт бросить на него ледяной взгляд, как он тут же присмирел.

Интересно, чем она так застращала супруга Владычицы Бурь, что он ходит у нее по струнке?

Несмотря на свой возраст — ему было то ли под пятьдесят, то ли уже за, — Карл-старший оставался довольно привлекательным мужчиной. Морщин практически нет, волосы, иссиня-черные и кудрявые, все на месте и, судя по виду, седеть начнут не раньше, чем лет через десять. Ростом он, честно говоря, не вышел, но это его, по-видимому, не смущало. В общем, баронет производил впечатление завзятого бабника и, по слухам, был таковым на самом деле.

Причем годы отнюдь не стали для него помехой. Хорошо подвешенный язык, громкий титул, густые брови, большие голубые глаза, в которых, образно выражаясь, отражается душа, — все это бросало в его объятия дамочек, о каких мы, простые смертные, могли только грезить.

Но сейчас толку от него не было. Он весь извертелся, как мальчишка, которому приспичило в уборную.

Карл-младший (неважно, законный он сын или нет) полностью соответствовал поговорке насчет яблочка, которое падает недалеко от яблони. Он походил на Карла-старшего лицом и характером и представлял собой не меньшую опасность для женщин; кроме того, ему было не занимать заносчивости, на том основании, что он — единственный и ненаглядный сынок Владычицы Бурь Рейвер Стикс и с его мамочкой никто не рискнет связываться.

Старшему мое присутствие во дворце пришлось не по душе. Возможно, я ему просто не понравился. Если так, то неприятие было взаимным. Мне пришлось самому зарабатывать себе на жизнь с восьми лет, а потому я на дух не переносил всяких захребетников, в особенности с Холма. Именно из-за своего безделья они попали впросак с Кантардом, вследствие чего целое поколение отправилось на юг — воевать за серебряные копи.

Может, Слави Дуралейник, покончив с военачальниками венагетов, займется карентийскими шишками? Было бы неплохо...

— Если я вам больше не нужен, то позвольте откланяться. Желаю удачи при встрече с похитителями.

— Вы сумеете самостоятельно выйти на улицу? — Выражение лица домины Даунт говорило о том, что она сомневается в моей искренности.

— Когда я служил в морской пехоте, нас учили ориентироваться на местности.

— Тогда всего хорошего, мистер Гаррет.

Карл-старший подал голос в ту самую секунду, когда я закрыл за собой дверь. Хорошая дверь, толстая; о чем он кричит, через нее было не разобрать, хотя я прижался к ней ухом. Ну и ладно, пускай себе беснуется, дает волю ярости и страху.

5

У дворцовых ворот меня поджидала Амиранда. Завидев ее, я сделал глубокий вдох, чтобы хоть немного прийти в себя и не совершить какого-нибудь необдуманного поступка. Она сменила роскошный наряд, в котором приходила ко мне, на повседневную одежду, однако выглядела так, словно в ней воплотились наяву полночные грезы всех мужчин.

Впрочем, чувствовалось, что она чем-то обеспокоена. Пожалуй, сейчас не время для любезностей.

Морли Дотс, с которым мы иногда работаем в паре, считает, что меня хлебом не корми, дай только помочь попавшей в беду прекрасной даме. Кстати говоря, от Морли я узнал про себя много интересного — зачастую он ошибался, да и, если уж на то пошло, высказываться на мой счет его никто не просил; но что касается прекрасных дам, тут он угодил в яблочко. Стоит красивой девушке залиться слезами, как доблестный рыцарь Гаррет вспрыгивает на коня и скачет на битву с драконом.

— Что она вам сказала, мистер Гаррет? Что ей было нужно?

— Говорила она много, но ухитрилась почти ничего не сказать. И ей от меня ничего не нужно.

— Не понимаю. — Мне показалось, что мой ответ разочаровал Амиранду.

— Да я, в общем, тоже. По ее словам, она просто-напросто хотела напугать похитителей. Мол, узнав, что за дело взялся Гаррет, они, возможно, стушуются и будут поласковее с молодым Карлом.

— А... — Амиранда облегченно вздохнула. Любопытно, чего она опасалась? Как-то все это подозрительно. — Значит, вы полагаете, что Карлу ничто не угрожает?

— Не могу сказать. Знаю лишь, что сам крепко подумал бы, прежде чем связываться с такой женщиной, как домина Даунт.

Из двери футах в тридцати от того места, где стояли мы, вышла черноволосая красотка лет девятнадцати-двадцати. Оглядела меня с головы до ног, соблазнительно улыбнулась — и прошествовала мимо походкой, способной свести с ума даже статую.

— Кто это? — спросил я.

— Расслабьтесь, мистер Гаррет. Она не про вас, вы не посмеете прикоснуться к ней ни в мечтах, ни тем более наяву. Это Амбер, дочь Владычицы Бурь.

— Ясно.

— Мистер, — проговорила Амиранда, перехватив взгляд, которым я проводил очаровательную брюнетку, — соблаговолите спуститься на землю. Помнится, вы выражали желание встретиться со мной в нерабочей обстановке. Так вот, сегодня в восемь, в «Железном лгуне».

— Где-где? Мне такое заведение не по... — Я вовремя спохватился. Совсем забыл, что пару часов назад получил от этой крошки сотню золотых марок. — В восемь? Договорились. Знайте, остаток дня я проведу, предвкушая неземные радости. — Довольно усмехнулся и вышел за ворота.

Шагая по улице, что вела вниз по склону Холма, я размышлял о том, почему никогда не слышал ни о какой дочери по имени Амбер. Ведь про Владычицу Бурь и ее семью в Танфейре ходило столько слухов и сплетен... Да, тут городские кумушки явно опростоволосились.

6

Из комнаты Покойника доносились странные звуки. Я прошел мимо и направился на кухню, где старина Дин жарил сосиски, одновременно пригля-

дывая за пирогом в печи. Увидев меня, он вытянул из холодильного колодца маленький бочонок. Этот колодец я соорудил на гонорар за дело Старка — в конце концов, если хочется холодного пива, почему я должен отказывать себе в удовольствии?

— Удачный денек, мистер Гаррет? — поинтересовался Дин, протягивая мне кружку.

— Можно сказать и так. — Я запрокинул голову и одним махом опорожнил кружку наполовину. — Подвернулось выгодное дельце. А чем занимается наш общий друг?

— Не знаю, мистер Гаррет. Он не разрешает мне убираться в его комнате.

— Вот как?.. — Я посмотрел на сосиски, перевел взгляд на пирог. Если Дин полагает, что я в состоянии все это съесть, он заблуждается. Или... — Ты что, снова пригласил в гости племянницу?

Дин покраснел.

— Зря, — заметил я, покачав головой. — Сегодня вечером мне придется уйти из дома.

В жилах Дина и всех его родственников текла кровь троллей. Я не считаю себя человеком с предрассудками — если имел бы предубеждение, то разве отправился бы на свидание с той, которая наполовину эльфиянка? — однако родственницы Дина унаследовали от родителей в первую очередь троллье безобразие. Стоило им выйти на улицу, как собаки начинали выть, а лошади ржали и били копытами; в общем, сердце золотое, но внешность... Между тем Дин упорно продолжал приводить их в наш дом, рассчитывая, очевидно, рано или поздно сосватать за меня одну из своих племянниц (запас которых, судя по всему, был неисчерпаем).

Три сосиски, два куска лучшего в мире яблочного пирога и несколько кружек пива спустя я почувствовал, что готов заглянуть в логово Покойника.

— Дин, как обычно, все очень вкусно. Спасибо. Что ж, я иду к логхиру. Если не выберусь к выходным, посылай на выручку Плоскоголового Тарпа. У него настолько толстый череп, что Покойник не сумеет прочесть его мысли. — Может, свести Тарпа с какой-нибудь племянницей Дина? Нет, не буду; все же Тарп мой приятель.

— Убирайся, Гаррет, — заявил Покойник, уловив, что я приближаюсь. Я, естественно, и не подумал подчиниться.

Он по-прежнему воевал. На сей раз тараканий бог собрал на стене всех своих насекомых, лапки и крылья которых производили диковинные звуки.

— Как делишки? — спросил я. Покойник промолчал. — Хитрец этот Слави Дуралейник, верно?

Интересно, подумалось мне, неужели Покойник вознамерился уничтожить всех жуков в Танфейре? Если так, надо намекнуть властям, что за подобные услуги принято платить.

Логхир не подал виду, что слышит. Насекомые на стене забегали быстрее. Я уселся в кресло и некоторое время наблюдал за ходом боевых действий. Как выяснилось, Покойник не воспроизводил некую кампанию — он экспериментировал. А может, воевал сам с собой. Ведь мозги логхиров устроены таким образом, что их можно при желании разделить на два-три независимых друг от друга участка.

— Забавный выдался денек.

Покойник продолжал хранить молчание. Наказывал меня за бесцеремонность, притворяясь, будто я для него не существую. Тем не менее он слушал. В конце концов, других приключений, кроме тех, о которых рассказывал я, у Покойника не было и не могло быть.

Я поведал о том, что со мной сегодня произошло, постаравшись не упустить ни единой подробности. Сами знаете, что-нибудь забудешь, а потом окажется, что это было главное.

Слушая мой рассказ, Покойник руководил войсками. Мне вдруг почудилось, что перемещения жучиных подразделений осуществляются по определенной схеме, понять которую я не в состоянии.

Что ж, пора двигаться. Я встал и направился к двери, бросив через плечо:

— Увидимся, когда встретимся, Мешок-с-Костями.

— Гаррет, постарайся не приводить свою подружку. Я не потерплю подобных глупостей в моем доме.

Моем!.. Вот это наглость! Должно быть, женоненавистничество для Покойника — нечто вроде компенсации за упущенное удовольствие.

— Будь осторожен, Гаррет, — сказал он, когда я закрывал за собой дверь.

Я всегда осторожен. Точнее, когда обращаю внимание на мелочи и полагаю, что мне есть из-за чего беспокоиться. Но что может случиться с человеком, который пошел за спиртным в лавку через пару улиц?

Поверьте мне: все, что угодно.

Денек и впрямь выдался забавный. Я уловил запах «травки» и, признаться, заинтересовался. У нас по соседству любителей «травки» раз-два и обчелся, а запах был на удивление сильным. Я двинулся в ту сторону, откуда он доносился.

И наткнулся на пятерых парней, в которых с первого взгляда угадывалось родство с гоблинами. Мне повезло вдвойне: гоблины вообще туповаты и неповоротливы, а эти накурились до такой степени, что соображали медленнее улитки. Впрочем, кое-что они все-таки замечали — видно, сказывалась привычка.

— Гаррет? — пробормотал один. — Айда, братва.

Я начал первым. Ударил одного ногой в пах, врезал второму по кадыку, а потом споткнулся и упал. Между тем первый противник сложился пополам и принялся опорожнять желудок, а второй, утратив всякий интерес к происходящему, побрел прочь, прижимая ладонь к горлу.

Перекатившись на спину, я свалил с ног третьего, которого сумел застать врасплох. Он рухнул, как подкошенный, ударился головой о мостовую и на какое-то время выключился из игры.

Неплохо, Гаррет. Пожалуй, ты сумеешь выкрутиться...

Оставшиеся двое противников тупо глядели, как я разбираюсь с их подельниками. Вокруг начала собираться толпа.

Наконец у последних двоих мозги прояснились настолько, что они подступили ко мне. Я двигался гораздо проворнее, однако у них было преимущество в численности. Мы повальсировали по мостовой; я нанес пару ударов (которые не достигли цели, поскольку гоблины явно осторожничали) и столько же пропустил.

Третий удар изрядно поколебал мою уверенность в благополучном исходе. В глазах на мгновение помутилось, а мой могучий интеллект целиком и полностью сосредоточился на древнем, как мир, вопросе: где, собственно, верх?

Один из гоблинов высказался в том смысле, что мне следует держаться подальше от семьи Владычицы Бурь, а второй тем временем вознамерился окончательно вышибить из меня дух. Я выхватил у пожилого зеваки шишковатую палку, на которую он опирался, и от души врезал противнику промеж глаз. После чего двинулся на говорилу. Тот отбивался до тех пор, пока я очередным ударом не сломал ему руку.

Тут он запросил пощады. Я согласился на мировую, вернул старикашке из толпы, которая вдруг бросилась врассыпную, его палку и тоже юркнул в переулок. К месту нашей стычки спешили те, кто представляет в Танфейре стражей законности и

порядка. Мне вовсе не хотелось, чтобы меня забрали и обвинили в превышении допустимых пределов самообороны (ведь закон, когда действует вообще, действует именно так). Пускай разбираются с гоблинами.

Ничего не скажешь, забавный денек.

Покойник жадно выслушал мой отчет о событиях, отпустил язвительное замечание, когда я упомянул о том, что гоблины могли бы быть и пособразительнее, а в конце разговора — я пошел умываться и переодеваться — заметил:

— Я же говорил, будь осторожен.

— Помню, помню. Теперь уж точно не забуду. А ты последи за своими тараканами. Они вот-вот обойдут с фланга чешуйниц у горы Желтого Пса.

Покойник отвлекся от войны лишь затем, чтобы поднять в воздух и швырнуть в меня каменную статуэтку какого-то логхирского божка. Она врезалась в дверь, которую я предусмотрительно поспешил захлопнуть.

Ладно, пускай себе забавляется. Когда он становится настолько раздражителен, это означает, что у него возникает или уже возникло решение какой-то задачи.

7

Добравшись до «Железного лгуна», я обнаружил, что Амиранда уже там. Причем не я опоздал, а она пришла заранее. Зная по собственному опыту, что женщина, приходящая вовремя, — драгоценность, которую следует холить и лелеять, я воздержался от каких-либо шуточек.

— Что с вами стряслось? — спросила она. — Вы выглядите так, словно участвовали в драке.

— Точно в яблочко, госпожа. Но видели бы вы моих противников!

Я вкратце поведал ей о стычке с гоблинами — для того, чтобы проверить, как она отреагирует. Мой рассказ, похоже, сбил Амиранду с толку и отчасти напугал, однако девушка быстро овладела собой.

— Это были те, кто похитил Карла?

— Не знаю. Вряд ли. — Я решил, что хватит толковать о всякой ерунде, когда рядом находится прелестная дама. — Как вы угодили во дворец Владычицы Бурь?

— Я в нем родилась.

— Что?

— Мой отец дружил с ее отцом. Иногда они помогали друг другу в делах.

Разинув от удивления рот, я погрузился в подсчеты. Отец Владычицы Бурь умер еще до моего рождения. А эльфы живут долго и стареют медленнее, чем люди. Значит, эта красотка по возрасту годится мне в матери?

— Мистер Гаррет, мне двадцать один год.

Я заломил бровь.

— Знаете, я привыкла к тому, что у мужчины стекленеет взгляд, когда он вдруг осознает, что я могу оказаться старше, мудрее и опытнее его. Порой мужчина ударяется в панику, теряет от страха голову...

Я поторопился извиниться, потом прибавил:

— По-моему, вы несколько преувеличиваете. Возможно, дело не в возрасте, а в том, что вы — дочь Молахлу Креста, слава которого окутывает вас, словно саван. Люди наверняка гадают, передается ли жестокость по наследству.

— Большинство и слыхом не слыхивало о Молахлу Кресте.

Я промолчал. Если ей хочется в это верить, пускай верит. Может быть, таким образом она пытается совладать с дурной наследственностью.

Отец Владычицы Бурь (который принял имя Стикс Саббат) и Молахлу Крест пробились наверх с самого низа — первый благодаря колдовскому дару, а второй вследствие отсутствия совести и сочувствия к другим. Их путь к вершинам власти был устлан десятками трупов. Они брали, уничтожали, убивали, и единственное, что можно сказать о них хорошего, — оставались друзьями до последнего дня. Эту дружбу не могли нарушить ни алчность, ни стремление к власти.

В наше время это редкость, верно? Признайтесь положа руку на сердце, скольким из своих друзей вы можете всецело доверять?

Говорили, что у Молахлу Креста также прорезались колдовские способности, и это сделало его опасным вдвойне. Еще недавно перед ним трепетал весь Танфейр, от наиболее богатых и влиятельных личностей до отбросов общества с городских набережных. Что в конце концов случилось с Молахлу Крестом, никто не знает; впрочем, ходили слухи, что Владычица Бурь однажды решила от него избавиться.

Я перевел разговор на более приятную тему, и Амиранда, которая явно нервничала, потихоньку начала успокаиваться. Гулять так гулять — я заказал бутылку «Танфейрского золотого». Вино пришлось весьма кстати.

Дождавшись, пока у Амиранды поднимется настроение, я спросил:

— Похитители не объявлялись?

— Нет. По крайней мере, домина ничего мне не говорила. Почему они тянут?

— Чтобы заставить вас поволноваться. Видимо, рассчитывают, что вы пойдете на все, лишь бы освободить Младшего. Кстати, расскажите мне о нем. Он действительно таков, каким его представляет молва?

— Понятия не имею, какие слухи про него распускают. — Амиранда поджала губы. — И потом, его зовут Карл, а не Младший.

Я попробовал выяснить что-либо обходным путем, но у меня ничего не вышло.

— Почему вы задаете столько вопросов, мистер Гаррет? Ведь вы уже выполнили то, что от вас требовалось, и получили свои деньги. Разве нет?

Странная девушка. Вся в себе. Обычно я с такими не связываюсь, но к ней меня притягивало словно магнитом. Чудеса, да и только.

В конце ужина Амиранда осведомилась:

— Что теперь? Выкладывайте свои коварные замыслы.

— Коварные замыслы? У меня? Неужели я похож на бандита? Слушайте, раз уж вы снизошли до простых смертных, может, заглянем в заведение к моему знакомому?

— Я согласна на все, лишь бы не возвращаться в...

Да, Амиранда старалась быть веселой, однако получалось у нее не очень. Признаться, если бы не «Танфейрское золотое», на девушку не подействовало бы и мое обычно неотразимое обаяние.

У Морли, как всегда, веселились напропалую. В зале теснились гномы, эльфы, тролли, гоблины, пикси, браунн и прочие личности, не говоря уж о диковинных уродцах, родители которых явно принадлежали к различным видам. Амиранду провожали одобрительными взглядами, а на меня взирали с отвращением. Ну да я их не виню. Откровенно говоря, я бы тоже скуксился, доведись мне отужинать тем, что годится в пищу разве что кроликам, и запить сие кушанье безалкогольным коктейлем.

Я направился прямиком к стойке, за которой стоял знакомый бармен, и спросил у него, где Морли. Он мотнул головой в сторону лестницы.

Мы поднялись по ступенькам (Амиранда снова занервничала), и я постучал в дверь.

Мы вошли. Морли возился с бумагами, но мгно-

венно отвлекся, заметив Амиранду. Глазки-бусинки так и вспыхнули.

— Расслабься, приятель, место занято. Амиранда, это Морли Дотс. У него три жены и девять детей, причем все они попали в сумасшедший дом. Он хозяин этой забегаловки и порой изображает из себя моего друга.

Тем, кто вращался в определенных кругах, имя Морли Дотса говорило гораздо больше. Он являлся главным специалистом городского дна по мерам физического воздействия, то есть с помощью своих подчиненных ломал за деньги руки и ноги и пробивал черепушки, хотя больше всего на свете обожал разбивать женские сердца, причем это делал совершенно бесплатно. Наполовину человек, наполовину темный эльф, он отличался свойственным последним изяществом и пригожестью. Близким другом я бы его не назвал, поскольку сближаться с Морли было опасно для здоровья, однако несколько раз мы с ним сотрудничали.

— Не верьте ни единому слову этого негодяя! — воскликнул Морли. — Он не скажет правды, даже если ему заплатят. К тому же Гаррет — ярко выраженный психопат. К примеру, сегодня днем он напал на пятерых гоблинов, которые, никому не мешая, курили «травку».

— А, так ты уже знаешь?

— Слухами земля полнится, Гаррет.

— И что скажешь?

— А что тут можно сказать? Я кое-кого порасспросил, но кто нанял гоблинов, выяснить не сумел. Между прочим, я их знаю. Ленивые тупицы, которые ни на что не годятся, однако советую тебе почаще оглядываться, поскольку двоим из них здорово досталось, а уцелевшие, может статься, решат отомстить за приятелей.

— Спасибо за совет. Кстати, окажи мне еще одну услугу — присмотрись к парню, который следит за нами.

— За нами следят? — испуганно воскликнула Амиранда.

— От самого «Железного лгуна». До тех пор я его не замечал. Возможно, он приклеился к нам именно там. Впрочем, скорее всего, он следил за вами от дворца.

Амиранда побледнела.

— Посади ее в кресло, болван, — проговорил Морли. — Манеры у тебя, как у ящерицы.

Я усадил Амиранду в кресло, смерив Дотса испепеляющим взглядом.

— Во что ты вляпался на сей раз? — Морли достал откуда-то из-под стола бутылку бренди и показал мне: мол, как? Я утвердительно кивнул. Вслед за бутылкой появился бокал. Дотс знал, что я предпочитаю пиво, а сам он к спиртному не притрагивался вообще. Поэтому, честно говоря, появление бутылки меня слегка удивило. Должно быть, он держит алкоголь для своих дамочек.

Наполнив бокал, я передал его Амиранде. Девушка пригубила.

— Извините, пожалуйста. Наверно, я веду себя глупо, но никак не думала, что все окажется настолько сложным...

Притворившись, будто ничего не слышали, мы с Морли переглянулись.

— Секрет? — поинтересовался Дотс.

— Не знаю. Амиранда, можно мне рассказать обо всем Морли? Ручаюсь, это останется между нами, а он может кое-что для вас сделать. — Дотс ухмыльнулся. Я погрозил ему кулаком и мысленно отругал себя за столь двусмысленную фразу.

Амиранда собиралась с мыслями. Нет, она явно не принадлежала к числу девиц, которые способны только лить слезы. Замечательная девушка; с каждой секундой она нравилась мне все больше и больше. Конечно, помогать прекрасным дамам в беде — моя профессия, но я устал от тех, которые беспрерывно ноют и заливаются слезами. Куда лучше иметь дело с женщиной, которая наняла тебя на работу и в головке у которой отнюдь не пусто.

Правда, в данном случае меня никто не нанимал. Ну и ладно, мне бы выяснить, кто подослал гоблинов.

Амиранда пораскинула мозгами и приняла решение. Она рассказала Морли о похищении, причем так, что я мгновенно заподозрил неладное: ухитрилась поведать лишь то, что мне было уже известно.

— Работали профессионалы, — заметил Морли. — Гаррет, за каким бесом тебя понесло в политику?

— С чего вы взяли, что похищение связано с политикой? — удивилась Амиранда.

— Во-первых, похищения сейчас происходят крайне редко. Во-вторых, обыкновенные похитители ни за что не стали бы связываться с Владычицей Бурь. Думаю, никто из обитателей городского дна на такое дело не пойдет.

— Значит, любители, — подытожил я.

— Любители, у которых достаточно денег, чтобы нанимать головорезов и филеров, — уточнил Морли. — То есть следы ведут на Холм. А все, что имеет отношение к Холму, связано с политикой.

— Может быть. Лично я не стану торопиться с выводами. Знаешь, Морли, что-то здесь не так. Я не могу понять, кому выгодно похищение. Если догадаюсь, все сразу станет ясно. Впрочем, меня никто не нанимал. Я просто стараюсь обезопасить наши с Амирандой шкуры.

— Я пошарю в столах, загляну под кровати и навещу тебя завтра утром, — пообещал Морли. — После того случая с вампирами я многим тебе обязан.

Я подтолкнул Амиранду к двери. Мы вышли из кабинета и спустились по лестнице, на которой разминулись с тремя первоклассными головорезами. Я назвал их первоклассными потому, что выглядели они достаточно толковыми, чтобы поручить им дельце, которое требует не только грубой силы, но и наличия какого-никакого интеллекта.

Пока мы были наверху, в заведение Морли заглянул мой старый приятель Плоскоголовый Тарп. Он с ходу предложил мне опрокинуть по кувшину морковного сока и вспомнить былые времена, но я отказался. Нам с Амирандой следовало уйти, иначе головорезы Морли не смогут проследить за нашим «хвостом».

— Если вам понадобится телохранитель, — сказал я Амиранде, — приходите сюда и спросите Плоскоголового Тарпа. Он лучший среди всех.

— А тот, у кого мы были? Морли, кажется... Вы ему доверяете?

— Я преспокойно доверю ему деньги или собственную жизнь, но не женщину, за которой ухаживаю. Уже поздно. Давайте я отведу вас домой.

8

На следующий день Морли пожаловал ко мне собственной персоной. Старина Дин провел его в закуток, который я именовал кабинетом, после чего отправился на кухню за апельсиновым соком, что хранился у нас ради тех редких случаев, когда я вдруг понимал, что пиво меня не прельщает.

— Чего такой смурной, Гаррет? — поинтересовался Морли, когда я мрачно поздоровался с ним, даже не подумав встать.

— Да так. Надоело улыбаться всем подряд.

— Может, ты и прав, хотя сам о том не подозреваешь.

Я продемонстрировал Морли свой знаменитый трюк с заламыванием брови. Его это явно не впечатлило. Привык, паразит, ничего не попишешь.

— Я прощупал всех, кто занимается похищениями ради выкупа. Никто из них не ушел в подполье, никто не брался за работу, оплаченную деньгами с Холма. Самые-самые, можно сказать, закоренелые личности уверили меня, что среди них не найти безумца, который похитил бы сынка Владычицы Бурь. Даже за миллион марок золотом. Мол, когда тебе примутся поджаривать пятки, золото уже ни к чему...

— И это новость, которая должна повергнуть меня в уныние?

— Нет. Но сейчас ты узнаешь, кто накануне вечером следил за вами. Точнее, за твоей дамой. Между прочим, тебе следовало предупредить меня о том, кто она такая.

— Так что там насчет «хвоста»?

— Стоило вам уйти, как он поперся следом, чуть ли не в открытую...

— Прошу прощения, мистер Гаррет, — сказал Дин, просовывая голову в дверь. — Вас хочет видеть некий мистер Слос, который утверждает, что его послала домина Даунт. Впустить?

— Я подожду, — проговорил Морли.

— Вон там. — Я указал на дверь, за которой начинался коридорчик, что вел мимо комнаты Покойника. — Проси мистера Слоса, Дин.

Слос оказался толстым коротышкой с багровой физиономией, который явно чувствовал себя не в своей тарелке. По-видимому, он принял меня за профессионального наемного убийцу.

— Мистер Гаррет? — спросил он, изо всех сил стараясь изобразить вежливость, к которой, судя по всему, не привык.

— Он самый, — подтвердил я.

— Домина Даунт хотела бы снова встретиться с вами. Она велела передать, что получила новое письмо от своего корреспондента и надеется в этой связи на хороший совет. Полагаю, вы понимаете, о чем идет речь, поскольку она не стала ничего уточнять.

— Прекрасно понимаю.

— Еще она поручила мне предложить вам десять золотых марок.

Интересно, что ей на самом деле нужно? Деньгами она бросается направо и налево, но ради чего? Тем более такие суммы — да за десять марок золотом обыкновенный работяга должен горбатиться как минимум месяц!

К тому же, сейчас золото было в цене. Слави Дуралейник захватил в Кантарде несколько серебряных копей, благодаря чему серебро на север потекло рекой.

Может, Уилла Даунт хочет вызнать подноготную Амиранды? Что ж, за десять марок золотом я на это, пожалуй, пойду. Ведь нам с Покойником вечно не хватает денег.

— Передайте домине, что я приду, как только закончу с делами и пообедаю.

Багровая физиономия Слоса приобрела лиловый оттенок. Ну конечно, он ожидал, что, если с Холма прикажут прыгать, я тут же кинусь в пропасть. Судя по выражению лица, ему отчаянно хотелось выволочь меня из дома, однако он совладал с эмоциями.

— Отлично. На вашем месте я не стал бы слишком задерживаться. Домина не любит ждать. — Слос отсчитал пять монет достоинством в две марки каждая.

— Дин, проводи мистера Слоса. — Всегда полезно удостовериться, что гость действительно ушел. Ведь попадаются глупые настолько, что забывают, с какой стороны двери они должны оказаться, когда та захлопнется.

— Попробуй монеты на зуб, Гаррет, — посоветовал Морли, выбравшись из укрытия. — Кто-то затеял странную игру.

— То есть?

— Вчера вечером за вами следил этот самый тип.

— Да? В темноте он выглядел повыше ростом.

— Может, он был на каблуках. По-моему, тебе пора со всем этим заканчивать.

— А я ничего и не начинал.

— Гаррет, я тебя знаю. Если ты не поставишь на этом деле крест прямо сейчас, то скоро окажешься по уши в дерьме.

Поскольку пророческого дара за Морли до сих пор не наблюдалось, я не обратил на последнюю фразу ни малейшего внимания. Поблагодарил, уточнил, что он отчасти выплатил мне должок за вампиров, проводил до двери и велел Дину подавать обед.

Отобедав, я направился во дворец Владычицы Бурь — отрабатывать свои деньги.

9

Уиллу Даунт явно уязвило мое нежелание ходить по струнке, однако она притворилась, будто ничего не произошло. Так почему-то поступают все — кроме Покойника, который не считает нужным скрывать от меня свое раздражение. Я решил, что на всякий случай надо держать ухо востро.

— Спасибо, что откликнулись на мою просьбу, мистер Гаррет.

— Ваш посыльный сообщил, что вы получили записку от похитителей.

— Совершенно верно. Причем доставили ее тем же способом, что и первую. — Она протянула мне листок бумаги.

Тот же почерк, те же ошибки. В записке сообщалось, что рыночная цена Младшего составляет двести тысяч марок золотом и в скором времени будут назначены время и место передачи выкупа.

— Двести тысяч! Похоже, у паренька серьезные неприятности. Цену заломили весьма солидную.

— Мистер Гаррет, мы заплатим, даже если они увеличат сумму вдвое. Дело не в этом.

— А в чем?

— В том, что я не сумею скрыть столь значительные расходы от Владычицы Бурь и мне придется, как минимум, выслушать немало нелестных слов в свой адрес. Впрочем, жизнь сына для нее все-таки важнее денег.

— Насколько я понимаю, для вас — наоборот?

— Мистер Гаррет, мое мнение не играет никакой роли. Мы с вами находимся в доме Владычицы Бурь, и здесь законом являются любое ее слово и любой ее каприз.

— Что вы хотите от меня?

— Мне нужен совет. Подскажите, как доставить на место столь крупную сумму.

— Вам понадобится большой карман.

— Мистер Гаррет, вам заплачено вовсе не за то, чтобы вы упражнялись в остроумии.

— Как скажете.

— Двести тысяч марок золотом весят около четырех тысяч фунтов. То есть придется нанимать повозку, запряженную по крайней мере четверкой лошадей. Неужели похитители рассчитывают, что эту повозку никто не заметит?

— Вполне возможно, они назначат место встречи где-нибудь за городом, а по дороге будут наблюдать за повозкой, чтобы убедиться, что за вами никто не следит.

— Скорее всего, они будут настаивать на золотых монетах, правильно? Лично мне гораздо легче раздобыть нужное количество слитков, однако им продать слитки будет не так-то просто. Верно?

— Может быть.

— Думаю, я права. Поэтому уже начала менять слитки на монеты. Что еще мне следует учесть, мистер Гаррет?

— Не пытайтесь импровизировать. В точности следуйте инструкциям похитителей. Они наверняка будут нервничать, а потому, если вы позволите себе проявить самостоятельность даже в мелочах, запросто могут сорваться. Если хотите отомстить, не торопитесь, подождите, пока все не окажутся дома, в безопасности. Столь крупные суммы денег оставляют следы — нередко кровавые.

— Об этом, мистер Гаррет, я позабочусь, когда настанет время. Скорее всего, подожду возвращения Владычицы Бурь. Что ж, спасибо за совет. Приятно, когда профессионал одобряет действия дилетанта. По-моему, у нас складываются неплохие рабочие взаимоотношения. Но чтобы их ничто не омрачало, вам следует кое-что сделать.

— А именно?

— Держитесь подальше от Амиранды Крест.

— Домина, вот уже двадцать лет, как я сам выбираю себе друзей. Вы, конечно, душка, но если я сделаю исключение для вас...

— Я не привыкла к неповиновению.

— Почаще спускайтесь с Холма. У вас появится множество полезных привычек.

— Убирайтесь, пока я не рассердилась по-настоящему!

Я счел за лучшее подчиниться.

— И держитесь подальше от Амиранды!

Полагаю, Амиранда получила такой же совет относительно Гаррета.

Захлопнув за собой дверь, я чуть не сшиб с ног Амбер, симпатичную дочку Владычицы Бурь.

— Подслушиваем?

— Она права.

— Насчет чего? — Какой, однако, острый у девицы слух, если она разобрала, о чем шла речь!

— Забудьте про Ами. Я гораздо интереснее.

Ошибаешься, милочка, подумалось мне. Амиранда Крест — настоящая женщина. А у тебя только женское тело, в остальном же ты — избалованный, капризный, тщеславный и, вполне возможно, не слишком сообразительный ребенок.

— Если не возражаете, обсудим это позже.

— Надеюсь, в скором времени? — По-моему, я фыркнул. — Дайте мне знать, когда. — Упрямая, чертовка!

Дверь распахнулась.

— Что ты здесь делаешь, Амбер?

— Разговариваю с мистером Гарретом.

Уилла Даунт сурово сдвинула брови.

— Возвращайся в свою комнату, Амбер. Тебе запрещено появляться в этом крыле.

— Да подавись ты своими запретами, старая ведьма!

Домина ошеломленно воззрилась на девушку. Я испугался, что она начнет брызгать слюной.

— Если тебе угодно оспаривать власть, которой наделила меня в свое отсутствие Владычица Бурь, мы можем обсудить это с твоим отцом, — проговорила Уилла Даунт, овладев собой.

— Ну да. Всем известно, что папаша пляшет под твою дудку.

— Амбер! — воскликнула домина, которая, похоже, ни на секунду не забывала о моем присутствии.

— Чем ты его прельстила? Не женскими же достоинствами, в самом деле! Как женщина ты способна заморозить даже воду в ванной!

— Все, Амбер, с меня хватит.

— Дамы, прошу прощения. Ссоры в курятнике всегда действовали мне на нервы. Счастливо оставаться.

Если бы взгляды убивали... Домине Даунт, естественно, хотелось прикончить свидетеля своего унижения, Амбер же требовалась моя поддержка...

Я вышел из дворца и направился к воротам, высматривая по дороге Амиранду. Но знакомой стройной фигурки так и не заметил.

10

Покойник продолжал увлеченно руководить ходом боевых действий. Он и так-то составлял не слишком удачную компанию, а в моменты, когда занимался военной операцией, от него не было вообще никакого толку. Оставалось утешаться тем, что он и впрямь обнаружит маневр, который проглядели полководцы враждующих армий. И потом, это избавляло меня от брюзжания логхира.

Что касается старины Дина, с ним дело обстояло и того хуже. Стоило сесть за стол, как он принимался рассказывать о какой-нибудь бедной, но привлекательной родственнице, обладающей, по его словам, всеми задатками домоправительницы.

Я надеялся, что меня навестит Амиранда, но она почему-то не приходила, и несколько дней спустя мне стало настолько жаль себя, что я решил потратить недавно заработанные деньги на пиво.

Впрочем, начало получилось не очень удачным. Из первых двух баров меня попросту вытурили, чтобы не занимал место: мол, сколько можно мурыжить одну и ту же кружку...

Я никак не мог отделаться от мыслей о похищении. Нет чтобы радоваться, ведь получил ни за что, ни про что кругленькую сумму! Что-то меня смущало, сбивало с толку, но что именно, установить я не мог.

С другой стороны, кто меня к тому принуждает? На работу частного сыщика Гаррета никто не нанимал, а шнырять вокруг Холма ради того, чтобы утолить собственное любопытство — увольте. Хлопот не оберешься, а прибыли никакой.

В третьем баре, ближе к дому, мне разрешили сидеть сколько угодно. Еще бы, ведь я был постоянным клиентом, причем весьма выгодным. Поэтому, когда напротив уселся какой-то мужчина, я слегка удивился, но решил, что в баре не осталось свободных мест и не поднимал головы, пока незнакомец не прорычал:

— Ты Гаррет?

Я смерил его взглядом. Высокий, широкоплечий, лет тридцати, выглядит довольно внушительно; одет, как лакей с Холма, правда, на ливрею нет и намека. Словом, типичный наемник, по виду которого не определить, кто его нанял.

— Ладно, Бруно, выкладывай, что у тебя, пока я не перешел от слов к делу.

Я намеренно использовал эту уничижительную кличку. Вообще-то прозвищем «Бруно» награждали, как правило, на редкость тупых лакеев. Я огляделся по сторонам. Так, у моего собеседника два приятеля, но они далеко, у стойки, поэтому их пока можно в расчет не принимать.

— Ходят слухи, что ты околачиваешься у дворца Рейвер Стикс. Вдобавок, у тебя репутация типа, который обожает совать нос не в свое дело. Мы хотим знать, что тебе нужно?

— Мы? — переспросил я. Грубый Бруно не потрудился ответить, посему я предложил: — Почему бы тебе не уточнить у Владычицы Бурь?

— Я спрашиваю тебя, Гаррет.

— Зря теряешь время, Бруно. Вали отсюда. Ты мешаешь мне напиваться.

Он схватил меня за левое запястье и начал сжимать пальцы, но совершенно забыл про мою правую руку. Я надавил на участок кожи между его средним и указательным пальцами. Он закатил глаза и побледнел. Я дружелюбно улыбнулся.

— Все в порядке, Бруно? Признавайся, на кого работаешь и с чего взял, что способен кого-либо напугать?

— Пошел ты к... Ой!

— Сначала думай, потом говори. Честно говоря, я удивлен, что с таким языком ты дожил до своих лет.

— Гаррет, ты пожалеешь... А-а-а!

— Считается, что боль — лучший учитель. Однако ты, похоже, настолько туп, что на тебя не действует даже она, верно?

Я наблюдал за приятелями Бруно, которые потихоньку начали догадываться, что их дружок попал в переделку, а потому подошедший к столику человек застал меня врасплох.

— Мистер Гаррет?

Я поднял голову. Что ж, у да Пена вежливость в крови.

— А, Младший. Присаживайтесь. Бруно уже уходит. — Я отпустил руку наемника. Он побрел прочь, массируя пальцы, одарив меня на прощание испепеляющим взглядом.

Внезапно он развернулся и размахнулся, вознамерившись, видимо, рассчитаться со мной одним ударом, но я вовремя выставил ногу и стукнул его мыском башмака по голени. Он снова закатил глаза, жалобно пискнул и заковылял прочь, спасая собственную шкуру.

— Судя по всему, домина Даунт заплатила выкуп и вас вернули целым и невредимым?

— Совершенно верно.

— Что ж, поздравляю со счастливым избавлением. Кстати, какими ветрами вас занесло сюда?

Сын был точной копией отца — естественно, с учетом разницы в возрасте. Интересно, у кого могли возникнуть сомнения в отцовстве Старшего? Откровенно говоря, Карл-младший разве что в младенчестве сильно отличался наружностью от своего папаши. Впрочем, каких только слухов не распускают про власть имущих...

— Я хотел лично поблагодарить вас. — Голос у паренька был высокий и тонкий; вдобавок, говорил он таким тоном, будто извинялся за то, что живет на свете.

— За что? Я же пальцем не пошевелил!

— По крайней мере, вы делали вид, а этого оказалось вполне достаточно. Мне удалось подслушать разговор похитителей. Они обсуждали, как быть теперь, когда за расследование взялись вы, и в конце концов решили, что надо брать деньги и удирать, пока целы. Вот поэтому я и говорю, что очень вам обязан. Если бы не вы, меня могли бы...

Облик Младшего дополняла характерная черта: он, по-видимому, не мог сидеть спокойно — беспрерывно ерзал на стуле, раскачивался вперед-назад, устремляя взор в пространство. Должно быть, расти во дворце Владычицы Бурь — еще то удовольствие...

Во мне крепло подозрение, что на самом деле он хочет поговорить о чем-то важном, а благодарность — всего лишь предлог. Однако давить на таких, как он, не имея ни единой зацепки, попросту бессмысленно. Они, как правило, замыкаются в себе. Поэтому я откинулся на спинку и притворился, будто безмерно рад и готов слушать болтовню Младшего до бесконечности.

Буквально в следующий же миг стало ясно, что Карл подбирается к тому, что его действительно волнует. Он раскрыл было рот, но не успел произнести ни слова.

— Вот вы где, милорд! — Возле нашего столика возник холуй домины Даунт, пресловутый мистер Слос. На его губах играла обворожительная улыбка, с которой резко контрастировало выражение глаз, давным-давно утративших последнюю искорку веселья.

— А, Коуртер... Я как раз благодарил мистера Гаррета за помощь. — Карл вновь качнулся туда-сюда. Я перехватил его взгляд и понял, что юноша боится этого типа по фамилии Коуртер, который мне представился как Слос.

— Вы нужны домине, милорд. — Ясно: приказ, специально для меня замаскированный вежливостью. Младший вздрогнул.

Бруно о чем-то беседовал со своими дружками. Наконец они, видимо, решили, что теперь, когда нас стало как бы трое на трое, шансов у них никаких, и потянулись к выходу. Бруно подарил мне злобный взгляд.

Младший поднялся, и Коуртер тут же взял его за руку, словно опасался, что подопечный может сбежать. Мне вдруг захотелось дать ему подножку — просто так, чтобы посмотреть, что получится, — но я отогнал шальную мысль и сказал:

— Увидимся, Карл.

Услышав мои слова, юноша, на лице которого было написано отчаяние, слегка приободрился.

Коуртер впервые за весь разговор посмотрел мне в глаза. Я прочел в его взгляде обещание мучительной смерти, широко улыбнулся и дружески подмигнул. Он, разумеется, никак не отреагировал.

К сожалению, отвлечься от надоедливых мыслей с помощью пива не получилось. Я не выдержал — провел сам с собой закрытое совещание, организовал голосование и решил пойти домой, дабы очистить душу от скверны. Это можно было сделать двумя способами: либо обречь ее на страшные муки (то бишь весь вечер сидеть и слушать, как старина Дин перечисляет достоинства своих родственниц), либо позволить Покойнику оттачивать на мне свое остроумие.

Оба они меня разочаровали. Должно быть, сговорились в мое отсутствие. Когда я вошел, Дин насвистывал какой-то мотивчик.

— Что стряслось? Твои родственницы напали на эскадрон гусар и захватили бравых вояк в плен?

Дин пребывал в столь благодушном настроении, что пропустил эту колкость — и те, что последовали за ней — мимо ушей.

— Что происходит? — рявкнул я. — Что ты ухмыляешься, как лисица, которая только что слопала целого гуся?

— Это все его милость. Он такой довольный, просто жуть.

— Вот, значит, как? Что ж, пойду взгляну.

— Такое событие надо отметить, мистер Гаррет.

— Я смотрю, ты уже готовишь закуску. Что там у тебя?

— Жаркое из баранины.

— Терпеть не могу баранину! — Когда я служил в морской пехоте, нас закормили бараниной. Мы ели ее каждый день по три раза, кроме тех случаев, когда приходилось питаться твердой, как камень, солониной, собственными лошадьми или, хуже того, ягодами и кореньями.

— Вам понравится, честное слово. — И Дин пустился в объяснения насчет того, как именно он готовит жаркое.

Я повернулся и пошел прочь, изрыгая ругательства. Пожалуй, надо будет притвориться, что ем с удовольствием; ведь всякий раз, стоило мне раскритиковать очередной кулинарный шедевр старины Дина, как на следующий день он подавал блюдо, изобиловавшее зеленым перцем. А на свете — на том ли, на этом, неважно — нет ничего более омерзительного, нежели зеленый перец. Его избегают даже свиньи — точнее, даже голодные свиньи. А люди едят. Признаться, я часто поражаюсь тому, что мы употребляем в пищу.

В таком вот настроении я вошел в комнату Покойника.

— А, Гаррет. Добрый день. Хорошо, что ты заглянул ко мне. Как идет расследование?

— Поздравлять меня не с чем, я ровным счетом ничего не сделал. — Я принялся рассказывать, стараясь не упускать ни единой детали.

— Любопытно, любопытно. Столько странностей! Честно говоря, жаль, что ты не ведешь расследование. Какой вызов твоим умственным способностям!

— Ты, похоже, решил свою задачку?

— Совершенно верно. Тайная магия Слави Дуралейника для меня больше не тайна. Разумеется, чтобы быть полностью уверенным, нужно проверить мою теорию на практике.

— Ты понял, как он одержал победу? Один-единственный логхир оказался мудрее всего Военного совета венагетов, подумать только!

— Именно так.

— Каким же образом тебе это удалось?

— Благодаря, мой мальчик, умению логически мыслить.

Мой мальчик? Ну и дела!

— А также продолжительным размышлениям, индукции, дедукции и целой серии экспериментов, в которых я анализировал возможный ход событий на основе заданных параметров. Отсюда возникла гипотеза, в истинности которой я практически не сомневаюсь. Мне известно, как Слави Дуралейник совершил то, что совершил, и теперь, получив некую толику информации, я смогу предугадывать его действия.

— Так как же он «совершил то, что совершил»? Сделался невидимкой? Или тайком от всех прокопал подземный ход?

— Гаррет, пока я оставлю свое открытие при себе. Гипотеза основана на допущении, которое, как я уже сказал, требует поверки практикой. Необходимы дополнительные сведения. Но не беспокойся, ты узнаешь обо всем первым.

— Не сомневаюсь. — Тоже мне, гений! Ни дать ни взять петух, кукарекающий на рассвете. — Почему бы тебе...

— Мистер Гаррет! — В дверь просунулась голова Дина, которому строго-настрого было велено перед тем как впускать кого-либо в дом, спросить разрешения у меня или у Покойника. — Прошу прощения, но вас хочет видеть какая-то молодая женщина.

По тому, с каким видом Дин произнес эту фразу, а еще по тому, что он сказал «женщина», а не «дама», я заключил, что гостья показалась ему вертихвосткой, куда менее достойной моего внимания, чем его бесчисленные племянницы.

— Кто такая?

— Она не назвалась. Однако, — прибавил Дин, неодобрительно поглядев на меня, — похоже, что с вами она знакома достаточно близко.

Я сказал Покойнику, что сейчас вернусь, и направился к входной двери, рассчитывая увидеть Амиранду.

Это оказалась не Амиранда, а Амбер, которая, завидев меня, обольстительно улыбнулась.

Я оглядел улицу, высматривая Коуртера Слоса, но ничего подозрительного не заметил и впустил Амбер в дом.

Девушка незамедлительно продемонстрировала мне некоторые из своих ужимок.

На всякий случай я снова оглядел улицу. Никого. Однако женщины с Холма не спускаются в город без сопровождающих. Впрочем, среди них попадаются и такие, которые настолько уверены в собственной безопасности, что бандиты с ними попросту не связываются.

— Гм... Сюда. — Я проводил девушку в свой кабинет, пытаясь по дороге собраться с мыслями. Не буду отрицать, женщины — моя слабость. С другой стороны, к тем женщинам, которые приходят без приглашения, я отношусь настороженно. А если они близки к власть предержащим, ветрены и капризны, как Амбер, тут надо действовать крайне осмотрительно.

Возможно, Амбер — одна из тех женщин, которые не могут иметь дела с мужчиной, пока не убедятся, что поймали его на крючок? Она молода, но опыта ей явно не занимать; по-видимому, она прекрасно понимает, что уступить означает потерять власть.

Допустим, она играет именно в эту игру. Не будем ее разубеждать, пускай думает, что сумеет добиться того, чего хочет, не подвергая опасности свою честь.

Симпатичная, конечно, даже очень. Но прежде чем крутить амуры с дочкой Владычицы Бурь, лично я предпочел бы познакомиться с ней поближе.

— Ты можешь мне помочь, — проговорила девушка, — но это подождет. По-твоему, здесь нас не потревожат? Мне кажется, тот старик, который открыл дверь, может появиться в любой момент...

Я сел в кресло — и совершил тем самым серьезную ошибку. Мое седалище едва успело коснуться обивки, как Амбер плюхнулась мне на колени.

Получай, Гаррет, несравненный знаток противоположного пола!

Поцелуй длился около минуты, пока Амбер не захихикала. Откровенно говоря, мне не нравится, когда женщина хихикает. Я сразу начинаю подозревать, что связался с умственно отсталой.

Тем не менее, когда она сидит у тебя на коленях и...

— Мистер Гаррет! — Тот самый старик, которого опасалась Амбер. — Пришел мистер Дотс. Говорит, у него важное дело.

Спасен!

Разрази меня гром.

11

— Гаррет, а нельзя его прогнать?

— Деточка, ты не знаешь Морли Дотса. Если он пришел сюда, дело и впрямь крайне важное.

К тому моменту, как Дотс ворвался в комнату, мне все же удалось согнать Амбер с коленей. Тем не менее Морли замер как вкопанный и ошарашенно уставился на нас; затем в его взгляде промелькнуло столь знакомое выражение. Клянусь, однажды я запорошу его глаза перцем! Может, слезы смоют эту гнусную ухмылку...

— Успокойся, приятель. Что с тобой стряслось?

Амбер притворилась, будто поправляет одежду. Платье, правда, и впрямь следовало поправить, однако девушка, естественно, не могла не разыграть целое представление.

— Твоего дружка Плоскоголового порезали вдоль и поперек, сейчас он в больнице.

— Бывает. Такую уж он избрал профессию.

Морли, который сам не брезговал темными делишками, а потому нередко рисковал собственной шкурой, одарил меня мрачным взглядом исподлобья, оторвавшись наконец от лицезрения Амбер.

— И что с ним случилось? — спросил я.

— Толком пока не знаю. Приперся пешком откуда-то из предместий. Врачи все удивляются, как он сумел дойти, но ты же знаешь — Тарп слишком упрям, чтобы умереть. Полагают, что он вряд ли выживет.

— На то они и врачи, чтобы сомневаться. А зачем его вообще понесло за город?

— Я думал, ты знаешь. — Морли как-то странно посмотрел на меня. — Вчера вечером он ушел рано. Заявил, что у него дела и что ты его рекомендовал.

— Я? С какой стати... Проклятие! Я бегу в больницу. — У меня по спине поползли мурашки. Я ведь рекомендовал его Амиранде!..

— Я с тобой. Не помешает размяться. — Мир должен перевернуться, чтобы Морли Дотс признал, что у него есть друг.

— Послушай, Гаррет, — прошептала вдруг Амбер, когда Морли направился к двери.

— Это важно?

— Для меня — да.

— Хорошо. Морли, подожди, пожалуйста, за дверью. Ну, в чем дело?

— Мой брат утром вернулся домой. Похитители его отпустили.

— Замечательно.

— Выходит, домина заплатила выкуп.

— Весьма вероятно. И что с того?

— Значит, кто-то разжился двумя сотнями тысяч золотых марок, принадлежащих, между прочим, моей семье! Деньги, которых как бы нет. Ты смог бы их отыскать?

— Можно попробовать, если захотеть. Такая сумма в руках любителей неизбежно оставит след, как взбесившийся мамонт. Главная сложность будет состоять в том, чтобы опередить всех прочих любителей наживы.

— Помоги мне, Гаррет. Половина денег твоя.

— Погоди, подружка. Это называется лезть на рожон, не имея за спиной...

— Скорее всего, это мой первый и последний шанс заполучить крупную сумму и сбежать от матери! Если я добуду деньги до того, как она вернется, то смогу спрятаться так, что ей никогда меня не найти. Насколько я понимаю, тебе сотня тысяч марок тоже не повредит.

— Разумеется.

— Кроме того, — прибавила девушка, соблазнительно изгибаясь, — ты получишь не только деньги.

— Ну да, ну да. Знаешь, мне надо пораскинуть мозгами, определить, чего я хочу и что должен делать. А в настоящий момент я тороплюсь к другу, который умирает на больничной койке. С ним надо повидаться, пока он еще жив.

— Конечно. — Судя по ее тону, Амбер отнюдь не считала, что дружба налагает на человека определенные обязательства. — Я приду завтра, если сумею удрать от Коуртера. Послезавтра уж точно. Кстати, почему бы тебе не устроить твоему старичку выходной? — Она игриво улыбнулась.

— Подумаю.

— Уж подумай, — девушка хихикнула.

— Ладно, ступай, — проговорил я, похлопав ее пониже спины. — Морли наверняка места себе не находит. — Проводил ее до двери и встал рядом с Дотсом на крыльце, наблюдая, как она уходит.

Дин захлопнул за мной дверь и принялся задвигать засовы. Наверняка подслушивал, мерзавец. Совсем от рук отбился: сколько ни ругай, с него все как с того самого гуся вода.

— Где ты их находишь, Гаррет? — поинтересовался Морли.

— Нигде. Сами находятся.

— Не ерунди.

— Чистая правда. Я сижу дома этаким жирным пауком и заманиваю их к себе в сети. Потом демонстрирую все свое обаяние, и они теряют сознание и падают в мои объятия.

— Гаррет, эта девица не из тех, кто теряет сознание. И та, что была с тобой на днях — тоже. Штучки с Холма, верно?

— Насчет Холма ты прав, а штучками я бы их не назвал.

— Как скажешь. — Морли вздохнул.

12

Больница «Бледсо» существовала на средства, выделяемые из казны, по причине чего в нее принимали всех подряд. Однако с теми, у кого были деньги, обращались, естественно, гораздо лучше. Признаться, порой мои собратья вызывают у меня отвращение.

Поначалу нас никак не хотели пускать. Мол, пациент в крайне тяжелом состоянии и все такое прочее. Наконец кому-то бросилось в глаза, что меж пальцев настойчивого посетителя зажата золотая монета; я не преминул намекнуть, что в случае благоприятного исхода монета перейдет в другие руки, и отношение персонала волшебным образом изменилось. В мгновение ока мы с Морли очутились в палате Плоскоголового, а у койки столпилась целая орава врачей и медсестер.

Плоскоголовый выглядел ужасно. Мертвенно-бледный, словно потерял несколько галлонов крови... Когда врачи закончили, он не то чтобы стал выглядеть лучше, однако задышал ровнее. Я оделил лекарей золотом и показал, что у меня при себе еще парадюжина монет, которым, вполне возможно, захочется составить компанию остальным.

Минул час-другой. Плоскоголовый не произносил ни слова, только дышал. И то хорошо; значит, смерть понемногу отступает.

— Если я опущусь настолько, что попаду сюда, — прошептал Морли, — сделай одолжение, перережь мне глотку, чтобы я не мучился, ладно? — Морли Дотс панически боялся заболеть. Когда вернемся домой, он на протяжении нескольких недель будет поглощать в удвоенных количествах всякие корешки и травки...

Впрочем, больница действительно производила гнетущее впечатление. Рай она не напоминала ни в малейшей степени. Здесь содрогнулся бы от ужаса даже вампир, а ведь мы побывали всего-навсего в палате для умирающих. Что же касается, к примеру, палаты для умалишенных, ее наверняка строили по тому же плану, что и темницы преисподней.

Интересно, зачем Плоскоголовый приперся в «Бледсо»? Ну да, он не финансовый магнат, но и далеко не нищий.

После операции никто из персонала в палату не заглядывал, появился только священник — пожалуй, единственный приличный человек из всех, кто работал в больнице. Я кое-что про него слышал. Глава одного из наиболее диковинных и таинственных из нескольких сотен танфейрских культов. Войдя в палату, священник приблизился к неподвижной горе мышц, именовавшейся Плоскоголовым Тарпом. Даже в таком состоянии Тарпа, словно льва или мамонта, окружала некая аура благородства. Отличный парень, которого хорошо иметь в друзьях и с которым нежелательно ссориться; прост, силен как бык и заслуживает полного доверия.

— Его уже причастили?

— Не знаю, святой отец.

— Каким богам он молится?

— Не могу сказать, — ответил я, отогнав искушение съерничать. — Кстати говоря, причастие нам ни к чему. Он не собирается умирать, иначе бы мы тут не сидели.

Священник прочел то, что было написано на табличке в изголовье кровати.

— Я помолюсь за него, — проговорил он, слабо улыбнувшись. — От молитвы вреда не будет, тем более для живого. — И пошел дальше, к тем, кто нуждался в утешении, оставив меня гадать, не свалял ли я дурака.

Придя в себя, Плоскоголовый подал голос далеко не сразу.

— Гаррет, — прохрипел он вдруг, — напомни мне, чтобы я впредь держался подальше от твоих баб.

Я пробурчал что-то себе под нос.

— В Кантарде меня прикончили наполовину, а вчера чуть не укокошили наверняка.

— Ну да... Какого дьявола ты приперся сюда? Если у тебя хватило сил добраться до города, почему ты не пришел к кому-нибудь из знакомых?

— Гаррет, я здесь родился. Мне втемяшилось в

башку, что я помираю, а отдавать концы надо там, где все начиналось. Честно говоря, я плохо соображал.

— То-то и оно, остолоп несчастный. Ладно, как бы то ни было, ты будешь жить, несмотря на все старания тех, кто тебя приласкал, и свои собственные. Тебе хватит сил, чтобы рассказать, что произошло?

— Да.

— Выкладывай.

— Она мертва, Гаррет! Ее убили. Я прикончил пятерых или шестерых, но их было слишком много. Меня обошли и набросились на нее... — Плоскоголовый приподнялся, будто собираясь вскочить.

— Придержи его, Морли. Куда ты собрался, Тарп?

— Я должен отомстить. Еще ни разу в жизни я никого не подводил.

Дотс уложил его обратно на кровать легким движением ладони. Да, досталось Плоскоголовому изрядно.

— Какая девушка, Гаррет! — В глазах Тарпа заблестели слезы. — Аппетитная, как сдобная булочка, шустрая, как мальчишка на побегушках... Почему они захотели ее убить?!

— Не знаю. Им явно не следовало этого делать. — Признаться, я догадывался, что Амиранда попала в беду, однако сердце упорно отказывалось верить.

— Я должен отомстить, Гаррет. — Тарп снова попытался встать.

— Ты должен поправиться, а об остальном я позабочусь. Мой должок побольше твоего. Давай выкладывай, а потом Морли заберет тебя отсюда и переправит, куда скажешь. Я же отправлюсь на охоту за головами.

Морли искоса поглядел на меня, но промолчал. Впрочем, говорить ничего и не требовалось.

— Морли Дотс, хватит корчить из себя «адвоката дьявола»! По-твоему, мне не стоит вмешиваться? Да ведь ты сам поступил бы точно так же, разве что постарался бы действовать не в открытую. Выкладывай, Тарп. Начинай сначала, с того момента, как ты впервые ее увидел.

Быть может, Плоскоголовый и впрямь туповат, однако с памятью у него все в порядке: он замечает, что происходит вокруг, и запоминает подробности.

— Первый раз я увидел ее в заведении Морли. Она была с тобой. Я еще подумал, почему это всяким недомеркам вроде Морли Дотса или симпатичным подонкам, вроде Гаррета, всегда достается самое лучшее.

— Он вовсе не при смерти, — заметил я. — Извращенное чувство юмора — первый признак выздоровления. Подумать только, он назвал меня симпатичным! Забудь о том вечере, Тарп. Когда ты встретился с ней снова?

— Вчера днем. Она заявилась ко мне домой.

Амиранда сказала Тарпу, что я, дескать, рекомендовал его ей в качестве телохранителя. Она явно нервничала и выглядела испуганной, хотя утверждала, что опасаться нечего и что телохранителя нанимает просто на всякий случай. Плоскоголовый согласился охранять девушку до тех пор, пока она не скажет, что больше не нуждается в его услугах. Ушла она, когда начали сгущаться сумерки, и вскоре вернулась в открытом экипаже.

— С собой у нее что-нибудь было?

— Сзади лежали какие-то саквояжи, вроде тех, которые обычно набиты одеждой и украшениями. По-моему, она не собиралась возвращаться.

— Гм... Она ничего не рассказывала?

Плоскоголовый замялся, словно прикидывая, стоит ли говорить, но потом, видимо, решил, что я должен знать все.

— Куда едет, не упоминала, сказала только, что ей нужно кое с кем встретиться и что назад не вернется.

— Выходит, если бы с ней не было тебя, она бы попросту исчезла и все терялись бы в догадках, что случилось. — Великие боги! Порой я сам поражаюсь собственной сообразительности.

— Ну да. Слушай, может, расскажешь за меня, а я пока подремлю?

— Не бурчи. Ответь-ка лучше на такой вопрос. Когда тебе заплатили и как?

— Всю сумму вперед. Она отдала мне все, что у нее было, но половины марки по-прежнему не хватало. Я сказал, что прощаю, и предложил ей оставить деньги у себя, но она отказалась — мол, не надо, все в порядке, а когда доберемся до места, я получу марку сверху за свое благородство...

— Да уж. Благородный рыцарь Плоскоголовый Тарп. Ладно, продолжай.

Они выехали из города, когда стемнело: Тарп верхом позади экипажа, в котором сидела Амиранда. Как обычно, Тарп предпочел избытку оружия физическую силу и выносливость. Я не стал спрашивать, не заметил ли он по дороге чего-либо подозрительного. Если бы заметил, наверняка бы сказал. Очутившись за воротами, экипаж неспешно покатил на север — никто не гнал, не петлял, то есть никак не привлекал внимания. Разговаривать они почти не разговаривали, поскольку Тарп ехал позади экипажа. Однако при свете луны, которая сияла на чистом небе, ему бросилось в глаза, что Амиранда нервничает все сильнее. Впрочем, нервы нервами, а о лошадях она заботилась: несколько раз останавливала экипаж, давая животным передохнуть.

Около трех утра они достигли перекрестка дорог посреди леса, в паре миль от знаменитого поля битвы при Личфилде (как утверждает молва, ночами призраки солдат империи бродят по местности в поисках того, кто предал их командующего).

Как заведено, в центре перекрестка, посреди ромбовидной клумбы, возвышался алтарь в честь местного божка. Амиранда остановила экипаж у алтаря, чтобы лошади могли пощипать траву, и сказала Тарпу, что теперь нужно подождать. Как только появится тот, у кого с ней назначена встреча, Тарп может отправляться обратно.

Плоскоголовый спешился и принялся ждать. Амиранда помалкивала. Прошло около часа. Девушка не находила себе места, а неуклюжие попытки Тарпа успокоить ее успеха не приносили. Похоже, она полагала, что начали сбываться худшие опасения.

Луна клонилась к закату, небо на востоке посветлело, и тут Плоскоголовый сообразил, что они уже не одни. Он было удивился, почему не слышно птичьих трелей, но мгновенно оценил ситуацию и успел еще предостеречь Амиранду, прежде чем из лесу высыпали бандиты.

Одного взгляда Тарпу хватило, чтобы понять — это не просто разбойники с большой дороги.

— Гаррет, их было полтора десятка. Все гоблины, даже несколько чистопородных, каких почти не встретишь. Вооружены ножами, дубинками и огромными костями; чувствовалось, что бегут убивать. Заметив меня, они начали переговариваться между собой — видно, не ждали, что Амиранду будут охранять.

Что конкретно произошло потом, со слов Тарпа уяснить было трудновато. Он заслонил собой Амиранду, прижался спиной к экипажу и принялся отбиваться ножом и дубинкой, а когда его обезоружили, пустил в ход кулаки.

— Я прикончил пятерых или шестерых, но с такой оравой одному человеку справиться не под силу. Они все напирали и напирали, а у девчонки недостало ума, чтобы удрать. Она тоже ввязалась в драку, но ее быстро стащили на землю и зарезали... Наверное, им все-таки досталось, потому что они вдруг побежали к лесу. А я упал и не сумел поднять-

ся. Даже пошевельнуться не смог. Они решили, что я готов, вернулись и швырнули меня в кусты, потом принялись рыться в вещах. Ругались, потому что ничего ценного не попадалось, и ссорились, как воробьи, из-за всякой ерунды. И хотя бы один позаботился о раненых!

Услышав, что кто-то приближается к перекрестку, гоблины постарались, как могли, скрыть следы преступления и исчезли в лесу, прихватив с собой экипаж и коня Плоскоголового.

К тому времени Тарп настолько пришел в себя, что сумел подняться. Выбрался из кустов, подобрал тело Амиранды и побрел прочь.

— В голове, помню, был сплошной туман. Я не хотел, чтобы она умерла, а потому не верил, что тащу на закорках труп. Поблизости от перекрестка, милях в трех, живет моя знакомая ведьма. Я сказал себе, что, если донесу девушку до ее домика, все будет в порядке. Ну, вы меня знаете. Коли я решил...

Да уж. Я постарался представить себе, как это выглядело. Полумертвый Тарп, обливаясь кровью, бредет по лесу, а на плече у него мертвая женщина. И у него ведь еще хватило сил вернуться в Танфейр, чтобы умереть там, где родился!

Я принялся задавать вопросы насчет гоблинов — в основном меня интересовало, что они говорили, когда решили, что Тарп мертв. Однако единственное, что мне удалось выудить из Плоскоголового — как добраться до жилища ведьмы.

Тарп приподнялся на постели.

— Расслабься, — сказал я. — Если у меня ничего не получится, ты следующий на очереди. Но сначала тебе надо поправиться. Морли, забери его отсюда, ладно? Пошли. Тарп, Морли скоро вернется.

Когда мы вышли на улицу, Морли изрек:

— Паршивое дельце.

— Ты не слышал о ком-нибудь, кто внезапно разбогател?

— Нет. — Он пристально поглядел на меня.

— А связей в городе гоблинов у тебя нет?

Если ты не гоблин, хотя бы частично, днем тебе в этом городе лучше не появляться. С некоторыми из его жителей я знаком лично, но не настолько хорошо, чтобы просить у них помощи.

— Да есть кое-какие. Но вряд ли мне удастся вытянуть хоть слово, если речь зайдет о Рейвер Стикс.

— Это уже мои трудности.

— Ты собираешься съездить на место?

— Разумеется. Скорее всего, завтра. Но сперва мне нужно свести концы с концами здесь.

— Составить тебе компанию? Я что-то давно не размиялся. — Морли изо всех сил старался сделать вид, что ему неинтересно, хотя сам буквально изнывал от любопытства.

— Не стоит. И потом, кому-то надо оставаться в больнице и время от времени напоминать Тарпу, что он нездоров.

— Значит, дело личное?

— Угу.

— Будь осторожен.

— Естественно. А ты смотри и слушай. Меня интересует все, что связано с гоблинами и внезапно свалившимся богатством.

Мы расстались. Я направился домой и, чтобы успокоиться, пропустил пару галлонов пива.

13

Как ни странно, Покойник не скис даже на следующее утро, и я слегка встревожился. Неужели близится начало конца? Впрочем, о логхирах мне известно недостаточно, чтобы определить, симптомом какого заболевания является хорошее настроение, которое не желает проходить. Я пересказал Покойнику историю Тарпа, не опустив ни единой подробности, и спросил:

— Есть какие-нибудь идеи?

— Кажется, да. Но тех сведений, которые ты мне сообщил, хватит лишь для того, чтобы выявить одну-единственную возможность.

— Что-что? Ты о чем?

— Твоя подружка оказалась по свои прелестные ушки замешана в похищении сына Владычицы Бурь. Возможно, она не принимала участия в заговоре, но явно знала о готовящемся преступлении и потому испытывала чувство вины.

Я не стал спорить, поскольку у меня тоже возникало подобное подозрение. Кстати говоря, приятно сознавать, что у нас с Покойником почти одинаково острый ум. Разница в том, что я колеблюсь, прежде чем принять решение, а Покойнику неведомы сомнения, посещающие простых смертных.

— Не хочешь поделиться со мной своими мыслями?

— Зачем? Все настолько просто, что ты способен добраться до истины самостоятельно. Напряги свой умишко, Гаррет.

Я широко улыбнулся. Все понятно, он мстит мне за то, что я осмелился привести в дом женщину. Впрочем, Покойник был не в силах сопротивляться благодушному настроению.

— От женщин, разумеется, одни неприятности, особенно когда они перестают заниматься привычными делами — потворствовать пороку, крутить хвостом, сплетничать, отпускать колкости, а также вынашивать и воспитывать детей. Однако убийство вряд ли является приемлемой разновидностью наказания. Продолжай расследование, Гаррет. И не забывай об осторожности. Мне бы не хотелось, чтобы тебя постигла участь этой девушки. Я не могу позволить себе платить за похороны.

— Ты просто сентиментальный старый дурак.

— Я бы сказал, излишне сентиментальный.

— Ха! Вот она, голая правда, во всей своей неприглядной красе! Если я сыграю в ящик, тебе придется напрячь мозги, чтобы подыскать себе приличную крышу над головой.

— Гаррет, я личность творческая, и не стану...

— А я прекрасный принц, которого колдунья превратила в жабу.

— Мистер Гаррет. — В дверь просунулась голова Дина.

— Что?

— Снова пришла *та* женщина.

По гримасе, которую состроил Дин, можно было подумать, что у нас в доме пахнет исключительно гнилым луком.

Амбер производила неизгладимое впечатление. Она сразу поняла, что все сработало, и попробовала начать с того, на чем закончила вчера.

— Я согласен найти для тебя те деньги, о которых мы говорили. По-моему, нам следует заняться делом, и чем быстрее, тем лучше, пока нас не обошли. Вчера вечером я забросил десяток удочек, но выловил только пустые крючки, поэтому мне кажется, что продолжать расследование лучше за городом.

— Ну, Гаррет! — Амбер явно хотелось пофлиртовать. Впрочем, она поняла, что двести тысяч золотых марок — вполне уважительная причина для того, чтобы отказаться от игры. Должно быть, Амбер из тех, кто обожает преодолевать препятствия. Если так, я с ней еще намучаюсь. — И куда ты собрался?

— Я тебе уже говорил, что преступление, куш в котором — двести тысяч марок золотом или сын Рейвер Стикс, требует тщательной подготовки. Следовательно, даже если работали опытнейшие профессионалы, следов не остаться просто не может.

Один из способов спрятать концы в воду — заблаговременно все подготовить и потренироваться, чем дальше от места преступления, тем надежнее. Хотя это вовсе не означает, что похитители спрятали выкуп именно там, где тренировались. Кстати, когда на карту поставлена такая сумма, главное действующее лицо обычно старается устранить всякую связь между собой и жертвой похищения.

— То есть убивает тех, кто ему помогал?

— Да.

— Ужасно...

— Мы живем в ужасное время в ужасном мире, населенном ужасными людьми, не говоря уж о гоблинах и вурдалаках. Или о вампирах и вервольфах, которые воспринимают людей исключительно как пищу, хотя сами принимают порой человеческий облик... Итак, ты настроена продолжать? Мы по-прежнему партнеры? Если так, то тебе предстоит кое-что сделать.

— Мне? Но что я могу?

— Устрой мне встречу со своим братом и Амирандой. — Говоря об Амиранде, я хотел увидеть ее реакцию. Девушка озадаченно уставилась на меня. Впрямь не знает или притворяется? — Я ухватился за одну ниточку и хочу выяснить, куда она приведет.

— А что за ниточка?

— Гм... Если не возражаешь, я предпочел бы не отвечать.

— Ладно. А зачем тебе понадобились Карл и Амиранда?

— С младшим Карлом я хочу поговорить потому, что он единственный общался вживую с похитителями. Правда, я забыл домину Даунт, которая передавала им выкуп. Амиранда же могла слышать что-нибудь, что окажется полезным. Пойми, я не могу допрашивать Уиллу Даунт. Домина наверняка захочет прикарманить наше золотишко, как только поймет, что мы его разыскиваем. Я прав?

— Да. Но Карл тоже потребует свою долю. Мы с ним оба мечтаем удрать из дворца. То же самое можно сказать об Амиранде.

— Устрой мне встречу с ними. Я постараюсь сделать так, чтобы они ничего не заподозрили.

— Ладно. Но будь осторожен, особенно с Амирандой. У, ведьма!..

— Ты ее не любишь?

— Да как сказать... Она умнее меня и, когда хочет, становится почти такой же красивой. Моя родная мать относится к ней лучше, чем ко мне. Но я не то чтобы ее ненавижу. Мне просто хочется, чтобы она куда-нибудь делась.

— И ей хочется удрать из дворца не меньше, чем вам с братом? Хотя с ней обходятся гораздо лучше?

— Лучше, чем отвратительно. То есть все равно плохо.

— Когда ты сможешь свести меня с Карлом?

— Не знаю. Сейчас у него улизнуть вряд ли получится. По приказу домины Коуртер не спускает с него глаз. Уилла говорит, что о похищении скоро станет известно, и, когда узнают, какой заплачен выкуп, кто-нибудь, вполне возможно, захочет проделать все по новой. Такое может быть?

— Почему бы нет? Кругом полно лентяев и олухов, которые пытаются чего-то добиться в жизни, подражая более удачливым, чем они. Вашему семейству опасность будет угрожать до тех пор, пока твоя мать не докажет всем и каждому, что связываться с ней себе дороже.

— Да ей, скорее всего, плевать.

Ошибаешься, милочка. Ей далеко не плевать, даже если она терпеть не может своих отпрысков. Впрочем, я не стал просвещать Амбер относительно символов и ловушек власти, а также насчет того, как важно для небожителей постоянно подчеркивать свое могущество.

— Итак, наш следующий шаг — встреча с твоим братом. Если он не может прийти ко мне, я навещу его сам. Кстати, заодно и с Амирандой повидаюсь. Постарайся все устроить. Я выйду из дома приблизительно через полчаса после того, как провожу тебя, и буду болтаться возле дворца, пока ты не подашь условный сигнал. Какой у нас будет сигнал?

Последнюю фразу я нарочно произнес заговорщицким шепотом. Моя уловка сработала. Амбер прониклась духом кровавых интриг.

— Я посвечу зеркальцем из моего окна. Подожди пять минут, а потом иди к задней двери.

Она повернулась и подарила мне поцелуй, от которого захолонуло бы в груди не только у меня, но и у старины Дина. Наконец оторвалась, подмигнула и выскользнула за дверь.

14

Я вернулся в кабинет и пропустил кружечку холодного пива, чтобы укрепить дух. Наливать пришлось самому, поскольку оскорбленный до глубины души моим поведением Дин не замечал меня в упор. Из этого состояния его могли бы вывести только внезапно появившиеся призраки.

Я опорожнил кружку, налил по второй, поставил бочонок и направился к Покойнику — сообщить ему последние новости. Он немного побрюзжал, чтобы привести меня в чувство. Я спросил, готов ли он открыть всему свету тайну Слави Дуралейника. Логхир ответил отрицательно и велел мне выметаться, что я и сделал, предположив, что в его гипотезе обнаружились неувязки. Для логхиров с их самомнением неувязки в гипотезе хуже смерти.

Я отнес пустую кружку на кухню, после чего поднялся на второй этаж и перевернул вверх дном шкаф, служивший чем-то вроде домашнего арсенала. Отобрал несколько не внушающих подозрения стальных кинжалов, а также залитую свинцом и обтянутую кожей дубинку, которая в прошлом не раз меня выручала. Потом напомнил Дину, чтобы тот, когда очухается, не забыл запереть дверь, и вышел на улицу.

Денек выдался чудесный, если не обращать внимания на нечто среднее между туманом и моросящим дождем. Впрочем, в это время года так всегда и бывает. Такую погоду обожают садоводы, которые выращивают апельсины; правда, иногда она надоедает даже им. Честно говоря, дай садоводам волю, они бы подрядили всех владык и владычиц бурь следить в оба за климатом, заботясь о повышении урожайности.

Добравшись до Холма, я насквозь промок и продрог, а потому стал высматривать, куда бы мне спрятаться от дождя. Однако улицу явно проектировал тот, кто полагал, что посторонним тут делать нечего, поэтому пришлось некоторое время побродить по улице. Я вообразил себя инспектором по мостовым, которому поручено следить за состоянием городских улиц. Спустя пятнадцать минут, которые мне показались полутора днями, я заметил сигнал Амбер (правда, то было не зеркальце, а свечка) и двинулся к задней двери. Еще день спустя та отворилась, и Амбер выглянула наружу.

— Как нельзя более вовремя, милашка. Вон идут драгуны.

Обитатели Холма, скинувшись между собой, наняли шайку головорезов, которым вменялось в обязанность избавлять своих хозяев от неприятностей, связанных с бандитизмом, — то есть от того, что мы, те, кто жил ближе к реке, вынуждены были принимать как неизбежное зло, нечто вроде этой омерзительной погоды.

Парочка головорезов, которых ни на миг не ввела

в заблуждение разыгранная мной пантомима с мостовой, направилась в мою сторону, что называется, под полными парусами.

Я поспешно прошмыгнул в дверь, оставив преследователей с носом. Амбер заливисто рассмеялась.

— Это Мини и Мо, братья. А Ини и Майни приближались к тебе с другого бока. Знаешь, когда я была маленькой, мы с Карлом жутко их дразнили.

У меня с языка готово было сорваться язвительное замечание, но я мужественно сопротивлялся и сумел-таки не выпустить его на волю.

Амбер провела меня по лабиринту служебных коридоров, весело щебеча на ходу. Дескать, они с Карлом пользуются этими коридорами, чтобы ускользнуть из-под надзора Уиллы Даунт. Я хоть и с немалым трудом, но снова воздержался от комментариев.

Мы поднялись на один пролет по лестнице, свернули сюда, потом туда, миновали какие-то заброшенные помещения. Затем Амбер прошептала: «Тсс!» и прильнула к щели между портьерами, за которыми проходил коридор для тех, в чьих жилах текла голубая кровь.

— Никого. Бежим. — Она припустила вперед.

Я потрусил следом, любуясь тем, как колышутся складки ее платья.

Наконец мы очутились в пустой комнате. Амбер резко обернулась и распростерла объятия. Я прижал ее к себе.

— Обманщица!

Бум! Поддаваясь искушению и наклонившись вперед, я врезался лбом во внезапно распахнувшуюся дверь.

Вот так всегда.

Меня отнесло в сторону от Амбер, чему я, честно говоря, был только рад.

В комнату, беспрерывно извиняясь, вошел багровый от смущения Карл. Если бы руки у него не были заняты, он наверняка принялся бы их заламывать.

— Пахнет пивом, — проговорил я. — Эликсир богов.

— Я вспомнил, что в баре, где мы с вами встретились, вы пили пиво, и подумал, что должен вас угостить, поэтому...

Болтун.

Я удивился. Карл сумел не только что-то самостоятельно придумать, он еще и выполнил задуманное, причем сам. Не было даже слуги, который принес бы поднос с кружками. Может быть, в нем все же есть кое-что от деда. Хотя бы вот столечко.

Он протянул мне кружку, которую я немедленно поднес к губам, а себе взял поменьше. Давай, парень, давай, покажи, какой ты демократичный.

— О чем вы хотели поговорить со мной, мистер Гаррет? Я мало что понял со слов Амбер.

— Хочу удовлетворить профессиональную любознательность. Ваше похищение — самое необычное из тех, с которыми мне доводилось сталкиваться. Я желал бы узнать от вас кое-какие подробности на случай, если в моей практике будет что-либо подобное. Понимаете, преступники добились успеха, а это может вдохновить кого-нибудь на то, чтобы последовать их примеру.

Карл смутился окончательно — сел в кресло, стиснул кружку в ладонях, потом поставил на колени, чтобы я не заметил, как дрожат его руки. Я сделал вид, что ничего не замечаю.

— Но что вы конкретно хотите узнать, мистер Гаррет?

— Все. С самого начала. Где и как они вас схватили и так далее, вплоть до того момента, как вы очутились на свободе — опять-таки, каким образом. Постараюсь не перебивать, если только не запутаюсь. Договорились? — Я приложился к кружке. — Хорошее пиво.

Карл кивнул и тоже сделал глоток. Амбер изучила содержимое подноса и обнаружила, что брат захватил как пиво, так и вино, хотя и не потрудился предложить что-либо сестре.

— Произошло это дней пять-шесть назад, — проговорил Младший. — Верно, Амбер?

— Нечего меня спрашивать. Если бы я не подслушивала, то до сих пор не знала бы, что тебя похитили.

— По-моему, все-таки шесть. Вечер я провел с подружкой. — Помолчав, он прибавил: — В баре под названием «Пол-луны».

— Вас схватили именно там?

— Когда я собирался уходить. Через заднюю дверь, чтобы ни с кем не встретиться.

Пока что-то не похоже на сорвиголову, каким рисовала Младшего молва.

— А почему? От кого вы прятались?

— От домины. Ведь предполагалось, что я работаю.

— Чудеса! — озадаченно протянул я. — Ну да, по слухам, ваша матушка, отбывая в Кантард, поручила домине держать вас на коротком поводке. Но мне казалось, что вы двое уходите и приходите, когда вздумается.

— Когда можем, — поправила Амбер. — К счастью, домина и Коуртер не могут следить за нами с утра до вечера.

— Итак, кое-кто вышел через заднюю дверь из заведения Летти Фаррен...

— Да. Я остановился в дверном проеме, спиной к улице. И тут мне на голову накинули мешок. Я перепугался до смерти, решил, что меня сейчас убьют. А потом потерял сознание. — Он вздрогнул.

— Почему вы остановились около двери? — справился я, поставив кружку на стол. Вопрос был задан как бы вскользь, но Карл прекрасно понял, куда я клоню, и не ответил. Я пристально поглядел на него. Юноша отвернулся.

— Он просто не хочет в это поверить, — сказала Амбер.

— Во что «в это»?

— В то, что тут замешана его подружка. А ведь она замешана наверняка, правда? В смысле, она должна была видеть, кто стоит у Карла за спиной, но не предупредила, хотя могла бы. Я права?

— Не знаю, но разобраться в этом явно не мешает. Как зовут даму?

Амбер поглядела на Карла. Тот притворился, будто пытается прочесть будущее по осадку на дне кружки. Судя по всему, то, что он там увидел, ему не понравилось. Юноша схватил кувшин, наполнил кружку и пробормотал что-то неразборчивое.

Я последовал его примеру с кувшином и поинтересовался:

— Что он сказал?

— Что ее зовут Донни Пелл.

Очко в пользу Амбер. А Младший меня слегка разочаровал. Неужели не понимал, что сестра его просто щадит: ведь это она могла бы выложить мне в любой момент?

— Я не верю, что Донни замешана в... — произнес бедолага Карл. — Мы знакомы четыре года. Она ни за что...

— Ладно, — перебил я, оставив при себе мнение насчет того, что могут и чего не могут те, у кого профессия, как у Донни Пелл. — Поехали дальше. Вы потеряли сознание. А когда и где очнулись?

— Не могу сказать точно. Судя по звукам, которые до меня доносились, наступила ночь и мы оказались в предместье. Мне показалось, я нахожусь в каком-то экипаже. По-моему, это не лишено смысла, правда?

— Для похитителей — безусловно. Что еще?

— Жутко болела голова. Просто раскалывалась.

— Понятно. Дальше.

— Они привезли меня на какую-то заброшенную ферму.

Я попросил его не упустить ни единой подробности и весь превратился в слух. Чаще всего похитители допускают ошибки и выдают себя, когда переводят жертву из одного места в другое.

— Меня вытащили из повозки, разрезали веревки на лодыжках, подхватили под руки и повели в дом. Бандитов было по меньшей мере четверо, если не пятеро или не шестеро. Потом мне разрезали веревки на руках, затолкали в какую-то комнатку и захлопнули за мной дверь. Простояв в неподвижности минут пять, я наконец набрался мужества и сдернул с головы мешок.

Карл сделал паузу, чтобы промочить горло. Чувствовалось, что теперь, начав рассказывать, он готов выложить мне все как на духу. Будучи по природе человеком вежливым, я старался не отставать от него в том, что касалось выпивки, хотя у меня, признаться, горло пересыхать и не думало.

— Говорите, ферма? Откуда вы это узнали?

— Догадался. Когда я снял мешок, то увидел, что нахожусь в помещении размерами приблизительно двенадцать на двенадцать футов, причем не убирались в нем давным-давно. На полу валялись грязные, вонючие одеяла, в углу стоял не менее вонючий ночной горшок; кроме того, в комнате имелся маленький столик со сломанной ножкой и колченогий самодельный стул. — Младший зажмурился, очевидно, представляя себе картину. — Посреди стола, на глиняном блюде, стоял глиняный же, треснувший от старости кувшин, к которому прилагался ржавый металлический ковш. Я одним махом выпил не меньше кварты воды, затем подошел к окну и попытался собраться с мыслями. Понимаете, я до смерти перепугался и не имел ни малейшего понятия о том, что, собственно, происходит. Пока домина не заплатила выкуп, мне казалось, что меня похитил кто-то из врагов моей матери.

— Вернемся к окну. Похоже, преступники допустили серьезную промашку.

— Не думаю. Окно было закрыто ставнями и, вдобавок, заколочено снаружи. Правда, я обнаружил щель, через которую при желании можно было кое-что разглядеть. Впрочем, особой пользы это открытие мне не принесло.

— Почему?

— А знаете, каким образом меня освободили? Бандиты просто взяли и ушли, ни сказав мне ни слова. Я сообразил, что их нет, только когда меня перестали кормить.

— Вы запомнили кого-нибудь в лицо?

— Нет.

— Как же так? Ведь они передавали вам пищу.

— Меня всякий раз заставляли становиться лицом к стене.

— По крайней мере, с вами разговаривали?

— Только один из них, и то — из-за двери. Это он приказывал мне повернуться к стене. Правда, время от времени я слышал, как они переговариваются между собой, но такое случалось редко, да и ничего серьезного бандиты не обсуждали.

— Даже не хвастались друг перед другом, как каждый потратит свою долю выкупа?

— О деньгах они вообще не упоминали. Кстати, отчасти поэтому я решил, что мое похищение связано с политикой. Кроме того, обращались со мной совсем неплохо, чего я никак не ожидал от обыкновенных любителей легкой наживы.

— Преступники бывают разные.

Погруженный в воспоминания Младший не услышал.

— Перед тем как бандиты покинули дом, я запомнил одну фразу, которая, может быть, имела отношение к деньгам. Кто-то вбежал в дом и крикнул: «Эй, Скредли, получим сегодня ночью!» К сожалению, что именно они собирались получить, никто не уточнил.

— Скредли? Это точно?

— Да.

Среди гоблинов Скредов раза в два больше, чем Смитов среди людей. А имя Скредли, приблизительно соответствующее человеческому Смитти, носит едва ли не половина гоблинов на свете. Вот уж повезло так повезло.

Мы молча допили то, что оставалось в графине. Кстати говоря, отличное пиво. Я бы не отказался принимать по кружечке такого пивка каждый день, но, к несчастью, оно мне не по карману.

— Ладно. Что случилось после того как вы услышали имя Скредли?

— Ничего. — Я выразительно посмотрел на Карла, приглашая объясниться. — Вечером мне не принесли ужина. К полуночи я проголодался настолько, что начал кричать и колотить в дверь. Поскольку никто не приходил, какое-то время спустя я попробовал заснуть; продремал до завтрака, которого тоже не было, и вновь принялся стучать в дверь. После одного удара она распахнулась. Тогда я осмелел настолько, что выглянул в коридор, а затем отправился бродить по дому.

— И никого не нашли?

— Совершенно верно. Должно быть, они ушли еще вечером — кухонный очаг давно остыл. Я утолил голод тем, что оставалось на столе в кухне, слегка приободрился и двинулся дальше.

Он поднес к губам кружку и вполголоса выругался, поскольку та оказалась пустой, а наполнить ее было уже нечем. Я терпеливо ждал.

— Осмотрел все вокруг, выяснил, что меня держали на какой-то ферме, которая, судя по всему, принадлежала раньше довольно состоятельным людям. — Младший пустился подробно описывать нечто среднее между крестьянской хибарой и барской усадьбой. — Убедившись, что в доме никого нет, я направился по следам от колес повозки и, прошагав около мили, вышел на дорогу. Мне навстречу попался бродячий лудильщик, который сказал, что это дорога из Вокруты в Личфилд и что знаменитое поле битвы приблизительно в трех милях к западу отсюда.

Ну и дела! Выходит, Карла прятали не далее чем в двух милях от того места, где расправились с Амирандой и едва не прикончили Плоскоголового. Я изумился настолько, что даже моргнул.

— И вы просто пошли домой?

— Да. Если не возражаете, я принесу еще пива. Не думал, что наша беседа затянется.

— Не стоит, у меня осталась всего-навсего парочка вопросов.

— Как скажете, мистер Гаррет. Необычное похищение, верно?

— Что ж, две несуразности бросаются в глаза, как, образно выражаясь, гоблины из засады. Первая, которая, признаться, не слишком меня беспокоит, — то, что вас заперли в комнате с хлипкой дверью, предварительно не связав. Впрочем, тому можно найти сразу несколько причин. Гораздо важнее то, как вела себя Уилла Даунт. Она заплатила бандитам весьма приличную сумму, даже не удосужившись проверить, в хорошем ли состоянии товар, который ей предлагают. Вдобавок, обычно покупатель настаивает на том, чтобы продавец доставил товар к месту заключения сделки. Иначе у продавца, что называется, полностью развязаны руки.

Карл пробормотал нечто вроде: «Я тоже об этом думал». Он начал скисать, заерзал в кресле; я решил, что пора на него надавить, и принялся выспрашивать мельчайшие подробности. Какое-то время спустя Амбер стала как-то странно на меня поглядывать,

а Младший нахмурился, и я понял, что пришло время заканчивать.

— Прошу прощения, я увлекся и вообразил, будто и впрямь расследую преступление. Спасибо, Карл. Признаться, окажись я на вашем месте, у меня терпение давно бы лопнуло.

— Как, все? — Юноша взглянул на дно кружки.

— Да. Еще раз спасибо. Выпейте за Гаррета и помяните меня, если можно, добрым словом.

— Конечно. — Карл поднялся и вышел за дверь, бросив удивленный взгляд на сестру.

15

— Гаррет, с какой стати ты так его прижал? Что-нибудь нащупал?

— Да нет. Если только я чего-либо не упустил, с твоим братом можно было и не встречаться.

— Тогда почему ты потратил на него столько времени?

— Откуда я знал, что он мне расскажет? Понимаешь, в расследовании важной может оказаться любая мелочь. А расспрашивал я его так подробно потому, что хочу сравнить между собой версии Карла и Амиранды, которая будет у нас свидетелем со стороны домины.

— Я не смогла найти Амиранду.

— То есть?

— Не смогла, и все. Никто ее не видел, на стук в дверь она не отзывалась. В конце концов я пробралась к ней в комнату. Там не было ни Амиранды, ни большинства ее вещей.

Я постарался изобразить замешательство.

— Служанка у нее была? Да? И что она говорит?

— Да ничего. Твердит, что Амиранды нет, только и всего.

— Проклятие! Здесь мы, кажется, сели в лужу. — Я встал и потянулся.

— Что ты собираешься делать?

— Попробую зайти с другого конца. А тебя назначаю своим осведомителем. Попытайся выяснить все, что связано с Уиллой Даунт. Как она заплатила выкуп, где и во сколько — это в первую очередь; кроме того, запоминай то, что покажется тебе необычным и любопытным. Постарайся также разыскать Амиранду и не привлекать к себе особого внимания. Незачем, чтобы посторонние совали носы в наши дела. На кону двести тысяч марок золотом, стоимость которых скоро возрастет еще сильнее. Мой домашний гений утверждает, что мы вот-вот получим новости о Слави Дуралейнике.

У Амбер заблестели глаза. Действия Слави Дуралейника в Кантарде неизменно приводили к тому, что венагеты утрачивали влияние, карентийцы его приобретали, ценность серебра падала, а золота, наоборот, возрастала.

— Ты хочешь сказать, что мы становимся богаче с каждой минутой?

— Да, но только в фантазиях. Ведь золото пока не найдено.

Амбер придвинулась ко мне. На лице девушки было написано, что она не прочь пофантазировать наяву.

— А чем займешься ты?

— Всем остальным. Например, поговорю с Донни Пелл.

— Так я и думала. Гаррет, я гораздо симпатичнее и талантов у меня не меньше.

— Значит, с Донни я разговаривать не стану, а поужинаю, посоветуюсь с домашним гением и отправлюсь в путь, чтобы к утру оказаться на той ферме, о которой рассказывал Карл. У меня будет целый день, чтобы изучить окрестности.

Амбер придвинулась вплотную. Я, честно говоря, сопротивлялся не слишком решительно. Внезапно девушка сделала шаг назад.

— Что стряслось?

— Я просто вспомнила, что со дня на день должна вернуться моя мать. Если мы не найдем золота до ее возвращения и если я не убегу... — Амбер поежилась. — Не будем терять времени.

Бедняжка. Впрочем, сочувствовал я ей не то чтобы всерьез. По-настоящему несчастен только тот, кому нечем прикрыть наготу; все остальные, по большому счету, сочувствия не заслуживают.

— Но когда мы найдем золото, — прибавила Амбер, в глазах которой вновь заплясали озорные огоньки, — берегись, Гаррет!

Как известно, дурачить окружающих, не обременяя свою совесть, можно до известных пределов; существует также и предел самообману.

— Меня радует твоя уверенность, но я бы выразился несколько иначе: «Если мы найдем золото».

— Когда, Гаррет, когда.

— Ладно. Когда мы его найдем — берегись, Амбер.

Мы обменялись идиотскими ухмылками.

— Очевидно, выход там же, где вход?

— Так будет надежнее всего. Смотри не попадись на глаза слугам. И не забудь про охранников!

Я подарил девушке поцелуй, который должен был служить чем-то вроде печати на деловом соглашении. Однако Амбер превратила его в обещание грядущих радостей. В конце концов я сумел вырваться из ее объятий и ретировался.

Я шагал по коридору, размышляя о маленькой ведьме. Свернул за угол — и чуть было не налетел на Карла-старшего и Уиллу Даунт.

Мне повезло, что они были заняты, причем весьма. Если даже и заметили мое появление, решили, должно быть, что это слуга. Я поспешно отступил, чтобы прикинуть обходной путь.

Амбер ошибалась. Уилла Даунт вовсе не из тех женщин, что способны заморозить воду в ванной.

Теперь я понял, чем она приворожила папочку Младшего. Хотя какая разница?..

Я свернул в сторону, но не сделал и десятка шагов, как понял, что пускаться в авантюры не стоило. Не пройдет и двух минут, как я окончательно заблужусь в лабиринте переходов. По счастью, рядом оказался занавешенный проем. Я поглядел в щелку между шторами и узнал холл.

Не оставалось ничего другого, как выскользнуть из укрытия и гордо направиться к парадной двери, делая вид, что проник сюда вполне официально.

Я благополучно выбрался из дворца и направился через двор к воротам. Неожиданно у ворот появился Коуртер. Он сказал что-то привратнику, потом заметил меня. Выкатил глаза, побагровел, запыхтел, словно лягушка-бык перед тем, как запеть.

— Какого дьявола вы тут делаете?

— Приятель, я хотел спросить о том же самом у вас. Не кажется ли вам, что вы, как говорится, слегка не вышли физиономией? Вам бы овощами торговать на рынке...

Он замахнулся — не знаю уж, почему. Неужели мои слова настолько задели Коуртера? Я перехватил его руку и потащил толстяка за собой.

— Так-так... Между прочим, с теми, кому вы не годитесь и в подметки, следует обращаться гораздо вежливее.

Выйдя за ворота, я отпустил его руку. Коуртер попятился, бранясь себе под нос. Я огляделся по сторонам, высматривая четверых олухов, которых Амбер оставила ни с чем, распахнув передо мной дверь. Кажется, никого.

Жаль, конечно, что Коуртер попался мне навстречу. Остается надеяться, что серьезных последствий наша встреча иметь не будет. Амбер,

которой движет жадность, от Уиллы Даунт наверняка отобьется, а вот что касается Младшего... У него нет причин скрывать, что он разговаривал со мной.

Пожалуй, стоит махнуть прямиком к Летти Фаррен.

16

В заведении Летти царила тишина, как то всегда бывает в промежутке между деловой активностью утра и буйным вечерним разгулом. Громилу у двери я миновал без проблем, поскольку он меня не знал.

Летти как обычно сидела в своей комнатке, подбивая бабки. Выглядела она тоже как обычно — жирная бабища сомнительного происхождения, рядом с которой Покойник показался бы стройным, ловким и резвым, как олень.

— Гаррет! Сукин ты сын, как тебе удалось войти?

— Надел сапоги-скороходы и пришел. Ты, как всегда, неотразима, Летти.

— До чего же ты любишь выпендриваться... Какого дьявола тебе нужно? — Я притворился, будто оскорблен до глубины души. — Хватит корчить рожи! Говори или выметайся отсюда.

Я побренчал монетами, показал ей лицо покойного короля на золотой марке.

— По-моему, у вас тут не принято выгонять тех, кто платит.

В Танфейре золото откроет перед вами любую дверь. Поглядев на монету, Летти спросила:

— Что тебе нужно?

— Не что, а кто. Донни Пелл.

— Дерьмо. — Летти прищурилась. — Не выйдет, красавчик. Не могу продавать тебе то, чем не торгую.

— Так ее здесь нет?

— Надо же, догадался. На нее свалилась куча денег. Она прибежала ко мне три или четыре дня назад и выкупила контракт. Сказала, что богатый дядюшка оставил ей наследство. Чушь собачья! Наверняка охомутала какого-нибудь полудурка с Холма. Внешность у нее вполне подходящая. Уверяла, что едет жить в дядюшкино поместье. Так я и поверила! Да она помрет со скуки, если рядом не будет мужиков.

Я приподнял бровь. Летти нравилась эта гримаса, потому, бывая в этом заведении, я пользовался ею при каждом удобном случае.

— Она чокнутая, Гаррет. Девяносто девять шлюх из ста ненавидят мужиков, а этой нравилась ее профессия.

— Любопытно. Таких я еще не встречал.

— Ну да, это просто дикость, даже мои девочки от нее шарахались. Она ведь, не поверишь, привечала даже гоблинов, с которыми избегают связываться их собственные женщины. Что касается меня, я впущу вампира или оборотня, но гоблин порог моего заведения не переступит!

Я позволил Летти выговориться, довольный тем, что она костерит не меня, и выразился в том смысле, что, мол, рассказывают всякое — так сказать, подбросил в костер дровишек.

— Гаррет, кому ты пудришь мозги? Не забывай, ты говоришь со специалистом!

Наконец она выдохлась. Я положил монету на стол.

— Это за гоблинов. Вспомнишь еще что-нибудь — старый король, глядишь, снова тебе покажется.

— Так, Гаррет, — проговорила Летти, прищурившись. — Мне знаком твой взгляд. Взгляд паладина. Ты расследуешь убийство и нанял тебя денежный мешок, верно? Смотри, доиграешься, оторвут тебе голову.

— Расскажи мне о прошлом Донни. Сколько она у тебя проработала? Откуда появилась?

— Родственников у нее не осталось, все поумирали во время чумы, четыре года назад. Вот почему я не поверила в богатого дядюшку. Проработала она у меня около трех лет. Порой выкидывала всякие штучки, которые в принципе спускать не следовало. Когда рассказывала о себе, врала напропалую. Все они одинаковые, но мне обычно удается выуживать из них правду.

— Еще бы, с твоими-то способностями.

— Ее родители владели фермой где-то в окрестностях Личфилда.

— Спорим, я доберусь туда, ни разу не сбившись с дороги? — пробормотал я.

— Что?

— Ничего, ничего. Так, мысли вслух. Что еще ты мне можешь рассказать?

— Хватит с тебя, Гаррет. — Летти потянулась за монетой.

— А как насчет обоих Карлов? Мужа и сына Рейвер Стикс?

— Что, убили кого-то из них? — Летти явно опешила.

— Пока еще нет. — Я показал ей третью монету, чтобы она пришла в себя.

— Паренек был одним из постоянных клиентов Донни. Она говорила, что его жалко. Наверно, он ей даже нравился. Обращался как с благородной и не стеснялся показаться с нею на людях. Папаша тоже заглядывал, но всегда по делу. Знаешь, Гаррет, давай сменим тему. Я не хочу говорить об этой потаскухе.

— Ее же нет в городе.

— Но она вернется. Ты узнал, что хотел, а теперь выметайся.

Как она меня любит, старушка Летти!

17

По дороге я заглянул к Плеймету, владельцу кузни и конюшен, и договорился, что через пару часов к моему дому подкатит повозка, в которой будут, в одном экземпляре, все имеющиеся у него инструменты. Он пристально поглядел на меня, но спрашивать ничего не стал. Видимо, понял, что я могу поведать нечто такое, что ему совершенно незачем знать.

Старина Дин, очевидно, решил подмазаться ко мне. Он по-прежнему хранил молчание, но приготовил ужин, вкуснее которого я не ел несколько месяцев подряд. Что ж, он добился своего. Я наелся до отвала и, шагая по коридору к комнате Покойника, едва переставлял ноги.

Кстати, очередного такого ужина придется ждать еще несколько месяцев.

— Гаррет! Прогони этого типа! Он не смеет оставаться в моем доме!

— Ба, да ты, никак, пришел в себя. О каком типе речь и за что его выгонять?

— Я имею в виду Дина. Этот наглец привел в дом не одну, не двух, а сразу трех женщин! Избавься от него, Гаррет. Избавься немедленно.

Так-так. А я-то подумал, что ужин предназначался мне. Дин просто-напросто продемонстрировал, чего я лишился... Что ж, придется нам с ним потолковать, как мужчина с мужчиной, и чем скорее, тем лучше.

Я опустился в кресло, глотнул пива и начал рассказывать. Покойник усиленно притворялся, будто не замечает меня, однако впитывал буквально каждое слово. Ведь ему требовалось чем-то скрасить ожидание: пока еще Слави Дуралейник подтвердит гипотезу моего домашнего гения! Я говорил два часа без остановки, стараясь не упустить ни единой подробности, а старина Дин исправно наполнял мою кружку. Он тоже внимательно слушал, а по тому, как часто старик появлялся в комнате, можно было определить, насколько на самом деле зол на него Покойник.

Наконец я закончил.

— Чего-то не хватает, Гаррет.

— Может, я отвлекся и что-то опустил?

— Нет, ты не отвлекался.

— Тогда я, кажется, знаю, в чем дело. Целых три раза я приходил к убеждению, что Младший просто инсценировал похищение. Но обязательно возникали гоблины, которые прекрасно подходят на роли злодеев. И потом, если паренек и впрямь все придумал, зачем он вернулся домой? Ведь им с сестрой не терпится удрать из дворца. То есть ему следовало забрать золото, помахать на прощание мамочке и уносить ноги.

— За него заплатили выкуп?

— Да. Уилла Даунт наскребла двести тысяч марок и отдала их неизвестно кому. На следующий день Младший вернулся домой. Я поручил Амбер выяснить, что там на самом деле к чему. В принципе, все эти хитросплетения не стоят ответа на один-единственный вопрос — за что убили Амиранду? Взаправдашнее то было похищение или инсценированное, участвовала она в нем или нет, за что ее убили?

— Я уверен, что ты найдешь ответ. Кстати, ты снова позволил чувствам одержать верх над разумом.

Я понял, что он вот-вот усядется на одного из своих любимых коньков, который оседлан и ожидает всадника. К счастью, раздался стук в дверь. Дин пошел узнавать, кто там, я тоже поднялся.

— Прибыл мой экипаж. Поразмысли на досуге, ладно? Может, обнаружишь то, что я пропустил.

Я не сомневался, что Покойник уже заметил, где именно я дал маху, но не ощущает необходимости делиться с кем-либо своими соображениями. В конце концов, денег за работу нам никто платить не собирается, лично Покойника этот случай не касается, а потому он явно не намерен давать советы.

Я прошел в оружейную. В отличие от Плоскоголового, я никогда не рассчитывал только на грубую силу. Отобрал оружие, спрятал его под сиденье и совсем собрался было ехать, когда из дома с корзиной в руках выбежал Дин.

— Мистер Гаррет, подождите!

— Что там у тебя?

— Продукты.

— Остатки пиршества?

— Они тоже. Неужели вы собирались голодать сутки напролет?

Гм... Я человек городской, следовательно, о хлебе насущном заботиться не привык.

— Чтобы не оскорблять тебя в лучших чувствах — так и быть, возьму твою корзину, и пусть мне будет хуже.

Дин довольно усмехнулся. Что ж, пока не проглочу последний кусок, я буду вспоминать, что мне необходим тот, кто будет меня кормить и за мной присматривать. Еда наверняка приготовлена очередной племянницей.

Короче, Дин окончательно свихнулся. Ведь прислуживает мне достаточно давно, мог бы и сообразить, что я не из тех, за кого стремятся выдать замуж своих родственниц. Впрочем, что возьмешь с чокнутого?

Официально королевство Карентия вело войну. Поэтому вполне можно было ожидать, что у ворот одного из главных городов государства выставлены караулы — на случай, если какой-нибудь предприимчивый венагет замыслит диверсию. Однако война началась, когда мое поколение еще ходило пешком под стол, и редко вырывалась за пределы Кантарда и окрестных морей. В общем, тем стражникам, которые не дрыхли на посту, было не до меня — они отчаянно сражались в карты. А наши правители с Холма желают, чтобы простой народ ненавидел венагетов и бился с ними, не щадя живота.

Рейвер Стикс и ее присных ненавидеть гораздо проще. Они из тех, кто внакладе не останется, чем бы война ни закончилась.

Я выбрал дорогу, которой ехали Плоскоголовый с Амирандой. Светила полная луна, лошади ничуть не возражали против ночной прогулки — даже с таким возницей, как я. С лошадьми у меня полное взаимопонимание с самого детства.

Дорога была пустынной, навстречу попался только ночной дилижанс из Дерри, который часа на полтора опережал расписание. Кроме двух или трех пассажиров, что дремали внутри, дилижанс вез почту. Кучер и охранник приветствовали меня дружескими возгласами. Да, ребята явно нервничали.

Наверно, мне следовало бы не выпускать из руки кинжал с серебряным лезвием. Все-таки полнолуние, сами понимаете... Впрочем, оборотни не нападали на людей в окрестностях Танфейра с тех самых пор, как меня забрали в армию.

Однажды мне пришлось расследовать убийство, обставленное как нападение оборотня. Постарался наследничек — уж очень ему не терпелось выяснить, включили его в завещание или нет.

До перекрестка я добрался приблизительно в то же время, что и Плоскоголовый. Огляделся по сторонам, ничего подозрительного не заметил, а потому пустил лошадей пастись и лег на сиденье.

Проспал я до самого утра. Думал, что меня разбудят первые лучи солнца, но эта честь выпала пареньку лет десяти.

—Вы живы, мистер? — поинтересовался он, тряхнув меня за плечо.

Я пересчитал пальцы на руках и ногах, проверил наличие кошелька и убедился, что меня не убили, не изувечили и не ограбили.

— В полном, сынок. Если не считать того, что впадаю потихоньку в старческое слабоумие.

Мальчуган хмыкнул и засыпал меня вопросами. Я постарался достойно ответить, после чего сам задал два или три. Выяснилось, что он идет помогать кому-то по хозяйству, но отнюдь не против, чтобы я угостил его завтраком. Кстати, вот характерный пример того, насколько сегодня спокойно в окрестностях Танфейра, что бы там ни утверждали городские кумушки. Да ни один городской мальчишка не решится провести с незнакомцем хотя бы пять минут. Настоящие чудовища обитают не в сельской местности, а в городе, в винных погребах и гостиных.

Ничего сколько-нибудь полезного мне узнать не удалось.

Я всегда полагал, что порядочного человека вводить в искушение не стоит, а потому поехал от перекрестка в направлении, противоположном тому, которое меня интересовало. В лесу остановился, привязал лошадей к дереву, после чего возвратился на перекресток, убедился, что повозки оттуда не видно, и принялся обследовать кусты.

Найти место, куда нападавшие побросали трупы, не составило труда. Сломанные ветки, следы крови на земле... Самих трупов, разумеется, не было и в помине. Что касается пятен, успевших покрыться плесенью, они говорили только об одном: крови здесь пролилось изрядно.

В глубь леса уводило несколько следов, которые бросались в глаза с первого взгляда. Мне вполне хватило навыков, полученных в армии, чтобы разобраться, какой куда ведет. Первый след разделился

приблизительно через треть мили — на восток побежала неплохо утоптанная тропинка. Судя по всему, Плоскоголового преследовали четыре либо пять гоблинов, которые затем почему-то отказались от погони. Второй след тоже уводил к востоку, но сразу от кустов.

Идти по следам Тарпа смысла не имело, поэтому я выбрал второй путь.

Ярдов через пятьсот остановился, уселся на поваленный ствол и велел себе собраться с мыслями. Что ожидало меня впереди, можно было предположить по гудению мух и тявканью диких собак, которые ссорились со стервятниками. Еще несколько шагов, и я почувствую запах. Стоит ли идти дальше?

С одной стороны, какие могут быть сомнения? Надо же установить, что там — то, что я предполагаю, или наполовину сгнившая лосиная туша. Но если я прав, зрелище, которое предстанет моим глазам, не прояснит картины преступления. Впрочем, таков удел сыщика — хвататься за каждую ниточку, даже если шансы на успех — один к десяти.

Тем не менее трупы, пролежавшие в лесу не один день, выглядят не слишком привлекательно. Поэтому я некоторое время внимательно изучал паутину с самоцветами росы, прежде чем направиться навстречу неминуемому извержению желудка.

Пять лет армейской службы приучили меня к смерти, да и потом я не раз встречал ее в разных обличьях, но кое к чему привыкнуть так и не сумел. Совесть не позволяла.

Смерть правила бал на лужайке у подножия холма. Ярдов двадцать в ширину, пятьдесят в длину, тут и там из земли торчат замшелые гранитные валуны. Я подобрал пригоршню мелких камней и принялся швырять ими в диких собак. Те зарычали, но отступили.

Стервятники попытались взять меня на испуг, а когда я не поддался, взмыли в воздух и начали выписывать круги над лужайкой, словно говоря: «Тебя это тоже ожидает». Кстати, в Танфейре есть секта, которая поклоняется стервятнику как богу времени.

Я насчитал по крайней мере семь тел. Помнится, Плоскоголовый утверждал, что прикончил четверых или пятерых. Все без исключения тела принадлежали гоблинам. Сверху трупы были слегка присыпаны землей, палой листвой и камнями. «Похоронная команда» явно не утруждала себя работой; впрочем, люди относятся к сородичам иначе, нежели гоблины. Для последних мертвый собрат — бремя, от которого следует как можно скорее избавиться. И никаких сантиментов.

К тому же те, кто прятал тела, наверняка торопились.

Ладно, хоть и противно, а надо. Я потыкал кучу палкой, надеясь отыскать что-нибудь интересное, но вскоре выяснил, что живые, конечно, спешили, однако не настолько, чтобы не ограбить мертвых. Забрали все, даже башмаки.

Что-то непохоже на бандитов, которые разжились изрядной суммой. Правда, гоблинов не разберешь. Этих, вполне возможно, заставили в детстве вызубрить старинную поговорку: «Что упало, то пропало».

Я трижды обошел лужайку, разыскивая следы «похоронной команды». Почва местами была сырой, и в таких местах следы отпечатались особенно четко. Я высматривал что-нибудь этакое, наподобие отпечатка костыля или вроде того. А вдруг мародеры побывали на лужайке совсем недавно и прячутся сейчас в лесу, наблюдая за моими действиями? Эта мысль заставила меня вздрогнуть.

Я не обнаружил ничего такого, на что рассчитывал, но не потому, что искать было нечего. Обстоятельства сложились так, что я решил продолжить поиски в другом месте.

У меня за спиной зашелестела листва. Я решил, что это вернулись самые смелые из диких собак, и, оборачиваясь, замахнулся палкой.

— Проклятие! — вырвалось у меня.

На краю лужайки стоял мамонт ростом добрых два с половиной метра. Я не стал выяснять, как ему удалось подобраться настолько близко почти без шума. Когда он наклонил голову и забавно фыркнул, я рванул в лес так, что только пятки засверкали. Эта скотина затрубила мне вслед. Еще смеется, гад!

Отбежав на порядочное расстояние, я выглянул из-за ствола могучего дуба. Мамонт здесь, в окрестностях Танфейра! Да тут не было ни одного лет пятьсот. Ближайшие стада паслись милях в четырехстах к северу, поблизости от мест, где обитали громовые ящерицы.

Мамонт затрубил снова, проглотил пару охапок травы, продолжая косить на меня глазом. Убедившись наконец, что я — вовсе не бесстрашный охотник на мамонтов, он отогнал стервятников, изучил трупы, с отвращением фыркнул и скрылся в лесу столь же тихо, как и появился.

А я-то радовался прошлой ночью, что за городом уже не встретишь оборотня!

В общем, везет не только утопленникам.

Что ж, хватит искушать судьбу, пора возвращаться туда, где стоит повозка, а то еще лошади учуют мамонта и решат, что лично им в городе спокойнее. Гаррет, конечно, парень неплохой, но здоровье, сами понимаете, дороже.

18

Моя повозка стояла на перекрестке, мимо катились запряженные осликами тележки и фланировали фермерские семьи, а я размышлял, куда мне податься — то ли к дому, в котором держали под замком Младшего, то ли к знакомой ведьме Тарпа.

Откровенно говоря, решение уже было принято, я просто пытался сообразить, зачем еду на ферму: ради дела или чтобы еще хоть немного отодвинуть неминуемое. Причем меня не смущало, что оба места находятся в одном направлении и ферма ближе, чем дом ведьмы.

Но прошлого не изменишь, отлив не остановишь, а свою натуру не переделаешь. Правда, каждый из нас постоянно себя чем-то удивляет и никто не ведает, почему.

— К дьяволу! Поехали!

Одна из лошадей оглянулась. Мне не понравился ее взгляд. Похоже, лошадки собирались поразвлечься.

Ну почему они всегда так со мной поступают? Признаюсь как на духу — я категорически отказываюсь понимать женщин и лошадей.

— Даже не думай, — предупредил я. — Не то пойдешь на мыло. Трогай.

Лошади подчинились. Все-таки им, в отличие от женщин, можно объяснить, кто в доме хозяин.

Эти малоприятные размышления вновь воспламенили во мне желание поквитаться с теми, кто убил Амиранду.

Поворот на ферму я сумел отыскать с третьей попытки. Земля была вытоптана настолько, что никакие следы на ней не отпечатывались; вдобавок, поворот скрывали кусты. Мне пришлось спешиться, только тогда я обнаружил знак — два молоденьких тутовых деревца. За ними начинался проселок.

С полмили дорога шла густым лесом, в котором было сыро, темно и тихо. Вокруг вовсю резвились слепни и лосиные мухи, к лицу то и дело прилипала

паутина. Я потел, ругался, размахивал руками, отгоняя надоедливых насекомых. И кому только взбрело в голову жить в сельской местности?

Проселок вывел меня на ежевичную поляну. Ягоды были крупными и сладкими, и я решил перекусить. Какое-то время спустя мне начало казаться, что за городом не так уж и плохо — пока на меня не набросились комары.

Судя по следам, этой дорогой совсем недавно проехала по крайней мере одна груженая повозка.

Вскоре у меня возникло ощущение, что, сколько бы я ни старался, мне не найти на ферме ничего такого, что могло бы подтвердить мои подозрения и опровергнуть изложенную Младшим версию похищения.

На лесной опушке я спугнул лань с олененком. У меня на глазах они пересекли широкое, когда-то возделывавшееся поле, ныне густо поросшее травой, цветами и молодыми соснами. Трава вымахала мне по пояс, попадались сорняки и повыше. Дорога вела прямиком через поле. Домашних животных видно не было, собаки не лаяли, дымок над крышей дома не вился — словом, никаких признаков того, что на ферме кто-то живет.

Тем не менее я выжидал, давая лесному зверью время привыкнуть к незваному гостю.

Вдалеке лиловели холмы Боуга, на склонах которых располагались лучшие карентийские виноградники. Вполне может быть, что прежние владельцы фермы не подозревали о магии, покров которой окутывает холмы, а когда узнали, поспешили съехать.

Неожиданно мои мысли перескочили на Донни Пелл. Девушка, которая родилась в довольно зажиточной семье и несколько лет работала на Летти Фаррен. Ей вроде бы принадлежала земля, достаточно плодородная, чтобы возбудить аппетиты танфейрских лордов. Вряд ли это связано с преступлением, но все же интересно было бы узнать, что заставило ее переселиться в город.

Минут десять я изображал, будто кого-то поджидаю, затем мне это надоело. Я привязал лошадей к дереву, пригнулся и двинулся через поле.

Дом оказался пуст. Я вернулся на опушку, пустил лошадей пастись, а сам отправился проверять слова Младшего.

Как выяснилось, описание Карла полностью соответствовало истине. Он не упомянул только об одном — что вода в колодце вкусная, а ведро висит на новой веревке.

В том, что в доме провела несколько дней шайка гоблинов — или других, столь же непритязательных личностей, — сомневаться не приходилось. Питались они, судя по разбросанным всюду перьям, лапам и головам, исключительно цыплятами. Интересно, как им удалось натаскать с окрестных ферм столько живности и не возбудить против себя всю округу?

Я прошелся по дому, уделив особое внимание комнате, в которой держали Карла. Колченогий стул, столик со сломанной ножкой, треснутый кувшин, грязные одеяла на полу, переполненный ночной горшок, который никто так и не удосужился вылить... Последняя деталь означала, что либо я совершенно зря подозреваю Младшего в неискренности, либо недооценил его артистический талант. Если он и состряпал фальшивку, то позаботился буквально обо всем на случай тщательного расследования; однако домой паренек возвратился невредимым и счастливым, из чего следовало...

Понятия не имею, что из этого следовало. Может быть, что меня весьма ловко обвели вокруг пальца.

За что, ну за что убили Амиранду?

Может статься, ответить на этот вопрос — значит узнать все остальное.

Вспомнив о том, что меня наняла Амбер, я снова обыскал дом, надеясь найти хоть что-нибудь — следы гоблина с деревянной культей вместо ноги или двести тысяч золотых марок в колодце. Ну да, разделся, нырнул в колодец и барахтался в ледяной воде до тех пор, пока не убедился, что золота на дне нет и в помине. Мне казалось, мои проклятия способны нагреть воду до кипения, но этого не произошло. Наверно, я ругался не теми словами.

В результате поисков, продолжавшихся не меньше четырех часов, я обнаружил одну-единственную серебряную монету в комнате Младшего, в пыльном углу. Достойная награда за риск собственным здоровьем. Монета выглядела новой, однако не имела даты. Вероятно, ее отчеканили в каком-нибудь храме, куда придется как-нибудь заглянуть, чтобы навести справки.

Впрочем, она навела меня на интересную мысль, а заодно и заставила пожалеть, что я не задал Младшему кое-каких вопросов. Ладно, возобновим разговор, когда я вернусь в город. Правда, в тот раз я, что называется, поджаривал его на медленном огне, а теперь...

Солнце клонилось к западу. Было бы, конечно, здорово, если бы оно ударилось о какой-нибудь холм и отскочило обратно в небо, но на это рассчитывать не приходится. Мне предстоит нанести визит, а поскольку перспектива ночевать в лесу, где водятся оборотни и якобы добродушные мамонты, меня не прельщает, пора двигать.

Лошади держались вполне миролюбиво. Даже не пытались вырваться, когда я запрягал их в повозку.

19

Рассказывая о том, как добраться до домика ведьмы, Плоскоголовый и не подумал предупредить, что дороги там нет и в помине. Ни дороги, ни тропы. Кругом ведьминский лес, настоящий бурелом, и каждый, кто сумел сквозь него продраться, заслуживал того, за чем пришел.

Я шел, ведя лошадей в поводу. Перемирие между нами сохранялось лишь потому, что животные прекрасно понимали — без меня им из этой чащобы не выбраться. Я догадывался, что стоит нам очутиться на дороге, как о перемирии будет немедленно забыто.

Вокруг возвышались могучие старые деревья, кроны которых заслоняли небо, а впереди наконец-то показался домик. Распахнулась дверь, и наружу хлынул поток света.

В дверном проеме стояла румяная пожилая женщина, невысокая и пухленькая, как яблочный пирог. Ее наряд в точности соответствовал тому, какой одевают старухи-крестьянки в день крестин. Она пристально поглядела на меня. Догадаться по выражению лица женщины, что она увидела и о чем думает, было невозможно.

— Вы Гаррет?

Я, честно говоря, изумился, но отпираться не стал.

— Больно долго вы добирались. Заходите в дом. У нас найдется вода для чая и пара пшеничных лепешек, если, конечно, Шаггот их не слопал. Шаггот! Иди сюда, лентяй этакий! Возьми у гостя лошадей.

Я хотел было спросить, откуда она узнала о моем приближении, но успел только открыть рот, потому что в этот момент на крыльце появился Шаггот. Дверной косяк располагался на высоте добрых семи футов, однако Шагготу пришлось сложиться едва ли не пополам, чтобы пройти. Он смерил меня взглядом вроде того, каким я мог бы одарить дохлую крысу, фыркнул и принялся распрягать лошадей.

— Заходите, — пригласила ведьма.

Не сводя глаз с Шаггота, я проскользнул в дверь и пискнул:

— Тролль?

— Совершенно верно.

— У него клыки, как у саблезуброго тигера. То есть зублесаброго тугра. Ну, этой рычащей твари с острыми зубами.

— Шаггот — настоящий тролль, — сказала ведьма. — Он живет у меня уже много лет.

Она провела меня в кухню и налила в глиняную кружку чаю (лично я, естественно, предпочел бы пиво).

— Его сородичи покинули эти края из-за того, что им не стало проходу от надоедливых людишек, а верный Шаггот остался, хотя здравый смысл наверняка подсказывал ему уйти с остальными.

Я хотел было заметить, что она сама вообще-то принадлежит к людям, но передумал.

— Откровенно говоря, тролли не слишком умны. Кстати, обратите внимание, Шаггот нечувствителен к солнечному свету.

Может быть, может быть. Это не главное, главное — зубы.

— Откуда вы узнали, как меня зовут? — Вопросик как раз для ведьмы. — И что я... Кха!

В кресле у очага сидела Амиранда. Руки сложены на коленях, смотрит куда-то мне за спину... Нет, не Амиранда. Плоть, тело, лишенное того, что его оживляло. Не человек, а вещь.

Если думать так, боль пройдет скорее.

— Прошу прощения? — Я повернулся к ведьме, которая что-то сказала.

— Меня предупредил Уолдо. Но я ждала вас раньше.

— Кто такой Уолдо? Еще один зверь вроде Шаггота? Он что, видит будущее?

— Уолдо Тарп. Он говорил, что вы друзья.

— Уолдо? — Я чуть не подавился собственным, наполовину истерическим смешком. Ведьма нахмурилась. — Не знал, что у него есть имя. При мне его называли исключительно Плоскоголовым.

— Его зовут Уолдо, но имя ему не нравится, — сказала ведьма. — Присаживайтесь и давайте поговорим.

— Выходит, Плоскоголовый морочил нам головы, — пробормотал я. — Выходит, он вовсе не такой болван, каким пытается выглядеть. — Мой взгляд блуждал по комнате, неизменно возвращаясь к Амиранде. Казалось, девушка спит. Вот-вот она проснется, поведет плечиком и насмешливо посмотрит на меня...

Ведьма опустилась в кресло напротив.

— Уолдо сказал, что вы захотите задать несколько вопросов... — Она проследила за моим взглядом. — Пришлось навести чары, чтобы замедлить разложение до тех пор, пока ее не похоронят, как полагается.

— Спасибо.

— Какие же у вас вопросы? Что вы хотите узнать?

— Все. Прежде всего, почему убили Амиранду и кто приказал ее убить.

— Я не всемогуща, Гаррет, и на такие вопросы ответить не могу. Впрочем, могу предположить, почему. Хотя, вполне возможно, мое предположение не соответствует истине. Дело в том, что она была на третьем месяце беременности.

У меня с языка сорвался вопрос:

— А кто отец?

— Уолдо рассказал мне только, что ее звали Амирандой и что она пришла к нему по вашему совету.

— Да, мы были знакомы. Не слишком близко, но все же...

— Тогда расскажите мне о ней.

Я начал рассказывать. Боль немного отпустила. Мои слова будто на какое-то время оживили Амиранду.

— Что скажете? — поинтересовался я, поведав все, что мог.

— Что вам придется нелегко. Когда в преступлении замешаны аристократы... Уолдо говорил, что девушку убили гоблины?

— Да.

— Мерзкое отродье! Уолдо проучил их, но недостаточно. Я отправила вдогонку Шаггота, однако он нашел только трупы, причем обобранные дочиста.

— Я их видел. Кстати, передайте Шагготу, чтобы ходил поосторожнее. По лесу бродит зверюга куда крупнее, чем он.

— Вы шутите?

— Да как сказать... Пока я рассматривал трупы, ко мне подкрался мамонт.

— Мамонт в нашем лесу? Вот уж чудо так чудо. — Ведьма встала и подошла к шкафу. — Я размышляю над тем, что можно сделать, с тех пор как ушел Уолдо. Мне кажется — а теперь, узнав поподробнее о девушке, я почти уверена, — что вам необходимы кое-какие заклинания, чтобы застать злодеев врасплох.

— Благодарю. — Я вновь поглядел на Амиранду. — Но почему вы мне помогаете?

— Из-за Уолдо. Из-за девушки. Быть может, паренек, из-за тебя самого. А также из-за себя и из чувства справедливости. За такую жестокость нужно отплатить той же монетой. Тот, кто ее убил, должен... Ой, чай совсем остыл. Сейчас заварю по новой.

Вторую кружку я получил вместе с поджаристыми лепешками — вероятно, теми самыми, о которых старуха упомянула на крыльце. Я осторожно откусил маленький кусочек. Что ж, гостю пристало быть вежливым, особенно если хозяйка — ведьма.

Шаггот просунул в дверь голову и прорычал что-то, весьма похожее на «куда подевались мои лепешки?» Ведьма ответила ему на том же языке. Тролль, прищурясь, поглядел на меня.

— Не обращайте внимания, — сказала старуха. — Он просто забавляется.

Замечательно. Я вдруг ощутил себя мангустом, который дразнит кобру.

Ведьма принялась объяснять, как пользоваться теми заклинаниями, которые она мне приготовила. Выслушав, я поблагодарил и поднялся.

— Если Шаггот сумеет помочь с лошадьми и не переломать при этом костей ни им, ни мне, я, пожалуй, поеду.

Похоже, мое замечание слегка задело ведьму, однако она улыбнулась.

— Мистер Гаррет, вы, судя по всему, наслушались всяких россказней. В моем доме вам будет куда безопаснее, чем в лесу. Шаггот — агнец по сравнению с теми, кто еще остался в наших краях. К тому же сейчас полнолуние. Вы помните, что бывает в полнолуние?

У тех, кто хочет выжить, интуиция со временем обостряется, и они знают наверняка, когда стоит спорить, а когда лучше согласиться. Толковые ребята ни за что не станут препираться с владычицами бурь, колдунами, магами или ведьмами. С другой стороны, ночь в компании этого сабрезублого...

— Ладно. И где вы меня положите?

— Здесь. У огня. Ночью в лесу холодно.

Я посмотрел на Амиранду.

— Не беспокойтесь, мистер Гаррет, она к вам приставать не будет. Это, к сожалению, уже не для нее. Шаггот разбудит вас на рассвете и поможет перенести тело в повозку.

Я взглянул на Амиранду и вспомнил, что мне предстоит долгая и трудная дорога обратно. А когда вернусь домой, надо будет сообразить, что делать с трупом.

— Спокойной ночи, мистер Гаррет. — Ведьма притушила свет, унесла на кухню чайник с кружками и принялась греметь посудой. Я решил, что хватит корчить из себя истеричную девицу, расстелил на полу одеяло и кинул на него подушку. Чем, в самом деле, не постель?

Затем подбросил в очаг пару поленьев и лег. Ведьма кончила греметь, погасила на кухне свет и ушла к себе, а я все лежал и глядел в потолок. На Амиранду, которую я видел краем глаза, падали блики пламени; казалось, будто она время от времени шевелится. Я обдумывал все, что мне известно, и старался вспомнить, что заставило меня усомниться в искренности Младшего. Во-первых, монета на ферме. А во-вторых...

Порой сыщику помогает не столько интуиция, сколько хорошая память.

Ну конечно! Ботинки Младшего, которые показала мне Уилла Даунт, когда я впервые побывал во дворце.

Эти ботинки явно заслуживали того, чтобы им уделили самое пристальное внимание.

А пока нужно отдохнуть. Завтра предстоит очередной долгий день.

20

Завтрак с Шагготом произвел на меня неизгладимое впечатление. Вот это едок! Трое таких, как он, способны объесть целую страну. Неудивительно, что троллей так мало. Если бы их было столько же, сколько на свете людей, им пришлось бы грызть камни, потому что любой другой еды ни за что бы не хватило.

После завтрака Шаггот подтащил к двери повозку и запряг в нее лошадей, причем проделал все настолько легко и быстро, что я обзавидовался. Животные вели себя смирно и не пытались продемонстрировать свой норов, поскольку прекрасно понимали, что позже у них появится возможность отыграться на мне.

Пропади пропадом все лошадиное племя!

Ведьма собрала мне в дорогу корзинку с едой. Я поблагодарил ее за гостеприимство и за все остальное. Она вновь принялась объяснять, как пользоваться заклинаниями. Вообще-то эти объяснения напоминали инструкцию по броскам камня. Однако всякий специалист своего дела уверен, что без его консультации никто ни с чем не справится.

Я попытался заплатить за ночлег и помощь.

— Перестаньте, мистер Гаррет. Я хочу, чтобы в нашем несправедливом мире хоть раз восторжествовала справедливость. Где-то там бродит существо с крокодильей душой, приказавшее убить беременную женщину. Найдите его и прикончите. Если вам покажется, что в одиночку с ним не совладать, приходите ко мне.

Убийство Амиранды привело старуху в ярость, а ведь они с девушкой не были даже знакомы. Странно получается. Мертвая Амиранда приобрела множество союзников. Нет чтобы они объявились чуть раньше, когда она сильнее всего нуждалась в помощи... Впрочем, Плоскоголовый один стоит нескольких бойцов.

— Хорошо. — Я решил уступить и спрятал деньги. — Постараюсь сообщить, как продвигается расследование. Еще раз спасибо за все. — Переглянулся с лошадьми, состроил зверскую гримасу, чтобы они не вздумали вольничать.

— Будьте осторожны, мистер Гаррет. Ваши противники ни перед чем не остановятся.

— Знаю. Я тоже из таких.

— Возможно, им известно, кто вы и чего добиваетесь. А вы о них ровным счетом ничего не знаете.

— Зато я человек опытный. — Я уселся, посмотрел на тело Амиранды, что лежало в повозке, завернутое в одеяло, и прикрикнул на лошадей. Мы тронулись. Добрый старый Шаггот показывал лошадям путь через лес. Выяснилось, кстати, что к домику ведет вполне приличный проселок, который я накануне, естественно, проглядел. Животные то и дело оглядывались на меня, словно говоря: «Ну нельзя же быть таким болваном».

Я начал с ближайшей к тому дому, в котором держали Младшего, фермы. Разумеется, в тот день, когда, по словам Карла, он вернулся домой, никто не видел, чтобы мимо проходил юноша такой-то наружности. И ни один человек, равно как и представитель любого другого племени, не пытался одолжить или купить повозку или верховое животное.

Приблизительно это я и рассчитывал услышать. Выходит, Младший все же допустил промашку. Впрочем, надо удостовериться, пока подозрения остаются всего лишь подозрениями.

Я будто искал иголку в стоге сена. Моя повозка катилась от фермы к ферме, всюду я задавал те же самые вопросы; мне отвечали когда охотно, когда не слишком, но суть ответов была неизменной — никто не просил одолжить и не предлагал купить у фермеров то или иное средство передвижения. Наступило и миновало время обеда, и я понял, что пора пораскинуть мозгами.

Быть может, Младший и впрямь добрался до города пешком. Или остановил на дороге какой-нибудь дилижанс. Либо гоблины снабдили его неким транспортом.

Да нет, вряд ли. Все эти способы не для него. Во-первых, из-за характера, а во-вторых — по той простой причине, что, скажем, кучеры обычно запоминают тех, кого подсаживают по дороге. И если Карл стремился замести следы...

Лично я попробовал бы в подобной ситуации пристроиться к какому-нибудь фермеру, который ехал бы в город. Но сомнительно, чтобы избалованный отпрыск аристократического рода стал взывать к состраданию ближних. Кстати, если его все же подвезли, шансы отыскать тех, кто ему помог, практически равны нулю.

Ладно, будем уповать на то, что, если бы его и впрямь подвезли, он бы об этом упомянул.

Во мне крепло убеждение, что похищение Младшего было инсценировано. Пришлось даже одернуть себя — ведь, зациклившись на чем-то одном, я мог упустить из виду какую-нибудь важную подробность.

Зрелище, открывшееся взору, словно перебросило меня в прошлое. Я будто вновь очутился в армии. Фермер, его сыновья и помощники двигались через поле, вытянувшись цепочкой и ритмично размахивая косами. Они смахивали на штурмовой отряд. Я натянул вожжи и стал наблюдать.

Меня явно заметили, но виду не подали. Отец семейства поглядел на затянутое облаками небо и решил продолжать работу.

Что ж, будем играть по их правилам.

Я спрыгнул наземь, обошел несжатый участок, чтобы показать, что ценю чужой труд, и приблизился к цепочке косарей с фланга. Женщины и дети, которые вязали снопы и навьючивали их на спины флегматичных осликов, проявили куда больше любопытства, чем мужчины. Я коротко поздоровался и прошел мимо, памятуя о том, что в деревне

свои нравы: невинную шутку здесь нередко воспринимают как покушение на женскую добродетель.

Остановившись на почтительном расстоянии от старшего, я сказал:

— Здравствуйте.

Он что-то пробурчал себе под нос, продолжая размахивать косой. Не послал куда подальше, и на том спасибо.

— Вы могли бы мне помочь.

По его бурчанию можно было понять, что он весьма в этом сомневается.

— Я ищу человека, который прошел этой дорогой четыре-пять дней тому назад. Возможно, он пытался одолжить или купить лошадь.

— Зачем он вам?

— Он дурно обошелся с моей женщиной.

Фермер повернулся и посмотрел на меня. «Что ты за мужик, — говорил его взгляд, — если не мог справиться с собственной женой».

— Он убил ее. Я обнаружил тело только вчера. Отвезу родным, а потом найду того негодяя, который поднял на нее руку.

Фермер перестал косить, прищурил глаза, повидавшие много рассветов и закатов. Остальные косари тоже прекратили работу и оперлись на свои косы, точь-в-точь как усталые солдаты на копья. Женщины и дети уставились на меня. Фермер кивнул, положил косу на землю, приблизился к повозке, приподнял край одеяла и взглянул на Амиранду.

— Красивая, — проговорил он, возвратившись ко мне. — Уодлоу, иди сюда!

К нам подошел пожилой мужчина.

— Ты продал тому городскому франту свою кобылу?

Уодлоу посмотрел на небо, словно ожидал увидеть ответ в облаках.

— Ну да. Пять дней назад. — Опираясь на косу, он с подозрением разглядывал меня, будто опасаясь, что я потребую вернуть деньги.

Я узнал то, что мне было нужно, однако игру требовалось довести до конца.

— Он не сказал, в какую сторону направляется?

Уодлоу поглядел на старшего, который заявил:

— Расскажи ему все, что знаешь.

— Говорил, что в город. Дескать, у него украли лошадь. Такие дела. — Слова из Уодлоу приходилось буквально вытягивать.

— Ясно. Он был в сапогах? — Я задал вопрос как бы невзначай, хотя от ответа зависело очень многое.

— Не-е-е, — протянул Уодлоу. — В башмаках. Городские башмаки, здесь в таких и недели не проходишь.

— Понятно. Один?

— Как перст.

— Что ж, спасибо.

— Все узнали? — осведомился старший.

— Думаю, теперь мне известно, где его искать. Большое спасибо. — Я поглядел на небо. — Всего хорошего.

— Удачи. Красивая у вас жена.

К горлу подкатил комок, на глаза навернулись слезы. Я помахал рукой и пошел прочь. Признаться, эти крестьяне поняли меня лучше, нежели кто-либо другой, за исключением, может быть, Уолдо Тарпа.

К тому времени, когда я взобрался на сиденье и взял в руки вожжи, косари вместе с женщинами и детьми уже возобновили работу. Может статься, обо мне они вспомнят за ужином.

21

В город я въехал уже в сумерках. Амиранда сидела рядом со мной. Наложенные ведьмой чары продолжали действовать, поэтому выглядела она вполне естественно, тем более в полумраке. Быть может, девушку увидит тот, кто считает ее мертвой, и всполошится, решив, что она жива.

В голове у меня царил сумбур, из которого, будем надеяться, рано или поздно возникнет хотя бы одна здравая мысль.

Я нарочно сделал крюк, проехал по окраинам города гоблинов, потом покружил немного у заведения Летти Фаррен.

Потом я покатил домой и вошел через заднюю дверь, чтобы не привлекать внимания.

Меня встретил Дин, у которого от изумления отвисла челюсть.

— Что с ней такое, мистер Гаррет?

— Мертва, — отозвался я. Настроение у меня было препаршивое. — Убита. Еще вопросы есть?

Он начал многословно извиняться. Я тоже извинился за несдержанность и прибавил:

— Понятия не имею, кто ее убил и за что. Может, за то, что она была беременна. Или слишком много знала. Пошли к нашему гению. Глядишь, он что-нибудь и подскажет.

Покойник далеко не всегда такой равнодушный, каким норовит выглядеть. Он сразу уловил мое настроение и не стал, как обычно, валять дурака.

Он молча выслушал меня, а Дин, который тоже внимал моим словам, то и дело подливал мне пива. Судя по тому, что Покойник, вопреки своей привычке, даже не пытался перебивать, рассказывал я неплохо, да и при расследовании ничего не упустил. Единственный вопрос, который он задал, касался мамонта и явно был продиктован простым любопытством.

— Мне надо подумать, Гаррет. А ты давай напивайся. Присмотри за ним, Дин.

— С какой еще стати? — возмутился я.

— В таком настроении ты способен совершить необдуманный поступок, который может привести к серьезным последствиям. Я призываю тебя к осторожности. Сведений, собранных тобой, недостаточно, чтобы выявить преступника из общей массы. Однако завтра я приведу соображения, которые, возможно, позволят отыскать более убедительные улики.

— Более убедительные? Мне вполне хватает этих.

— Ты хочешь обвинить единственного и любимого сына Владычицы Бурь в совершении преступления на основании пары башмаков? Тебе прекрасно известно, что Рейвер Стикс будет выгораживать своего отпрыска, даже если его застанут рядом с младенцем, из груди у которого он только что вырезал сердце. Кроме того, преступник, вполне возможно, вовсе не он.

— А кто же еще?

— Это тебе и предстоит выяснить. Я признаю, вероятность того, что молодой да Пена и мертвая девушка участвовали в инсценировке похищения, весьма велика. Однако вероятность — не уверенность. Между прочим, ты столь рьяно стремишься обвинить во всем молодого Карла, что упустил из виду факт, который может все объяснить.

— Хватит ходить вокруг да около. Ты что, не можешь сказать прямо?

— Двести тысяч марок золотом. Такая оглушительная сумма могла пробудить сострадание даже в сердце гоблина. Может быть, бандиты решили, что им нет необходимости проверять карманы жертвы?

Дьявол, а ведь он прав. Главная трудность, похоже, в том, что вопросов мало, а ответов явный избыток.

— Не верю, — заявил я.

— Подумай на досуге. Что могло случиться с золотом?

— Что?

— Насколько тебе известно, домина Даунт передала золото преступникам. По словам Амбер и по мнению других свидетелей, все молодые люди страстно желали покинуть дворец Рейвер Стикс. Однако младший да Пена вернулся. Неужели он поступил бы таким образом, если бы завладел золотом? Нужно выяснить, где деньги. И где Донни Пелл, у которой наверняка немало знакомых в городе гоблинов.

— Чтоб тебе пусто было, — произнес я в сердцах и получил в ответ нечто вроде мысленного фырканья.

— Приходи утром, Гаррет. Я поделюсь с тобой своими мыслями.

Я направился было к двери, но тут мой взгляд упал на тело Амиранды.

— А с этим что делать?

— Оставь ее здесь. Мы побеседуем.

— В смысле? Ты что, записался в некроманты? Давай выкладывай.

— Гаррет, ты не понимаешь образных выражений. Ступай отсюда. Мое терпение отнюдь не безгранично.

Я отправился в гостиную и принялся медленно, но верно напиваться. Старина Дин, исполняя поручение Покойника, бдительно следил за моими действиями и, когда настало время, отвел меня в постель. Разрази его гром, этого Покойника! И зачем ему понадобилось все усложнять?

22

Старина Дин знал, как надо меня будить — заставил проглотить сытный завтрак, а когда ему показалось, что я отлыниваю, принялся греметь посудой. Я выбрал меньшее из зол и снова принялся за еду.

Роскошный завтрак с яблочным соком и конфетами слегка разогнал похмелье. Между прочим, отказывался я потому, что вид и запах пищи с детства вызывали у меня отвращение, и я просто не верю, что еда способна принести хоть какую-то пользу.

Наконец Дин смилостивился и поставил передо мной огромную дымящуюся чашку настоянного на травах чая, подарка Морли Дотса. Этот чай действовал как легкое обезболивающее.

— Его милость ждет, мистер Гаррет. Если хотите, берите чай с собой.

С ума сойти, он разрешает мне что-то вынести из кухни! Я посмотрел на Дина. Он правильно истолковал мой взгляд.

— В той комнате было жутко и с одним мертвецом, а теперь их двое. Я туда больше не хожу, пускай прибирается сам.

Когда я вошел, Покойник засыпал. В принципе, ему давно пора было залечь в очередную трехнедельную спячку, однако сейчас он выбрал неудачное время.

— Эй, Скелет, просыпайся. Ты обещал поделиться со мной своими мыслями.

Он не стал отпираться, однако его монолог я опускаю, поскольку его не выдержит никакая бумага.

— Судя по всему, ты настолько уверен в правильности своей теории насчет Слави Дуралейника, что вознамерился вздремнуть?

— Пока сообщения из Кантарда ее не опровергают.

— Раскалываться не собираешься?

— Еще рано.

— Ладно. А что там с моими заботами?

— Гаррет, ты мог бы во всем разобраться сам. В твоем распоряжении была целая ночь.

— Ночью я спал. Ну?

— Ты отвык думать самостоятельно и полагаешься только на меня.

— Мы, люди, отъявленные лентяи. Выкладывай, чего ты там надумал.

— Приведи ко мне молодого Карла. Как представляется, он — наиболее уязвимое звено в цепи событий. Если его гложет совесть, я сумею выяснить, из-за чего. Он сломается, когда увидит эту несчастную девушку.

— Больше тебе ничего не надо? Значит, ты предлагаешь мне вытащить его из крепости, которую он называет домом, и привести сюда, чтобы ты мог всласть над ним поизмываться?

— Гаррет, у нас разделение обязанностей. Я думаю, а ты бегаешь.

— Ну да! — Сколько сарказма, разрази его гром! Должно быть, со своей теорией дал где-нибудь маху и тщится теперь сделать хорошую мину при плохой игре. Того и гляди лопнет от важности.

Я вышел в коридор и наткнулся на некий посторонний предмет.

— Дин!

— Да, мистер Гаррет? — отозвался он, выскакивая из кухни.

— Что это такое?

Вообще-то я знал, что это такое. Это был мой приятель Бруно. Он привалился к стене в двух шагах от двери, застыл в неподвижности, так и не опустив ноги. На лице был написан ужас, одна рука судорожно сжимала воздух. Дин повесил на нее свитер и вязаную шапочку, в которой пожаловал к нам утром. Признаться, подобного я от него не ожидал.

— Он пришел вчера, когда вас не было. Я открыл дверь, а он оттолкнул меня и попробовал войти в дом. Но вмешался его милость...

Когда в доме есть логхир, не надо никакой собаки.

— Почему никто не соизволил предупредить меня?

— Вы же были заняты.

— А почему он привалился к стене?

— Я его отодвинул, чтобы не мешал, а то стоит на дороге.

Я поглядел на Бруно.

— Что мне с тобой делать? Может, бросить в реку и посмотреть, как ты плаваешь? Подумаем. Во всяком случае, надо как-то от тебя избавиться, раз и навсегда. — Я повернулся к Дину. — Пожалуй, надо закрывать дверь на цепочку.

— Верно, — согласился Дин. — Ведь его милость может и заснуть.

Поднимаясь на Холм, я думал вовсе не о Бруно. Меня заботило другое. Как мне добраться до Младшего, не говоря уж о том, чтобы вытащить его из дворца? Учитывая, как ко мне там относятся, шансы практически нулевые.

Как ни странно, никто не пытался меня остановить. Я трижды прошелся под дворцовыми окнами, надеясь, что в одно из них выглянет Амбер, которая впустит Гаррета внутрь до того, как на него накинутся Ини, Мини, Майни и Мо и ему придется продемонстрировать Холму свои сверкающие пятки. Но она не выглянула. Ничего не попишешь, надо идти.

Я выбрал кружной путь — из тех соображений, что, если разогнать кровь по жилам, рано или поздно меня должна посетить какая-нибудь мысль.

Прогулял я часа три. К исходу третьего часа у меня возникла идея отправить Младшему письмо, в котором бы говорилось, что я знаю, где золото, и предлагаю побеседовать. К сожалению, на это уйдет слишком много времени. Пару дней он наверняка протянет. Или попросту не сумеет удрать. Или же письмо попадет не по адресу, что грозит малоприятными последствиями.

В поисках более удачного решения я заглянул к Плоскоголовому — узнать, какие у него дела. Незнакомая девица сообщила, что у Тарпа все в порядке, а потом прибавила: «Пошел отсюда, а то зенки выцарапаю!» Роста она была невысокого, но в ней чувствовался боевой задор, поэтому я предпочел ретироваться.

Поскольку Морли проснулся, меня к нему пропустили, хотя он еще, в принципе, посетителей не принимал, а потому приветствовал меня с кислой физиономией.

— Ты выглядишь, как парень, которому не хватает витаминов. Что стряслось? Неурожай на плантациях окры?

Он пробормотал что-то вроде: «Штбя прнуло».

— Послушали бы твои дочери, как выражается их папаша!

— Шнакен штереограк!

Ага! Он просто-напросто ругался на одном из нижнеэльфийских диалектов. А когда Морли переходит на эльфийский, это означает, что у него денежные затруднения.

— Что, прогорел?

— Гаррет, ты проклятие моего дома! Когда у меня случается беда и появляешься ты, значит, новых напастей не избежать. Спорим, что так оно и будет?

— Если хочешь, чтобы я ушел, не спорь по пустякам. Разберись лучше, где причина, а где следствие, и не лучше ли зарабатывать деньги, чем заключать сомнительные сделки.

Он снова выругался и спросил:

— Что тебе нужно?

— Ты не узнал ничего интересного для меня?

— Нет. В городе гоблинов тихо, как в могиле. Про золотишко ничего не слышно, а ты понимаешь — прошел бы слух, все бы тут же засуетились. Плоскоголовый поправляется.

— Знаю. Я у него был. Меня чуть не прикончила какая-то девица, которая стоит на страже у двери. Еле ноги унес. Что это за пташка?

Морли позволил себе усмехнуться.

— Может, его сестра?

— Не заливай, сестры так себя не ведут.

— Честно говоря, я кое-что слышал, только не знаю, пригодится тебе или нет...

— Не тяни.

— Утром, перед самым закрытием, к нам ввалился пьяный матросик с ночного корабля. Одни боги ведают, с какой стати его сюда занесло.

— Да уж, боги точно ведают, — согласился я. «Ночными» назывались корабли контрабандистов, доля которых в танфейрской торговле составляла около трети всего оборота.

— Ты будешь слушать или упражняться в остроумии?

— Вещай, Оракул Репчатого Лука.

— Он сказал, что в тот день, когда они вышли из Лейфмолда, им навстречу попался корабль Рейвер Стикс. Владычица Бурь возвращается домой. Она будет в Танфейре через несколько дней. Прикинь, не изменит ли это твоих планов.

— Может, изменит, а может, и нет. Меня сильно интересует Младший. Когда мамочка вернется, до него уже будет не добраться.

— Так ступай и не мешай мне страдать.

— Договорились. Когда проиграешься в следующий раз, дай мне знать — забегу посочувствовать.

— Следующего раза не будет.

— Рад слышать. — Я вышел из комнаты. Какое-то время, конечно, Морли потерпит, но рано или поздно не выдержит и сорвется.

— Пошли ему вырезку из репы под луковым соусом и двойную порцию сельдерейного сока, — сказал я бармену, спустившись вниз. — Прямо сейчас и за мой счет.

Он даже не улыбнулся.

23

Дверь была заперта. Дин молодец, не забыл. Я постучал. Прежде чем открыть, он посмотрел в глазок, убедился, что за моей спиной нет никаких подозрительных личностей, и принялся греметь задвижками и засовами. Наконец дверь распахнулась.

— Как я рад, что вы вернулись, мистер Гаррет! — Похоже, он и впрямь обрадовался. Я переступил порог, повернулся, чтобы закрыть дверь... — Проклятие!

Прихожую теперь украшали две статуи. Вторая, когда имела возможность передвигаться самостоятельно, именовалась Коуртером. Ну а первой, понятно, был Бруно.

— Дин!

Однако старина Дин уже успел скрыться в кухне и не высовывал оттуда носа. Да, нет сторожа лучше, чем логхир. Обездвижить человека — для него раз плюнуть.

— Что, дело швах? — осведомился я у Коуртера. — Бедность заела, начал промышлять воровством?

Забавно, но он не ответил. Ну и ладно, главное, что слышит. Кстати, глядя на него, можно было увидеть чуть ли не воочию, какие у приспешника домины Даунт черные мысли.

— Вы с Бруно неплохо смотритесь. Между прочим, ему давно хотелось поплакаться кому-нибудь в жилетку.

Ладно, пускай стоят. Что теперь? Заглянуть к Покойнику и признаться, что я не сумел заманить Младшего в его логово? Или отловить Дина и выспросить про Коуртера?

Я остановился на последнем, благо Дин был под рукой.

Подходя к кухонной двери, я услышал:

— Успокойтесь, успокойтесь. Мистер Гаррет вернулся, он обо всем позаботится.

Естественно, позаботится! Но сначала надо выяснить, кому это обещают.

Дин обнимал за плечи Амбер, которая вся дрожала и выглядела сейчас до смерти перепуганной десятилетней девочкой. По ее щекам струились слезы. И старина Дин — тот самый Дин, который совсем недавно не мог на нее смотреть — утешал бедняжку, изредка похлопывая пониже спины.

— Итак? — произнес я. — Может, кто-нибудь объяснит, что происходит в этом доме?

Амбер зарычала, вырвалась из объятий Дина и прильнула ко мне, обильно оросив мою грудь слезами — так сказать, вместо пива.

Я позволил Амбер выплакаться. Когда женщина плачет, не стоит ее останавливать. Либо она выплеснет все сразу, либо станет выдавать маленькими порциями, причем в самый неподходящий момент. Тем временем Дин наполнил мою кружку.

Когда Амбер успокоилась настолько, что перешла от слез к тихим всхлипываниям, я усадил ее в кресло и велел Дину достать бренди, которое мы держали для особых случаев. Сам сел напротив, на расстоянии вытянутой руки и поднес к губам кружку, которую одним глотком осушил наполовину.

— Порядок? — спросил я чуть погодя.

Амбер глотнула бренди и кивнула.

— Да. Извини. Я просто не выдержала... Сначала домина поругалась с моим отцом, и все разбежались, чтобы не попасться им под горячую руку. Потом я узнала про Карла. Потом, когда мне удалось выбраться из дворца, меня остановил на улице Коуртер. Я отказалась возвращаться, он разъярился на-

столько, что готов был, по-моему, убить меня. Я испугалась и бросилась бежать... Если весь мир сошел с ума, неужели я не могу побыть хоть чуть-чуть сумасшедшей?

Она говорила не умолкая, слова цеплялись друг за дружку, толкались и пихались — так им не терпелось выбраться наружу.

— Минуточку! Я сказал, замолчи! Молодец. Теперь сделай глубокий вдох. Медленно досчитай до десяти. Досчитала? Расскажи все по порядку, чтобы я понял, о чем речь.

Дин забрал у меня опустевшую кружку и произнес:

— Прошу прощения, мистер Гаррет. Она забыла сказать самое главное. Умер ее брат.

Я ошеломленно воззрился на девушку. Та кивнула и вновь задрожала всем телом.

— Как?

— Утверждают, что он покончил с собой.

Новость застала меня врасплох. Я не знал, что сказать. Прежде чем мне удалось собраться с мыслями, я услышал голос Покойника, который впервые за время нашего знакомства проявил инициативу.

— Приведи их ко мне, Гаррет.

Дин тоже услышал эти слова и повернулся ко мне, ожидая распоряжений.

— Думаю, надо уважить старичка. Пойдем, Амбер. Мой помощник хочет с тобой поговорить.

— А это обязательно?

— Да, если хочешь получить свою долю золотом.

— Не знаю, хочу ли я их получить... Конечно, хочу. А еще сильнее мне хочется навсегда удрать из дворца. Я больше не могу там находиться...

— Пошли. Не волнуйся, Покойник не трогает тех, кто не замышляет дурного.

Я совсем забыл о том, что в комнате два трупа.

24

Амбер вскрикнула. В этом крике прозвучали одновременно боль и ужас. Мне почудилось, она вот-вот потеряет сознание, но выяснилось, что нервы у нее крепче, нежели казалось. Девушка стиснула мою руку, затем отпустила и попятилась.

— Что за шутки, Гаррет?

— Вместо золота я нашел ее.

Амбер приблизилась к телу Амиранды.

— Приведи мистера Коуртера, Гаррет, — сказал Покойник. — Вполне может быть, что на него это зрелище подействует точно так же.

— А второго не надо?

— Избавься от него, как только появится возможность. Думаю, урок он усвоил.

— Пойдем, Дин, поможешь. — Я не сомневался, что справлюсь и один — в конце концов, просто уроню Коуртера на пол и покачу как бочку. Но чего ради надрываться?

Мы приволокли Коуртера и поставили лицом к Амиранде.

— Ты должен мне кое-что объяснить, — заявила Амбер, которая, похоже, окончательно пришла в себя.

— Согласен. Если ты расскажешь мне то, что я хочу знать.

Покойник освободил Коуртера из-под своей власти. Я на всякий случай отошел к двери — вдруг нашему гостю взбредет в голову, что на улице ему будет лучше? Коуртер задрожал всем телом, огляделся по сторонам с видом побитой собаки, но ничего не сказал. Это меня слегка разочаровало. Я ожидал, что он примется грозить, поминая всуе Владычицу Бурь.

— Мне хотелось бы кое о чем вас спросить, — проговорил я. — У мисс да Пены тоже есть к вам вопросы. Даже мисс Крест, по-видимому, не прочь узнать, за что ее убили.

— Я ничего не знаю, — пробормотал Коуртер, глядя на труп. — Откуда она тут взялась? Я думал, она удрала. Домина распекала меня неделю подряд за то, что я, видите ли, не уследил. А как мне было уследить, если в тот день с утра пришлось тащиться на другой конец города с письмом от баронета к очередной подружке?! Хотя это не оправдание, ведь домине я в том признаться не мог...

— Он говорит, что думает, Гаррет, — возникла в голове фраза Покойника.

— То есть ни в чем не замешан?

— Этого я не утверждал.

— Хорошо, хорошо. Коуртер, кто похитил Младшего?

— Откуда мне знать? И, кстати, какого дьявола вы суете свой нос в чужие дела? Вам заплатили, остальное вас не касается.

— По-вашему, меня могла нанять только Уилла Даунт? Полагаю, ответ на мой вопрос вам известен, тем не менее, я отвечу сам. Младшего никто не похищал, преступление было инсценировано. А теперь признавайтесь, за что убили Амиранду? И по чьему приказу?

Амбер открыла рот, чтобы вставить словечко-другое, но я предостерегающе поднял руку: мол, не вмешивайся. Пускай Коуртер выпутывается сам.

— Гаррет, ты горячишься, — протелепатировал Покойник. — До тех пор, пока мы не выслушаем мисс да Пену, у нас нет ни малейших оснований допрашивать этого человека и в чем-то его подозревать. Ты забыл про Младшего? Или смерть наследника Рейвер Стикс — пустяк, не заслуживающий внимания?

Ничего я не забыл. Просто тянул время, рассчитывая на то, что Коуртер рано или поздно сломается. Но в чем Покойник прав, так это в том, что Амбер надо выслушать обязательно. Тут я и впрямь допустил ошибку.

Впрочем, поскольку я чуть ли не единственный разумный человек в округе, подобная промашка не в состоянии повредить моей репутации.

Порой мне казалось, что Покойник объединяет в себе все недостатки законной супруги, не обладая ни одним из преимуществ таковой.

— Амбер, ты что-то хотела мне рассказать?

— Девчонка, не вздумай ничего ему рассказывать, — прорычал Коуртер. — И делать тебе здесь нечего. Ну-ка, марш домой.

— Не мешало бы вправить ему мозги, — сказал я, поворачиваясь к Покойнику.

— Не бухти, Коуртер, — заявила Амбер. — Я тебя не боюсь. Через пару дней вы с доминой будете болтаться на виселице, понял? Может, ты сумеешь убедить мамашу, что к смерти Карла непричастен, но уж от Амиранды тебе не отмазаться! И домой я возвращаться не собираюсь, ведь иначе мамочке поведают не о двух, а о трех смертях сразу!

— Что ты несешь? Твой брат покончил с собой!

— Ну да! Заливай, да знай меру, Коуртер. Он покончил с собой точно так же, как Амиранда сбежала из дому, ясно? Тебе никто не поверит. И можешь меня не пугать, я теперь и близко к вам не подойду. У семьи было три наследника, и двое из них мертвы...

— Наследников было четверо, а мертвы трое, — поправил я и пояснил, желая выяснить, как присутствующие отреагируют на мои слова: — Амиранда была беременна. На третьем месяце.

Амбер и Коуртер изумились настолько, что замолчали. Но если у кого-то из них и возникли какие-то подозрения, они ничем того не выдали.

— Утихомирь его снова, ладно? — попросил я Покойника, показав на Коуртера. — Мне бы не хотелось, чтобы он перебивал даму.

— Какую? — осведомился Покойник, в мгновение ока превратив Коуртера в безвольную куклу. — Ты вовремя остановился, Гаррет. Коуртера тебе удалось обработать на славу, а вот с девушкой получилось неладно. Она заподозрила тебя в неискренности.

Лучше не придумаешь.

25

— Пожалуй, тебе следует начать с того, на чем мы расстались в прошлый раз.

— Тебя интересует только Ами, — заявила Амбер.

— Неужели? — осведомился я. — Ты ошибаешься. Во-первых, я хочу найти того, кто убил ее. Терпеть не могу тех, кто позволяет себе бросаться красивыми женщинами. А во-вторых, если ты решила, что я невосприимчив к очарованию двухсот тысяч марок золотом, значит, ума у тебя гораздо меньше, чем я думал. Послушай, я расследовал бы это преступление, даже если бы вы с Амирандой поменялись местами. Мне нужно поймать убийцу, причем того же, нисколько не сомневаюсь, захочет и твоя мать.

— Ему не поздоровится.

— Гаррет, она успокоилась, — внедрился Покойник. — С твоим языком только девушек и охмурять.

Я поглядел на Покойника так, как он того заслуживал.

— Амбер, в данный момент я вынужден основываться исключительно на том, что можешь сообщить мне ты.

Она помолчала, теша уязвленное самолюбие, потом принялась рассказывать.

— Коуртер, который заметил тебя у ворот, сразу, естественно, побежал к домине, а та разъярилась настолько, что совершенно утратила самообладание. Я никогда ее такой не видела. Она вопила, сыпала угрозами, швыряла все, что попадалось под руку — словом, напугала Карла настолько, что он пересказал ей наш разговор во всех подробностях. Хорошо, что мы тогда не упоминали о золоте. А я молчала, и эта стерва велела Коуртеру выпороть меня и посадить под замок.

Она подбежала к Коуртеру, отвесила ему оплеуху и вернулась на место.

— Выпустили меня только сегодня утром. — Освободителем оказался Карл, который, пока все спали, прокрался по коридору к комнате сестры и отпер дверь. Он выглядел сильно встревоженным, но от объяснений наотрез отказался, сообщил лишь, что уходит и больше не вернется. Но вряд ли он имел в виду, что хочет покончить с собой.

Тут я с тобой согласен, милашка. У него просто-напросто не хватило бы духу.

— Что он в точности сказал? Постарайся вспомнить. Может, мы найдем в его словах какую-то зацепку.

— Он сказал, что уходит и больше не вернется и предложил мне убежать вместе с ним. Я ответила, что не желаю бежать куда глаза глядят, пока у меня еще остается надежда на лучшее. А он... Знаешь, с ним явно что-то случилось. Бледный, лоб в испарине...

— То есть он был испуган?

— До полусмерти.

— Как будто столкнулся с призраком?

— Забавно...

— Что именно?

— У меня как раз мелькнула такая мысль. Что он увидел призрак.

— Может, так оно и было. Продолжай. Он ушел?

— Да, как только понял, что я на самом деле хочу остаться.

— Не сказал, в какие края направляется?

— В безопасное местечко, где ждет верный друг.

— То бишь Донни Пелл?

— Может быть. Либо Донни Пелл, либо Амиранда. Честно говоря, я решила, что он знает, куда подевалась Ами.

— Почему?

— Они вместе выросли и доверяли друг другу. Перед тем как уйти, она наверняка его предупредила. Во всяком случае, нашла способ оставить весточку.

Признаться, чем больше я узнавал о семействе да Пена, тем запутаннее представлялись мне взаимоотношения его членов.

— Понятно. Поскольку Амиранда, в силу известных причин, тем верным другом быть не могла, следует допустить, что Карл имел в виду Донни Пелл. Все прочие варианты еще менее вероятны. Учитывая его характер, верным другом, скорее всего, могла быть именно женщина. Правильно? Насколько я знаю, с мужчинами он близко не сходился. Что ж, придется съездить в это «безопасное местечко». — Сплошная беготня. Жаль, поблизости нет Морли, он бы принялся рассуждать о пользе физических упражнений. — Ладно, что было дальше?

— Минут через двадцать примчался Коуртер. Карла уже хватились, и от меня потребовали ответа, куда он делся.

— Кто?

— Коуртер. Которого, разумеется, прислала домина.

— Полагаю, ты дала ему ценный совет насчет того, куда в таких случаях следует идти?

— Конечно. Потом явился мой отец, такой же бледный и взмокший от пота, как Карл. Меня напугал его взгляд. Когда он настолько не в себе, то способен буквально на все. Он сразу начал кричать, но тоже ничего не добился. А затем пожаловала домина. Они с отцом зашушукались. Оказывается, Карл от кого-то узнал, что матушка уже в Лейфмолде и вот-вот прибудет в Танфейр... Отец будто обезумел.

— И?

— Знаешь, я люблю своего отца, — проговорила Амбер, неожиданно залившись румянцем. — Пускай он выкидывает порой всякие фортели...

Я приподнял бровь. На девушку мой трюк не произвел ни малейшего впечатления — должно быть, я давно не практиковался.

— Отец велел домине позвать Коуртера. Она никак не могла его успокоить, а потому в конце концов выбежала в коридор. Наверно, за Коуртером. Отец же принялся гоняться за мной, а когда поймал, ударил. Раньше он никогда не поднимал на меня руку...

— И что было потом?

— Я стукнула его туфлей по голове. Он ушел и больше не возвращался. Часа через два я услышала, как они с доминой выясняют отношения. Сначала мне захотелось подкрасться поближе и узнать, из-за чего весь сыр-бор, но, поразмыслив, я решила, что не стоит. Казалось, все вокруг сошли с ума. Наконец я поняла, что надо уносить ноги. В любом случае, даже если ты не найдешь золота.

— Почему?

— Потому что одна из служанок сказала мне, что Карл покончил с собой. Услышав это, я поняла, что во дворце мне не место, что надо бежать, укрыться там, где никто меня не найдет. Иначе... Однако я, по-видимому, слегка замешкалась, потому что почти у твоего дома ко мне прицепился Коуртер. Если бы не твой старик, он наверняка уволок бы меня обратно.

Я посмотрел на Коуртера. Будем надеяться, что Покойник держит его, так сказать, мертвой хваткой.

— Гаррет, этот человек — отъявленный негодяй, однако он, судя по всему, не имеет отношения ни к смерти молодого Карла, ни к его предполагаемому похищению. Многое из того, что он услышал от нас, было для него откровением. Он тугодум и, может быть, его считают слишком глупым, чтобы поручать нечто подобное.

— Ты уверена, что твой брат не мог совершить самоубийство?

— Абсолютно.

— Ясно. Тогда расскажи, где, когда и как он погиб.

— Я не знаю.

— Не знаешь? Да как ты...

— Не смей на меня кричать! — Амбер стянула с ноги туфлю и воинственно замахнулась.

Мгновение спустя мы уже корчились от смеха.

Справившись с собой, я поглядел на Коуртера, затем перевел взгляд на Покойника.

— Он знает, — сообщил тот.

— Дин, отведи мисс да Пену в комнату для гостей и покажи, что где лежит. Кстати, ты мог бы пожить у нас несколько дней? Мы на тебя рассчитываем.

— Конечно, сэр. — Дин явно обрадовался. Наконец-то и для него нашлось настоящее дело. — Пойдемте, мисс.

Амбер неохотно подчинилась.

26

— Наверно, мне надо пересмотреть свой план, — признал я. — Вообще-то я предполагал задать жара Коуртеру, чтобы он, вернувшись во дворец, поставил всех на уши...

— Я догадывался. Думаю, сейчас самое время обратиться к мистеру Дотсу, причем это будут чисто деловые отношения, а не как у вас принято, услуга за услугу. Тебе нужны дополнительные сведения.

— Верно. А на уши все встанут и без моей помощи. Ты сумеешь сделать так, чтобы Коуртер забыл о том, что здесь видел и слышал?

— Полагаю, да.

— Тогда предлагаю послушать, что он расскажет насчет Младшего.

Покойник вывел Коуртера из ступора.

Стоило мне задать первый вопрос, как Коуртер сломался и опомнился не раньше, чем через несколько минут. Он сообщил, где и во сколько умер Карл — приблизительно через два часа после того как бежал из дворца.

— Как он умер? — справился я, притворяясь, будто верю в эту ахинею насчет самоубийства.

— Вскрыл себе вены.

— Что? Неужели вы сами в это верите? Вы же знали пареньки. Если бы вы сказали, что он повесился, я бы, может, и согласился, что такое возможно. Но чтобы Карл вскрыл себе вены!.. Да он наверняка не любил бриться, потому что боялся порезаться и увидеть кровь.

— Не дави, Гаррет, — вмешался Покойник. — Иначе он начнет думать, а для него это новое ощущение, таящее в себе неизведанные опасности.

Судя по всему, Покойник стремился облегчить себе задачу.

— Ступай к мистеру Дотсу, Гаррет, — подтвердил он мои подозрения. — К тому времени, как ты вернешься, мистер Коуртер забудет обо всем. Поскольку тебе придется выводить его из дома, учти, что он будет слегка подшофе. Кстати, советую избавиться от обоих разом.

«Веселись, старый хрыч, — подумал я, выходя в коридор».

Морли одолжил мне пятерых головорезов, причем со скидкой, благодаря чему они обошлись бедняге Гаррету всего лишь в половину едва вообразимой суммы. Одного я оставил на всякий случай приглядывать за нашим домом. В конце концов, Покойник в одиночку может и не справиться, ведь на свете полным-полно непредсказуемых личностей.

Второму я поручил следить за Коуртером, а троих оставшихся обрек на тяжкий труд — фиксировать каждый шаг обитателей дворца. Докладывать следовало Морли Дотсу, который должен был при необходимости отыскать меня.

Пятерых помощников было явно недостаточно, однако большего количества я просто не мог себе позволить. Ведь мой клиент обещал заплатить гонорар из тех денег, которые еще предстояло найти. Признаться, я не очень-то рассчитывал на это золото...

Пожалуй, надо выяснить у Амбер, известно ли ей, каким образом домина Даунт передала деньги похитителям Младшего.

Чтобы избавиться от Бруно и Коуртера, я нанял экипаж. На все про все ушло от силы полчаса. Бруно я бросил в бессознательном состоянии в каком-то переулке, где ему предстояло очухаться просто зверски голодным и кровожадным

Что касается Коуртера, он был мертвецки пьян. Понятия не имею, как Покойник ухитрился довести его до кондиции. Я завел Коуртера в таверну, усадил за столик, заказал вина, а сам отправился возвращать экипаж владельцу.

После чего двинулся туда, где принял смерть Младший.

27

Деревянные строения высотой в три-четыре этажа опирались друг на друга, как раненые солдаты после боя. Впрочем, здесь война продолжалась бесконечно. Время — враг, которого нельзя победить и устоять против которого невозможно.

Наступил вечер, на улицу падал свет из окон и дверей, распахнутых в надежде впустить в дома прохладу. Честно говоря, эта надежда показалась мне чуть менее тщетной, нежели та, что бедность когда-нибудь сойдет на нет. По улицам бродили худые детишки, глядевшие на меня не по-детски печальными глазами, а за стенами домов ссорились взрослые. Тем не менее на углах, как ни странно, отсутствовали непременные украшения в виде молодых людей, провожающих каждого прохожего вроде бы равнодушным, но цепким взглядом. Никто не задирался и ничего не предлагал.

Все молодые люди тянули лямку в Кантарде, растрачивая годы в смятении и страхе.

Война приносит с собой одно-единственное благо. Если хотите потолковать насчет преступности, поищите благородных патриархов, которые еще помнят славные довоенные деньки.

Правда, я все-таки старался соблюдать известную осторожность. Во-первых, под ноги подворачивались не только дети, но и собаки, которыми улица буквально кишела; во-вторых, в любой момент откуда-нибудь сверху на меня могли выплеснуть ведро с помоями.

Разумеется, законом это запрещалось, но кто в наши дни чтит закон? Ведь чтобы закон выполнялся, за его соблюдением нужно следить.

Здание, которое я искал, оказалось таким же раненым солдатом. Три этажа, дом построен наверняка в конце прошлого столетия. Я остановился напротив и призадумался. Допустим, Младший, сбежав из дому, направился к своей подружке Донни Пелл. Допустим, Донни Пелл замешана во всем и помогла инсценировать похищение. И что?

Внешний вид здания, в котором умер Карл, наводил на мысль об ошибочности одного из этих допущений. Если Донни Пелл отхватила столь лакомый кусочек, как двести тысяч марок золотом, с какой стати ей снимать комнату в такой дыре? А если она здесь ни при чем, к кому тогда бежал Младший, у которого, насколько мне известно, не было иных друзей?

Смерть настигла Карла через два часа после того, как он покинул дворец. Получается, что друзей у него не было вообще, раз его не смогла — или не пожелала — спасти даже Донни.

Никакой толпы зевак не было и в помине. В этом районе смерть привлекает внимание только до тех пор, пока не высохнет кровь. А вот на меня уже начали бросать любопытствующие взгляды. Давай, Гаррет, шагай.

На двери не было ни замков, ни засовов. Естественно, ведь подобные меры предосторожности существенно осложнили бы жизнь постояльцам, которые беспрестанно сновали туда-сюда. Я переступил через распростертого на пороге человека в состоянии глубокого опьянения, поднялся по лестнице, ступеньки которой скрипели и стонали под моим весом. Ладно, прятаться я все равно не собирался.

Да это в любом случае не имело бы смысла. Шагая по коридору, я миновал две комнаты без дверей, ощущая устремленные на меня взгляды. Когда я проходил мимо, все разговоры в комнатах прекращались.

В нужной мне комнате дверь имелась, но закрывалась она неплотно.

Я увидел то, что ожидал. Комнатушка футов восемь на двенадцать, никакой мебели, одно-единственное окно со ставнями, но без стекла. На полу груда одеял, повсюду разбросана всякая всячина. В одном углу пол и стены забрызганы некой бурой жидкостью. Да, крови пролилось много, как, впрочем, всегда и бывает, поскольку в человеке ее в избытке.

Должно быть, Карла крепко держали. Тому, кто вырывается, вскрыть вены не так-то просто. Я обыскал комнатушку, но не нашел ни веревок, ни чего-либо похожего. Очевидно, даже гоблины не настолько тупы, чтобы не прибрать за собой.

Или?..

В груде одеял обнаружился предмет, знакомый мне по описанию, данному Карлом, — мешок из замши с длинной бечевкой. Самая подходящая штука для того, чтобы накинуть человеку на голову и спокойненько задушить.

Мешок был весь в пятнах от блевотины. Я представил себе, как его отшвырнул в сторону какой-нибудь чрезмерно брезгливый бандит...

Зачем связывать человека, который потерял сознание от нехватки воздуха? К тому времени, когда жертва могла бы очухаться, она наверняка истечет кровью.

— Полторы серебряных марки в неделю. Если нужна мебель, привозите свою.

Я невинно поглядел на женщину, что стояла в дверях.

— А как насчет уборки?

— Если просто подмести, марка сверху. Если что другое, убирайтесь сами.

— Платить в конце месяца?

Она, похоже, решила, что я спятил.

— В конце недели за неделю вперед. Если докажете, что вам можно доверять, через пару-тройку месяцев я, может, соглашусь подождать денек-другой. А на третий выгоню. Ясно?

Прелесть, да и только. Не смахивай она внешностью на крокодила, глядишь, у кого-нибудь возникло бы искушение отмыть ее и приодеть. Лет тридцать с небольшим, а ведет себя так, словно ей все пятьдесят.

— Чего глядите? Думаете, комната сдается вместе с развлечениями? — Женщина усмехнулась, и выяснилось, что у нее не хватает нескольких зубов. — Это за дополнительную плату.

На меня снизошло нечто вроде озарения. Что происходит со шлюхами, когда они стареют или становятся слишком ленивыми, чтобы работать? Не всем же везет, как Летти Фаррен. Может, Донни Пелл снимала комнату у знакомой, бывшей товарки?

— Меня интересует не столько помещение, сколько жилец. — Я показал женщине золотую монету. Она выпучила глаза, потом спохватилась и нахмурилась, вдруг преисполнившись подозрительности.

— Жилец?

— Да. Тот, кто жил в этой комнате. А также тот, кто за нее платил, если это были два разных человека.

— Кто вы такой?

— Дитер Гретеке, — ответил я, поглядев на монету. Дитером звали покойного короля, которого мы весьма уважали. Нынешний тоже неплох, но пока не сделал ничего полезного.

— Марка двойная?

— Похоже на то.

— Это был паренек по имени Донни Пелл. Я не знаю, куда он исчез. Заплатил, и ладно. — Женщина протянула руку.

— Шутите? Вы случайно не встречались с ним в прежние годы, на углу какой-нибудь улицы? — Я положил монету на подоконник и сделал шаг в сторону. Женщина облизнула губы, слегка подалась вперед. Она прекрасно видела западню, но жадность была сильнее. Возможно, она надеялась обвести меня вокруг пальца.

Когда она подступила к окну, я прислонился спиной к дверному косяку.

— Ну так как?

— Что «как»?

— Расскажите мне про Донни Пелл. Про девушку из заведения Летти Фаррен. Она поселилась у вас с неделю назад, верно?

Женщина кивнула. Выходит, толика совести у нее все же осталась.

— Вы знали ее раньше?

— Когда она пришла к Летти, я там работала. Донни была не такая, как остальные. С претензиями, но вполне приличная. По-моему, претензий у нее было чересчур... — Женщина стиснула монету с такой силой, что у нее побелели костяшки пальцев. Она посмотрела на пятна на полу. — И приятели у Донни были странные.

— Гоблины?

— Точно. Откуда вы?..

— Кое-что я знаю, кое-чего не знаю. Вам тоже кое-что ведомо, но вы не знаете, что именно не известно мне. — Я вынул нож и принялся вычищать грязь из-под ногтей (этот трюк я позаимствовал у Морли Дотса). — Почему бы не рассказать мне все, что вы знаете о Донни Пелл и о тех, кто к ней приходил?

— Стоит мне закричать, и сюда сбежится весь дом. — Прозвучало не очень убедительно, и женщина сама это поняла.

— Наверное, бывший жилец думал точно так же. Женщина вновь посмотрела на пятна крови.

— Ладно, уговорил. Может, накинешь еще чуток, а? Так о чем тебе рассказать?

— Обо всем. В особенности о том, кто был здесь сегодня утром и где сейчас Донни. — Чтобы не вызвать ненужных подозрений, я прибавил: — Она меня интересует постольку, поскольку. Я ищу ее приятелей. Твоя знакомая ввязалась в рискованную игру.

Рискованную и смертельно опасную. Следующей жертвой, готов побиться об заклад, будет именно

Донни Пелл. Поэтому ее нужно найти до того как неведомые преступники устранят очередное уязвимое звено в цепи.

— Я не знаю, куда она подевалась. Удрала, никого не предупредив. Я понятия ни о чем не имела, пока не обнаружили труп. Истинная правда, мистер!

Похоже, женщина действительно говорила правду. Должно быть, видок у меня был еще тот, потому что она явно занервничала. Впрочем, шлюхам доверять нельзя ни в коем случае. Они врут на каждом шагу, причем порой убеждены в собственной искренности.

— Послушайте, мистер...

— Ты говори, милашка, говори. Я намекну, когда заканчивать.

— К ней приходили только трое. Один как раз тот, который зарезал себя нынче утром. — Что ж, если она считает, что Младший покончил с собой, не станем ее разубеждать. — До сих пор я его не встречала. Второй приходил дважды и оба раза был в плаще с капюшоном, какие надевают благородные, когда отправляются развлекаться. Лица я не видела, а по имени к нему не обращались.

Жаль, конечно, однако она явно старается.

— Высокий?

— Пониже тебя, пожалуй. Хотя я могу и ошибаться.

— Старый?

— Говорю тебе, лица я не видела.

— А голос какой?

— Со мной он не заговаривал.

— Когда он приходил сюда? — Я твердо вознамерился вытянуть из женщины хоть что-нибудь.

— Вчера вечером. Пробыл часа два. А утром приперся снова.

Я засыпал хозяйку вопросами, требуя, чтобы она в точности изложила ход событий, однако женщина заявила, что не помнит, кто за кем пришел.

— По-моему, сначала явился тот, в плаще. А может, другой. Но что третий пожаловал последним, это у меня в голове отложилось. У Донни было двое гостей одновременно, только не помню, кто именно.

Моя собеседница не отличалась глубиной мысли и была сильно напугана. Как выяснилось, напугал ее третий приятель Донни, который захаживал к девушке чуть ли не каждый вечер.

Она была почти уверена, что первым сегодня утром ушел мужчина в плаще.

— Расскажи мне о третьем. Который так тебя напугал. Очень любопытно.

Она считала иначе и не желала ничего о нем рассказывать. Подонок, он и есть подонок.

Я понял, что она что-то знает. Если немножко надавить...

— Крошка, мы с ним два сапога пара, но он неизвестно где, а я тут.

— Ладно, приятель, твоя взяла, только не заводись. В конце концов, тебе же хуже. Дружки называли его Красавчиком. Увидишь — сообразишь, почему. Он страшнее обкурившегося травки оборотня.

— Да ну? — Может, гоблина кровь? Я как чувствовал, что без гоблина, пускай даже полукровки, здесь не обошлось.

— Вот тебе и да ну! Уродина, каких не сыщешь! Непонятно, откуда он такой вылез. Приходил всякий раз в другой компании. Правда, один при нем ошивался постоянно. Гоблин, Скредли звать.

Должно быть, мои глаза полыхнули пламенем. Женщина испуганно попятилась, выставила перед собой руку, принялась высматривать, куда бы спрятаться.

— Успокойся, милашка. Скредли, говоришь? Подумать только! Ты уверена?

— Уверена, уверена.

— Сначала ты говорила, что к Донни приходило всего-навсего трое мужчин. А теперь выясняется, что Красавчик приводил с собой целую толпу.

— Они все оставались снаружи. Наверно, охранники. Скредли зашел в дом только сегодня утром. Ой, слушай, а ведь он приходил и раньше, один-единственный раз, сам по себе... Просидел часа два. Совсем забыла. Брр! — Женщина поежилась.

— Где я могу найти этого Скредли?

— Не знаю. — Она пожала плечами. — Может, в городе гоблинов? Учти, где он, там и Красавчик. Да и девка, наверно, с ними, переодетая под мужика. Ступай отсюда, а? Оставь меня в покое.

— Больше тебе нечего сказать?

— Нет.

— Неужели? А кто забрал тело? И куда его увезли?

— По-моему, за ним приехали родичи. Чистоплюи с Холма вместе со своими слугами. Никакой жалости к бедным людям. Если я правильно поняла, тело собирались кремировать.

Я хмыкнул. Кремируют обычно для того, чтобы мертвеца не увидел никто посторонний. Скажем, женщина, которая произвела его на свет.

Возможно я становлюсь чересчур подозрителен... В нашем деле это бывает, приходится порой осаживать себя. Ищешь маньяка, строящего гениальные в своей омерзительности планы, замышляющего великие злодейства, а натыкаешься чаще всего на откровенного глупца, которого просто-напросто поставили в безвыходное положение. Кстати, любое преступление кому-то выгодно. Памятуя об этом, не ошибешься восемь раз из десяти.

Между прочим, сейчас вопрос: «Кому это выгодно?» окончательно сбил меня с толку. Дьявол с ним, с золотом, оно рано или поздно отыщется. Но кому было выгодно убить Амиранду Крест? Кому?

Я поглядел на женщину. Нет, она мне не скажет. Ей вряд ли известно больше того, что она рассказала.

— Встань-ка в тот угол. Замечательно. А теперь сядь.

Она побледнела, обхватила трясущимися руками колени.

— Все будет в порядке, — пообещал я. — Простая мера предосторожности, чтобы ты никуда не делась, пока я буду обыскивать комнату.

Нашел я то, что ожидал, то есть ни шиша. Прихватил замшевый мешок и вышел в коридор.

Женщина крикнула мне вслед:

— Эй, мистер, никому из твоих знакомых комната не нужна?

28

Подыскав себе уютный тенек напротив меблирашки, я стал ждать. Улица опустела — ни людей, ни куда более порядочных собак и кошек. Крики и шум в окрестных зданиях стихли. Отбросы общества набирались сил перед завтрашним днем.

Я терпеливо ждал. Мимо прошмыгнула стайка юнцов, напрашивавшихся на неприятности. Меня они не заметили.

Прождав около двух часов, я решил, что с меня хватит. Либо хозяйка не собиралась предупреждать Красавчика со Скредли, либо она выбралась из здания через заднюю дверь. Мои угрозы на нее вряд ли подействовали.

Ладно, ночка предстоит длинная. Сначала домой, к Покойнику, потом к Морли — узнать, что сообщили его головорезы и что ему известно о бандите по кличке Красавчик. Может, выясню что-нибудь интересное.

Интересное началось гораздо раньше. Подходя к нашему дому, я увидел, что у крыльца, несмотря на поздний час, толпятся какие-то люди.

Я решил понаблюдать. Они никуда не уходили, но

в дом проникнуть не пытались. Я подошел поближе и разглядел ливреи тех цветов, какие носят слуги Владычицы Бурь Рейвер Стикс.

На случай, если они дожидаются моего прибытия, я обошел дом и приблизился к задней двери, возле которой не было ни единого человека. Стучать пришлось довольно долго. Наконец дверь открылась.

— Откуда гости, Дин?

— С Холма, мистер Гаррет.

— Я так и подумал. Недаром меня считают хорошим сыщиком. Когда я вижу, что на улице толчется полтора десятка человек, то сразу определяю, что к кому-то пожаловали гости. Где мисс да Пена?

— Наверху. Сидит тихо, как мышка.

— Она знает?

— Я ее предупредил.

— Молодец. А где благородная дама?

— В гостиной. Изнемогает от нетерпения.

— Ничего, подождет. Во-первых, я голоден, а во-вторых, мне надо потолковать с Покойником. К тому же, прежде чем встретиться с этой фурией, я бы не отказался пропустить пивка.

Я дважды предоставил Дину возможность спросить, откуда мне стало известно, что у нас в гостях домина Даунт, и дважды он ею не воспользовался. Впрочем, его занимало другое.

— Я бы не стал тревожить его милость. Он спит.

— Когда в доме посторонний?

— По-моему, он целиком и полностью полагается на вас. — Судя по тону, каким это было сказано, Дин считал, что Покойник впал в старческий маразм и находится на полпути к логхирским небесам.

Похоже, теперь у меня двое знакомых, которые никак не разберутся, кому из них принадлежит мой дом и кто в этом доме хозяин. Не удивлюсь, если Дин выразит желание переселиться сюда — под тем предлогом, что надо же кому-то постоянно следить за порядком.

— Будь паинькой, Дин, а то брошу вас всех и сбегу с Уиллой Даунт.

Он и не подумал улыбнуться. Грохнул передо мной тарелку с ужином и изрек с видом оскорбленной в лучших чувствах почтенной матроны:

— Вот женюсь и уйду, тогда будете знать.

Я удовлетворенно усмехнулся. Ужин был просто великолепен.

29

На севере, на рубежах территории громовых ящериц, есть местность под названием Уголок Преисподней. Там не то чтобы никто не живет — просто люди селятся в тех краях отнюдь не по собственному желанию. Повсюду гейзеры, ямы, заполненные расплавленным металлом, который время от времени выплескивается в воздух с громким «Бум!», плюс неистребимый аромат серы.

Эти ямы вспомнились мне в тот самый миг, когда я увидел домину Даунт. Чувствовалось, что она едва сдерживается. Казалось, еще немного, и раскалится докрасна.

— Добрый вечер, — поздоровался я. — Если бы я знал, что у нас будут гости, постарался бы прийти пораньше. — Опустился в кресло, поднес к губам кружку. — Надеюсь, вам удобно? — Перед тем как я ушел из кухни, старина Дин напомнил мне насчет осторожности, и я решил в точности следовать его совету.

Ссориться с аристократами с Холма вредно для здоровья.

— Я сама виновата, — отозвалась домина. Чудеса! Неужели она и впрямь признала, что в чем-то виновата? — Но если бы я прислала кого-то договориться о встрече, мы с вами могли бы не встретиться вообще. Правильно? Я полагаю, вы отказались бы прийти ко мне?

— Совершенно верно.

— Мистер Гаррет, мне известно, что вы меня, говоря откровенно, недолюбливаете, да и разговоры с вверенными моему попечению молодыми людьми вряд ли пробудили у вас теплые чувства по отношению к домине Даунт. Тем не менее эмоции не должны мешать делам. До сих пор мы общались с вами, в основном, на деловой основе.

— Спасибо на добром слове.

— Не за что. Мне вновь нужна ваша помощь, мистер Гаррет. На сей раз не для прикрытия.

Должно быть, она ожидала, что я спрошу: «Неужели?», но я ее одурачил — всего-навсего приподнял бровь.

— Я в отчаянии, мистер Гаррет. Мой мир рушится, разваливается на куски, а я ничего не могу сделать. Я даже... Нет, не будем торопить события.

Я постарался придать своему лицу до отвращения внимательное выражение.

— Мистер Гаррет, всю свою сознательную жизнь я провела на службе у Владычицы Бурь. Началась моя служба еще до смерти ее отца и редко доставляла мне удовольствие. Никаких выходных, поощрения зачастую весьма сомнительного свойства... Используя свое положение, я сумела с годами накопить сумму приблизительно в десять тысяч марок. Кроме того, я начала относиться к себе как к доверенной помощнице Рейвер Стикс, которой она без опаски может поручить что угодно. Чтобы оправдать это доверие, я совершала поступки, в которых не признаюсь и духовнику, однако ничуть о том не жалею. Вы понимаете?

Я кивнул, решив не перебивать. Пускай выговорится.

— Несколько месяцев назад Владычица Бурь отправилась в Кантард, чтобы закрепить наш успех и принести Карентии долгожданную победу. Как обычно, она поручила мне вести свои дела и велела присматривать за членами своей семьи, которые в последнее время стали почему-то все чаще попадать в скандалы.

— Вы имеете в виду обоих Карлов? Да, какие только слухи о них не распускали. Но о существовании дочери лично я, к примеру, узнал лишь на днях.

— Владычица Бурь не подозревала, что девушки заслуживают самого пристального внимания. Амбер она распустила сверх всякой меры!

Я снова кивнул.

— И с тех пор как она уехала, на меня навалились сплошные неприятности. — Уилла Даунт тяжело вздохнула. — Отец и сын всячески норовили ускользнуть из-под присмотра. Затем молодого Карла похитили, и мне пришлось опустошить семейную казну и продать за бесценок серебро, чтобы купить на вырученные деньги золото и заплатить выкуп. Честно говоря, Владычица Бурь наверняка взбеленится, но когда отойдет, одобрит мои действия. Я бы пережила и бегство Амиранды. Она давно не находила себе места, даже Рейвер Стикс заметила. Но заплатить двести тысяч марок золотом за человека, который затем лишает себя жизни... Это просто невыносимо!

Интересно, мне полагается знать про Младшего или нет? Инстинкт самосохранения заставил меня разыграть удивление.

— Карл покончил с собой?

— Да, сегодня утром. Вскрыл себе вены в грязной дыре под названием «Приют рыбачки».

— Но с какой стати?

— Не знаю, мистер Гаррет. Откровенно говоря, его мотивы меня не слишком интересуют. Своим поступком он погубил меня, понимаете? Быть может, именно к этому он и стремился... Карл был

странным мальчиком и всегда меня ненавидел. Но к вам я пришла не из-за Карла. Когда вернется Владычица Бурь, а сие событие не за горами, мне придется несладко, но, несмотря на то, что я оскорблена в лучших чувствах, я пытаюсь до сих пор сохранить хоть что-то. Однако... Сегодня утром из дворца сбежала Амбер.

Я постарался придать лицу заинтересованное выражение.

— Понимаете, если я сумею сохранить для Владычицы Бурь Амиранду и Амбер, которые пропадают неизвестно где... За деньгами я не постою, мистер Гаррет, но, пожалуйста, найдите девушек. — Домина положила на стол некий мешочек. — Здесь сотня марок золотом. Если вы сможете вернуть беглянок до того как возвратится Владычица Бурь, я заплачу вам за каждую еще по тысяче.

— Неужели ваш Коуртер не...

— Коуртер — полный идиот! — перебила она. — Сегодня утром я отправила его на поиски Амбер. Он вернулся как раз перед тем как я собралась к вам, в стельку пьяный, и не смог, естественно, объяснить, где был и чем занимался. Мне остается только утешать себя тем, что, когда Владычица Бурь вышвырнет нас с ним на улицу, он быстро подохнет с голоду. Так вы согласны, мистер Гаррет?

— Надо подумать. — Мне требовалось справиться с угрызениями совести и договориться с самим собой. В настоящий момент у меня три клиента: некто Гаррет, Плоскоголовый и Амбер, причем никто из них не заплатил ни гроша. А домина Даунт платит вперед. С другой стороны, она не стоит того, чтобы ей помогать... Проведем-ка эксперимент. — Знаете, я, кажется, догадываюсь, где может быть одна из девушек.

— Правда?

— Допустим, да. Как насчет моего гонорара?

— Что ж... — Домина поднялась, выпрямилась и сразу словно постарела на несколько десятков лет. — Я ожидала чего-то подобного.

Ее губы исказила усмешка. Она порылась в складках одежды и выложила десять близнецов того мешочка, который уже красовался на столе. Я проверил наугад содержимое одного из них и был приятно поражен.

Тысяча сто марок... Такой суммы в моем распоряжении еще не было, а ведь мне обещана тысяча сверх того... Какое искушение для темной стороны человеческой натуры!

Амиранда мертва, Амбер мне никто. Морли как-то заметил, что женщины — единственный запас, который никогда не истощается... И перед кем мне извиняться и объясняться?

Разве что перед собой. А Покойник будет посмеиваться у меня за спиной.

Ну и ладно, эксперимент все равно провести не мешает.

Я встал и пододвинул мешочки с золотом к себе.

— Пойдемте.

Как оказалось, Дин притушил в комнате Покойника огни. Понятия не имею, зачем он это сделал. Покойнику на свет было глубоко плевать. Когда ему хотелось спать, логхир засыпал в любых условиях — при ярком свете, в грозу или в разгар землетрясения.

Я сложил золото на полу за креслом Покойника.

— Зачем вы привели меня сюда, мистер Гаррет? — осведомилась Уилла Даунт.

— Обернитесь.

На какой-то миг она превратилась в нормальную женщину. Взвизгнула, закрыла руками лицо... Но всего минуту спустя полностью овладела собой и пробормотала:

— Неужели беда и впрямь не приходит одна? — Потом повернулась ко мне. — Соблаговолите объяснить, мистер Гаррет.

— Что именно? — Домина промолчала, стараясь, видимо, обуздать ярость. — Вы поручили мне найти и вернуть домой Амбер да Пену и Амиранду Крест. Одну из девушек я нашел.

Домина, прищурясь, глядела на меня, ее взгляд выражал ненависть. Однако голос оставался на удивление спокойным.

— Я надеялась, что вы вернете их в лучшем состоянии. Насколько я понимаю, убили ее не вы. Будьте любезны сообщить, кто это сделал, когда, где и как.

Честно говоря, я и сам не отказался бы это узнать. Что ж, эксперимент провалился. Разумеется, ведь домина Даунт не из тех, кто позволяет застать себя врасплох. А может, ей действительно нечего скрывать?

— Я жду, мистер Гаррет.

— В тот день, когда вы якобы собирались передать выкуп, Амиранда уехала из Танфейра в сопровождении моего знакомого, который находился при ней в качестве телохранителя. — Я решил все же проверить, как домина отреагирует на эту историю. — С собой она взяла несколько саквояжей. Близ Личфилда есть перекресток, на котором Амиранда остановила экипаж. По словам моего знакомого, у нее там была назначена встреча; как только появится тот, кого она ждала, телохранителю следовало уйти.

— И кого же она ждала?

— Не знаю. Никто так и не пришел, если не считать высыпавших вдруг из лесу гоблинов. Мой знакомый прикончил четверых или пятерых, но не сумел помешать остальным расправиться с Амирандой. Если уж на то пошло, не смог даже защитить себя. Гоблины решили, что он мертв, и швырнули в кусты, к Амиранде и прочим, а потом разбежались. Какое-то время спустя мой приятель кое-как поднялся, взял Амиранду на руки и отправился туда, где, как он полагал, девушку могли бы спасти. Несмотря на свои раны, он прошел целые три мили...

— И напрасно?

— Естественно. Понимаете, мой приятель не слишком умен. Узнав, что старался понапрасну, он сильно рассердился, ибо почувствовал себя одураченным. Каким-то образом сумел добраться до Танфейра и попасть в больницу «Бледсо», где я его и разыскал в палате для кандидатов на тот свет.

Уилла Даунт нахмурилась, гадая, очевидно, зачем я ей все это рассказываю.

— Вы кое о чем умолчали, верно?

— Да.

— Почему?

— Потому что вам незачем знать. Это не касается ни вас, ни прочих, за исключением друзей моего приятеля, которые считают, что долг платежом красен. Кстати, некоторые из них едят гоблинов на завтрак.

Домина не обратила на скрытую угрозу ни малейшего внимания. Пристально поглядела на меня и проговорила:

— Так вот почему вы настырно лезете в чужие дела.

— Совершенно верно.

— А вам известно, что Владычица Бурь не любит, когда посторонние вмешиваются в ее дела?

— Полагаю, ей гораздо больше не нравится, что кто-то убивает ее детей. — Хвала небесам, что домина не заметила моей промашки! Вот уж действительно, язык мой — враг мой.

— Может быть. Но учтите, любопытство обычно до добра не доводит.

— Учту, — пообещал я. — И передам друзьям своего приятеля. Может, они настолько перепугают-

ся, что постараются заплатить должок до возвращения Владычицы Бурь.

Я решил сменить тактику: эксперименты побоку, на Уиллу Даунт следует давить и давить. Не то чтобы у меня появились конкретные подозрения, просто она знала то, что требовалось мне. Может, в конце концов сломается и раскроет свои секреты?

— Вы не хотите рассказать о том, когда, где и как передали выкуп?

— Нет, мистер Гаррет. — Она криво усмехнулась. Должно быть, считает, что подкопаться под нее невозможно.

— Ваше право. — Я пожал плечами. — Но Амиранду я пока оставляю у себя.

— Надеюсь, Амбер вы постараетесь вернуть в более приличном состоянии? — осведомилась Уилла Даунт.

Я мысленно досчитал до пяти, справляясь с приступом злобы. Вот стерва! Уверена на все сто, что музыку заказывает тот, кто платит. Ничего, Гаррет, ничего...

— Я постараюсь.

Она победно улыбнулась. Должно быть, считает, что разбила меня в пух и прах. Если честно, тут она права.

Я решил узнать, что думает обо всем этом Покойник.

Как оказалось, пока я отдувался, мертвый сукин сын благополучно дрых!

30

Я опорожнил кружку и вытер губы. В таком настроении мне ничего не стоило выпить целый бочонок, однако ночь только началась.

— Дин, скажи мисс да Пена, что домина ушла, и предупреди, что, если у нее есть хоть частица здравого смысла и ей дорога собственная жизнь, пусть ни в коем случае не подходит к окну. Игра ведется по-крупному, церемониться никто не будет. Я пойду навещу мистера Дотса. Выйду на всякий случай через черный ход. Запри дверь на все замки и не открывай никому, кроме меня.

Дин нахмурился. Впрочем, он служил у нас достаточно давно, а потому успел привыкнуть к подобным вещам. Взял с кухонного стола секач и мясницкий нож и сказал:

— Ступайте, мистер Гаррет. Я обо всем позабочусь.

Шагая по улице, я размышлял о том, что однажды, вернувшись домой, обнаружу толпу изувеченных взломщиков. Старина Дин смотрел на жизнь отнюдь не философски и не понимал, что силу следует применять разумно. Бруно с Коуртером повезло, что они застали его врасплох, безоружным.

Лишь преодолев три четверти расстояния, отделявшего наш дом от заведения Морли, я сообразил, что за мной «хвост». Не то чтобы я не проверял, нет; просто следил за мной специалист своего дела. Он понял практически сразу, что я его заметил, а потому все уловки, какие я попытался применить, не принесли ни малейшей пользы.

Тем самым он себя выдал.

В Танфейре таких ребят было все трое. Прежде всего ваш покорный слуга, затем Морли Дотс; но у Морли следить за мной не было никаких оснований.

Оставался тип по имени Шнырь Пиготта, настоящий ас. По слухам, он был наполовину призраком.

Вообще-то мы с ним оба занимались частным сыском. Неужели его наняла домина Даунт, чтобы он присматривал за чересчур ретивым Гарретом?

Вряд ли.

Тогда кто?

Между тем Шнырь предпринял попытку перехитрить меня. Я подавил желание поиграть в эту игру. Все равно ничего не выйдет. Шнырь Пиготта — консерватор, интересы клиента для него прежде всего.

Ну его к дьяволу!

Я вошел в заведение Морли через парадную дверь, обогнул стойку бара и на глазах у изумленного ночного бармена прошествовал в кухню. Повара с ножами в руках ошарашенно воззрились на меня. Я кивнул им с видом принца королевской крови, снизошедшего до провинциалов.

— Отлично, ребята, отлично. Эй ты! Надо резать ровнее. Смотри, какой толстый кусок.

До того как они опомнились и собрались меня линчевать, я успел укрыться в кладовой, откуда вышел через черный ход наружу, обежал здание и увидел, как парадная дверь захлопнулась за спиной Пиготты.

Замечательно! Он, видимо, решил последовать моему примеру и бросил играть в игрушки, а потому последовал за мной, даже не попытавшись замаскировать свои намерения, хотя бы для приличия. Если вдуматься, в том был определенный смысл: при столь явной слежке я вряд ли рискну проворачивать наиболее тайные из своих делишек.

Неожиданно я ухмыльнулся, припомнив, какие физиономии были у поваров. Да, такого спектакля не поставить ни одному хореографу.

— Ладно, Шнырь, — пробормотал я и побежал к парадной двери.

Пиготта, удостоверившись, что меня в зале нет, как раз собирался уходить. Надо сказать, выглядел он весьма странно — высокий, тощий, весь какой-то угловатый и настолько бледный, что его можно было принять за вампира-полукровку. На улице незнакомые люди от него попросту шарахались.

— Попался, Шнырь, — проговорил я, глядя Пиготте за спину, на приближающегося Уолдо Тарпа, который производил впечатление вполне здорового человека. Понятия не имею, каким ветром занесло сюда Плоскоголового, но я откровенно ему обрадовался.

— Бывает. — Пиготта пожал плечами.

— Что тебе нужно?

— Ты что-то сказал, Гаррет? Извини, я в последнее время плоховато слышу.

— Что стряслось, Гаррет? — поинтересовался подошедший Тарп. Теперь на нас глядели все, кто присутствовал в зале.

— Мы со Шнырем собрались повидать Морли. Я нашел одного из тех парней, с которыми ты на днях повздорил. Хочешь послушать? — Я сделал недвусмысленный жест рукой. Пиготта подчинился; по всей видимости, он сообразил, что у меня к нему чисто профессиональный интерес, ничего личного, и успокоился. На его месте я ощутил бы то же самое.

Шнырь начал подниматься по лестнице. Я шагал следом, а Плоскоголовый замыкал шествие. Взгляды посетителей заведения буравили нам спины.

Морли, естественно, узнал о нашем приходе заблаговременно.

— И что мне с ним делать? — осведомился он.

— Поскольку он отказывается говорить, кто его нанял следить за мной, придется принять известные меры. Лучше по возможности обезопасить себя, чем потом всю жизнь жалеть. Возьмешь на хранение?

— Надолго?

— На денек.

— Пиготту?

— Подумаешь, какая знаменитость.

Морли поразмыслил, затем произнес, обращаясь к одному из своих подручных:

— Кровосос, проверь карманы мистера Пиготты, только вежливо.

Шнырь ни глазом не моргнул, хотя я представлял себе, что он чувствует. Мне самому несколько раз приходилось терпеть подобное обращение.

Морли осмотрел добычу, значительную часть которой составляли серебряные монеты.

— Храмовая чеканка, — заметил он, взяв одну монету в руки.

Верно. Причем все монеты как две капли воды похожи на ту, которую я обнаружил на ферме, где держали Карла.

— Что-нибудь выяснил? — справился Морли.

— Да. Узнал, на кого он не работает. — Домина Даунт до серебра не опускалась.

Кто же тогда нанял Пиготту?

— Убери его с глаз долой, — сказал я Морли. — Нам надо потолковать, а время уже позднее.

— Кровосос, отведи его в погреб. Не забывай о вежливости. Считай, что у нас появился почетный гость.

— Слушаюсь, мистер Дотс.

31

Затем Морли выгнал из комнаты остальных головорезов. Оставшись наедине с нами, Плоскоголовый наконец позволил себе расслабиться, и сразу стало ясно, что до полного выздоровления ему еще далеко. Пару минут я корил его за беспечность, а он даже не пытался возражать. Но идти домой и ложиться в постель категорически отказался.

— Ребята сообщили, что тело Младшего завезла в крематорий та баба, Даунт, по дороге к тебе, — сказал Морли. — Думаю, тебе известно, что он сыграл в ящик?

— Известно. Только умер он не своей смертью, ему изрядно помогли друзья.

— Гаррет, твои глаза подозрительно блестят. Ты что, знаешь, кто это сделал?

— Догадываюсь. Одним был гоблин по имени Скредли. Так уж получилось, что личность с тем же самым именем участвовала в инсценированном похищении Младшего — и, вполне возможно, в нападении на Плоскоголового и Амиранду. Этот Скредли отирается вокруг парня по кличке Красавчик, который, как говорят, страшнее самого... Что с тобой, Морли?

— Ты сказал, Красавчик?

— Ну да. Вы знакомы?

— Я кое-что о нем слышал.

— Теперь мне не нравится твой взгляд.

— Тогда отвернись к стене и продолжай рассказывать.

Плоскоголовый слушал, покачивая головой. Морли что-то записывал на листе бумаги. Я выложил почти все, что знал.

— Все упирается в Донни Пелл, — сказал Морли, когда я закончил. — Она связана со всеми, кроме Уиллы Даунт. Та девчонка, Амиранда, наверняка знала про Донни, раз была в хороших отношениях с Младшим. Как бы нам изловить эту самую Донни.

Мы с Плоскоголовым переглянулись.

— Он гений, верно? Как думаешь, ему пришло в голову, что Донни Пелл может оказаться следующей жертвой? Если плохие ребята разнервничались настолько, что зарезали сыночка Рейвер Стикс...

— По-моему, следующей жертвой будет Красавчик, — перебил Морли. — Хотя я могу и ошибаться.

— Почему он? — спросил Плоскоголовый. Друг Уолдо верен себе: всегда выбирает прямую дорогу.

— Расскажи мне про Красавчика, Морли. Я впервые про него слышу.

— Теряешь нюх, Гаррет. Таких, как он, нельзя упускать из виду.

— Учту на будущее. Давай выкладывай.

— Появился он в наших краях сравнительно недавно. Его настоящее имя Конрад Стейли. Явился из Хасефбро, где был важной шишкой; решил, видно, что пора переселяться в крупный город. По происхождению человек, но настолько злобный и омерзительный на вид, что вполне может сойти за гоблина. Привел с собой с десяток подручных, но со временем набрал новых, а прежних отослал назад. Было дело, он враждовал с Чодо Контагью, но сумел договориться. Красавчику достался город гоблинов. Он всем там заправляет, а Чодо не вмешивается — ему хватает собственных забот. К тому же Красавчик платит подать.

Чодо Контагью был гораздо могущественнее большинства аристократов с Холма, однако не выставлял свое могущество напоказ.

— Если ты намерен разобраться с Красавчиком, можешь рассчитывать на помощь Чодо, — продолжал Морли. — Сидите здесь и не рыпайтесь. — Он направился к двери. — Если что понадобится, крикните в трубу. Я вернусь через пару часов.

— Ты куда?

— Хочу поговорить с Чодо. — И Морли скрылся за дверью.

— Гаррет, мы с тобой думаем о том же самом?

— Я не думаю. Я знаю.

Чодо Контагью удалось стать королем танфейрского преступного мира во многом благодаря тому, что Морли Дотс подарил старому королю гроб, в котором оказался голодный вампир. Старый король поднял крышку в полной уверенности, что вампир давно окочурился... Мы с Плоскоголовым выступали тогда в роли грузчиков, а наш приятель Морли, предлагая нам подзаработать, не удосужился предупредить нас о возможных последствиях.

Впрочем, ничего удивительного. Он догадывался, что мы, узнав правду, наверняка откажемся. Морли тот еще жук. Ну ничего, теперь он мне обязан до гробовой доски.

— Не переживай, Плоскоголовый. Морли снова проигрался в пух и прах, поэтому без нас ему не обойтись. Да он и не собирался соваться в город гоблинов в одиночку. Но здесь я сидеть тоже не намерен. За пару часов можно сделать кое-что полезное.

Плоскоголовый молча поглядел на меня, и я понял, что он едва держится на ногах. Если мы отправимся на поиски Красавчика — а уж я-то отправлюсь точно, — друг Уолдо дома не останется. Значит, ему надо отдохнуть.

— А ты поспи. Я скоро вернусь.

Головорезы внизу проводили меня мрачными взглядами, но останавливать не рискнули.

32

Я отправился к Плеймету и барабанил в дверь до тех пор, пока не вытащил его из постели. Он долго ворчал, но одолжил мне повозку и даже сделал вид, что отказывается от денег (хотя в конечном итоге, разумеется, взял). Обычная история. Плеймет только притворяется богачом, на деле бабки ему нужны постоянно.

Крематорий Ларкина находился приблизительно в миле от дома Плеймета. Я торопился, хотя особенно спешить было некуда. Если Морли ничего не напутал, тело Младшего доставили поздно, следовательно, отправить в печь еще не успели. Кремация в ночные часы запрещена законом, да и церковь бдительно следит за тем, чтобы душа не расставалась с плотью в темное время суток, поскольку такая душа обречена на вечные скитания во мраке.

В Танфейре имелось три крематория. Я не сомне-

вался, что Младшего отвезли к Ларкину, ибо этот крематорий находился по дороге с Холма к моему дому.

Ночной сторож, как я и предполагал, оказался нечист на руку. Вообще на свете полным-полно мошенников — они наживаются на мертвых, а другие вынуждены им потворствовать.

Я оставил повозку в переулке близ крематория, наложив на лошадей заклятие, сотканное из крепчайших ругательств. По крайней мере, они меня выслушали.

После чего проделал все так, как, по слухам, было принято: подошел к задней двери, особым образом постучал и стал ждать, пока меня изучат в невидимый «глазок».

Дверь приоткрылась. Мне пришлось стиснуть зубы, чтобы сдержать рвущийся наружу то ли стон, то ли смех. Ночной сторож точь-в-точь походил на персонаж какой-нибудь кладбищенской истории — горбун столь отталкивающей наружности, что с ним не сравнился бы, пожалуй, и сам Красавчик. Будем надеяться, к исходу ночи у меня появится возможность удостовериться в своей правоте.

Если и существовал какой-то пароль, я все равно его не знал, поэтому просто показал горбуну золотую монету, и он провел меня в помещение, где ожидали своей участи мертвецы. Прямо как в старой байке — «до смерти хочется туда попасть». Заняты были семь из десяти столов.

Горбун оказался прирожденным торговцем.

— Вот лучшее из того, что у нас есть, — сообщил он, приподняв край савана. — Вам повезло, мистер, выбирайте в свое удовольствие.

Бывает, что вам жутко хочется переломать кому-нибудь все кости, но поскольку дело прежде всего, вы сдерживаетесь и мило улыбаетесь... Я приподнял второй саван. Мимо.

Зато с третьим телом я угодил точно в «яблочко».

— Сколько вот за этого?

Я никогда не видел и, надеюсь, не увижу, чтобы на меня так смотрели. Судя по всему, горбун собирался отказаться, поэтому я положил на пустой стол монету достоинством в десять марок. Думаю, он ее в жизни не держал в руках.

Жадность в горбуне боролась с осторожностью.

— Он с Холма, мистер. Стоит ли с ним связываться?

— Ты прав, не стоит. Поэтому я и хочу его купить.

— Но зачем?

— Как сувенир. Отрежу ему голову, высушу и буду носить в ухе вместо сережки.

— Мистер, этот парень — с Холма. Его родичи явятся за пеплом.

— Неужели у тебя не найдется, что им дать? Скольких ты сожжешь за счет казны? — По распоряжению магистрата, неопознанные трупы, а также трупы нищих равномерно распределялись между всеми городскими ритуальными заведениями, а платила за них казна. Неплохой способ заметать следы и подзаработать деньжат, верно? Поэтому большинство хоронило родных на ближайших кладбищах.

— Четверых. Но я должен отчитаться перед хозяином...

— Сколько? — перебил я. — Хозяин наверняка все знает и одобряет, исправно получая свою долю. — Но в разумных пределах. Иначе я заберу одно тело, а оставлю вместо него другое. Твое. — Честно говоря, мне на самом деле этого хотелось.

— Двадцать марок. — Горбун судорожно сглотнул.

— Вот десять. Остальное получишь, когда я погружу тело в повозку. Сейчас вернусь.

Он, конечно, мог бы запереть двери и не пустить меня обратно, но отказаться от десяти марок было выше его сил.

Он что-то пробурчал, но я не обратил внимания. Десять минут спустя тело младшего да Пены лежало в моей повозке.

Мне пришлось постучать дважды, прежде чем Дин соизволил открыть дверь.

— Ты что, не ложился? — спросил я, увидев, что он одет.

— Не спится, мистер Гаррет. А это что такое? Вы что, начали коллекционировать трупы?

— Только те, которые могут пригодиться. Отнесу в комнату Покойника. Если старик проснется и пожелает узнать, что происходит, объяснишь, что это молодой да Пена, которого следует сохранить до возвращения его матери.

Дин позеленел, когда ему пришлось помогать мне тащить Карла, однако выдержал. Мы усадили тело в кресло, после чего я вернулся на кухню и залпом выпил пару кварт пива.

— Вы снова уходите, мистер Гаррет?

— Ночь еще не кончилась, Дин.

— Уже кончается.

Он был прав. Скоро начнет светать.

33

К Морли я вернулся как раз вовремя, чтобы разбудить Плоскоголового. Мгновение спустя появился Дотс в сопровождении своих орлов — Кровососа, Саржа и Пуделя. Кроме того, с ними были две незнакомые личности, о которых я, впрочем, много слышал — Краск и Садлер, профессиональные убийцы, состоящие на службе у Чодо Контагью. Родились они людьми, но затем, не дожидаясь, пока умрут, их набальзамировали и превратили в зомби.

— Какого дьявола ты их привел? — процедил я. Кстати сказать, Краск и Садлер тоже не слишком обрадовались, увидев нас с Плоскоголовым.

— Уймись, Гаррет, — отозвался Морли. — Или ступай лови своего Красавчика в одиночку.

Я прикусил язык.

— Расклад такой, — продолжал Морли. — Красавчик обитает в городе гоблинов, заправляет там всеми делами. Но гоблины не сильно огорчатся, если вдруг обнаружится, что Красавчик пропал на пару со своим лучшим дружком Скредли. Он нужен не только тебе, Гаррет. Он нужен Чодо. Нам помогут, но за это мы должны сразу передать Красавчика Чодо. Потом ты составишь список вопросов, которые тебя интересуют, а Чодо добьется ответов.

— Замечательно, Морли. Просто замечательно. — Я буквально кипел от злости, но у меня хватило ума замолчать. Морли посмотрел в мою сторону и пожал плечами. Я понял, что он хотел сказать, но отсюда вовсе не следовало, что мне это понравилось.

Плоскоголовый совладал с собой быстрее моего. Он переплел пальцы, выгнул их так, что хрустнули суставы, и произнес:

— Ко всему можно привыкнуть, Гаррет. Думаю не стоит терять времени.

Он направился к двери.

— Погоди, — сказал Морли. — Ты же идешь не на прогулку с подружкой. — Он обошел свой стол, повел рукой. Часть стены отъехала в сторону, явив взгляду арсенал, подобного которому я не видел с тех пор как отслужил в армии.

Плоскоголовый поглядел на оружие и покачал головой, не в силах каким-либо иным способом выразить охватившее его изумление. Потом вместе с головорезами Морли принялся вооружаться. Краск и Садлер принесли оружие с собой. Я тоже проявил подобную предусмотрительность. Мне казалось, что

все в порядке, однако кислая гримаса Морли опрокинула мою уверенность. Тогда я выбрал длинный нож и штучку вроде тех, что дамы (которые на деле дамами не являются) носят на подвязках. Физиономия Морли оставалась по-прежнему кислой, однако никак иначе он мой выбор не прокомментировал.

Вообще-то я любому оружию предпочитаю свою трость. Вдобавок, у меня есть подарок ведьмы.

Мы спустились вниз — ребята Морли впереди, громилы Чодо сзади. Бдительные взоры обшарили залу. В столь поздний — или ранний — час в заведении оставались лишь те, кто находился с Морли в приятельских отношениях. Насчет них можно было не беспокоиться.

Когда мы проходили мимо стойки, бармен поманил Дотса к себе. Морли пошептался с ним, потом догнал нас у двери на улицу, по которой меня преследовал Пиготта.

— Последние новости. Корабль Владычицы Бурь в сумерках бросил якорь в двадцати милях от города.

— Значит, она прибудет завтра днем.

— Пожалуй, попозже. Ветер-то встречный.

Это следовало обдумать.

На улице нас поджидал огромный черный экипаж, запряженный четверкой лошадей. С высоты двадцати футов нам ухмыльнулись двое верзил с блестящими в темноте глазами и клыками.

— Привет, ребята.

Вролли — наполовину тролли, наполовину гоблины, жестокие существа с зеленой кожей, куда более опасные, чем стадо громовых ящериц. Этих двоих я знал. В свое время мне пришлось отправиться в Кантард за женщиной, которая унаследовала крупную сумму. В путешествии меня сопровождали трое вроллей, один погиб, двое уцелели. Несмотря на то, что нам довелось много пережить вместе, я не знал, могу ли доверять этой парочке...

Имена у них были под стать, как проклятие — Дорис и Марша.

— Так сказать, подстраховка, — заметил Морли. — Ты полагаешь, я свалял дурака, прихватив Садлера с Краском?

— Нет. Я думаю, ты полагаешь, что наша прогулка поможет тебе избавиться от долгов. Надеюсь, ты окажешься прав.

— Гаррет, ты законченный циник и вообще подозрительная личность.

— С кем поведешься...

Ребята Морли забрались в глубь экипажа, Плоскоголовый последовал за ними. Садлер с Краском уселись на облучок и напялили на себя высокие шляпы и черные плащи, какие носят возницы и охранники. У каждого под рукой имелся лук со стрелами.

Подобное снаряжение необходимо для тех, кто достаточно богат, чтобы ездить в экипаже по ночному Танфейру, но недостаточно могуществен, чтобы украсить дверцы экипажа чем-нибудь вроде герба Владычицы Бурь.

Большинство аристократов разъезжают в сопровождении эскорта. Нас сопровождали вролли, помахивавшие своим излюбленным оружием — дубинками в дюжину футов длиной.

Мы с Морли забрались внутрь, Дотс высунулся в окно и велел Краску трогать. Экипаж покатил в ночь.

— Полагаю, у тебя есть план? — поинтересовался я.

— Спрашиваешь! Между прочим, я еще поэтому обратился к Чодо. Его парни знают логово Красавчика, а я там никогда не был. Да и ты тоже.

Я фыркнул. Остаток пути прошел в молчании.

34

В этот час в городе гоблинов было тише, чем в могиле. Такое впечатление, что у гоблинов очень поздно ложиться и вставать посреди дня заведено испокон веков. Мы прибыли вскоре после того, как большинство обитателей города погрузилось в сон. Улицы были не то чтобы пустынны, но на прохожих можно было не обращать внимания. Они делали вид, что не замечают нас, поскольку принадлежали к презираемой касте стервятников.

Появись мы на двенадцать часов раньше или позже, нам угрожали бы неприятности; мы рисковали бы встретиться с куда менее трусливой публикой.

Мы свернули в переулок, настолько узкий, что экипаж едва в него вписался, а когда достигли места, где стало можно открыть двери, Краск велел нам выходить. Мы подчинились. Он отогнал экипаж обратно в переулок.

— Вот наша цель. — Морли показал на четырехэтажное здание в сотне ярдов вниз по улице. — Логово Красавчика. Дома вокруг снесены специально, чтобы никто не мог подобраться незамеченным. Но нас он увидеть не должен.

— Здорово. — Под самой крышей здания светились два-три окна. — Морли, ты просто гений.

Постройки города гоблинов лет на пятьдесят—сто старше хибар вроде «Приюта рыбачки». В большинстве случаев это заметно с первого взгляда. Однако в былые дни строили из кирпича, поэтому цитадель Красавчика представляла собой весьма крепкий орешек. Достаточно сказать, что она стояла без подпорок.

Небо на востоке начало светлеть.

— Дорис и Марша взберутся на крыши ближайших зданий, — сообщил Морли, — и сбросят веревки. Краск, Сарж и Кровосос поднимутся с одной стороны, остальные с другой. После чего мы...

Он излагал свой план до тех пор, пока я не заметил:

— Чушь собачья.

— Ты предлагаешь войти через парадную дверь и пробиваться наверх?

— Ничего подобного. Знаешь, если бы мне не надо было задать кое-кому несколько вопросов, я бы просто устроил пожар на первом этаже. Пламя потянуло бы наверх, как дым в печной трубе.

— Но ты же хочешь задать свои вопросы, верно? То-то и оно. Готовы? Тогда вперед.

Дорис и Марша, которых мое мнение ничуть не интересовало, давно уже скрылись во мраке.

Мы преодолели приблизительно половину расстояния, когда из парадной двери здания вышел человек. Засунув руки в карманы, он глядел себе под ноги, а потому заметил нас далеко не сразу. Когда же заметил, то остановился и выпучил глаза.

— Бруно, — прошипел я.

Человек развернулся и опрометью бросился обратно.

Тренькнула тетива. Стрела вонзилась Бруно в левую руку. Он пошатнулся, однако устоял на ногах и побежал еще быстрее.

— Дьявол с ним. Потом поймаем. Его мне тоже нужно кое о чем спросить...

Я не договорил. Краск выстрелил, последовав примеру Садлера. Стрела вонзилась Бруно в спину, дюйма на три ниже плеч. Садлер подбежал к раненому и оттащил его в темноту.

— Большое спасибо, — процедил я.

Краск даже не повернулся в мою сторону.

Дорис и Марша, которые благополучно забрались на свои крыши, скинули нам веревки. Между тем свет в окнах погас.

— Справишься? — поинтересовался я у Плоскоголового.

— О себе беспокойся, Гаррет. Меня теперь ничто не остановит. — И Плоскоголовый полез

вверх. Я старался держать веревку натянутой. Тарп карабкался столь проворно, словно превратился в семнадцатилетнего юнца, у которого со здоровьем полный порядок. За Плоскоголовым полез Садлер, перекинув через плечо не один, а два лука; третьим был Пудель, а счастливчику Гаррету выпало взбираться по веревке, которая болтается туда-сюда.

Взобравшись наверх, я обнаружил, что Марша успел перебраться на крышу нужного нам здания. Плоскоголовый обмотал конец брошенной ему веревки вокруг печной трубы, к которой прислонился с луком наизготовку Садлер. В щель между ставнями одного-единственного окна сочился свет.

Интересно, неужели Красавчик до сих пор ничего не заподозрил? По-моему, когда у тебя над головой прыгает туша весом в добрые две тонны, поневоле обратишь внимание...

Пудель присоединился к Марша. Затем полезли мы с Плоскоголовым, причем я всю дорогу старался убедить себя, что до земли от силы фут.

Старался и не мог

Садлер остался у трубы, от которой оторвался лишь на миг, чтобы отвязать веревку.

Марша соорудил на конце веревки нечто вроде корзины. Усаживаясь в нее, я вновь подивился тому, что нас до сих пор не засекли. Может, Красавчик оглох? Или готовит нам приятную встречу?

Что ж, скоро я это узнаю. На мой вкус, слишком скоро.

В полумраке мне было видно, как Морли, которому предстояло спускаться с другой стороны, усаживается в такую же корзину. Вот он исчез за краем крыши...

Внезапно у меня под ногами разверзлась бездна. Я вцепился в веревку, заметил краем глаза Садлера, который целился, казалось, точно мне в лоб.

Марша опустил меня к той самой щели между ставнями.

Поначалу я не увидел вообще ничего. Пустая комната, никаких следов пьяного разгула. Затем дверь распахнулась, в комнату просунулась весьма гнусная физиономия и что-то сказала — что именно, я не расслышал. В поле моего зрения появилась спина того, к кому обращались. Этот кто-то раздраженно передернул плечами.

Я помахал рукой. Плоскоголовый привязал к чему-то другой конец веревки, и я повис над бездной, предоставленный самому себе.

По всей видимости, Морли сообщил с другой стороны здания, что все в порядке, потому что Марша нагнулся и с размаху ударил дубинкой. Мгновение спустя он закинул в окно Плоскоголового, который затащил внутрь меня. Следом в комнату проник Пудель.

Если не считать насекомых, которые копошились в груде одеял, в комнате было пусто. Плоскоголовый с Пуделем направились к двери, а я какое-то время отчаянно сражался с веревкой, будто угодивший в паутину мотылек. Неожиданно откуда-то донесся шум.

В тот самый миг, когда Плоскоголовый достиг двери, в комнату ворвался какой-то тип. Его физиономия пришла в соприкосновение с кулаком друга Уолдо. Тип закатил глаза и после второго удара рухнул на пол.

Я наконец высвободился и устремился следом за Плоскоголовым и Пуделем. Узкий коридор слева заканчивался тупиком, поэтому мы свернули направо и врезались в парочку гоблинов, выглянувших из соседней комнаты. Этим повезло не больше, чем их предшественнику — Плоскоголовый шутить не собирался.

Тем временем небеса нацепили бальные тапочки и принялись топать по крыше — вролли пустили в ход свои дубинки.

Как выяснилось, шумом сопровождалось выяснение отношений между компанией Морли и Красавчиком, за которого вступился десяток приспешников. Несколько гоблинов лежали на полу, из неподвижных тел торчали стрелы; на наших глазах еще один совершил непоправимую ошибку, встав перед окном. Свистнула стрела, и гоблин повалился навзничь, визжа, как свинья, которую собираются зарезать. Стрела торчала у него из бедра. Наконечник смазан ядом? Вполне может быть.

Будучи человеком воспитанным, я всего-навсего оглушил двоих-троих противников своей тростью, тогда как Пудель не преминул проткнуть парочку гоблинов, причем нападал со спины. Плоскоголовый расшвыривал сопротивлявшихся, словно то были не гоблины, а стая бродячих котов. В потолке появились дыры — вролли разошлись не на шутку и сломали парочку дубовых стропил.

Нападение с тыла изменило ход битвы. Перевес неожиданно оказался на нашей стороне.

Красавчик рванулся к лестнице. Я выставил ногу. Он споткнулся и с ходу врезался в косяк.

Несмотря на наше численное превосходство, праздновать победу было рано. Известно, что гоблины сражаются до последнего.

Некоторые из них еще стояли на ногах. Ребята Морли предоставили нам разбираться с ними, а сами взялись за тех, чьи тела устилали пол. Я начал было жаловаться, но на меня попросту не обратили внимания.

Как ни странно, до сих пор я не получил ни единой царапины. Остальные тоже практически не пострадали, не считая Саржа, которому рассекли до кости грудь и он самоустранился из схватки, чтобы заняться раной.

— Не лезь! — рявкнул Плоскоголовый, обращаясь к Пуделю. — Он мой! — Повергнув могучим ударом последнего из продолжавших сопротивляться, Тарп пояснил: — Эта гнида командовала теми, кто убил девушку.

— Других знакомых ты не встретил? — поинтересовался я, переведя дух.

— Нет. — Плоскоголовый оттащил гоблина в сторонку.

— Его зовут Скредли, — заметил Дотс.

Честно говоря, я и сам догадался.

Снизу доносились вопли и грохот. Красавчик приподнялся с пола и громко закричал. Мы с Морли бросились к нему, но было уже поздно.

Лестница застонала под чудовищной тяжестью.

К гоблинам прибыло подкрепление.

Десятка два гоблинов оттеснили нас к дальней стене. И это было только начало, комната продолжала заполняться харями одна гнуснее другой.

Несмотря на усилия вроллей, которые колотили дубинками по головам гоблинов, наше положение стало незавидным. Не мог отбиваться Сарж, упал Пудель, загнали в угол Морли; всем остальным приходилось не менее туго. Кровожадный Красавчик от ярости впал чуть ли не в истерику...

Требовалось срочно что-то предпринять.

35

Я достал подарок ведьмы, швырнул на пол и наступил на него башмаком. Кристалл разлетелся вдребезги. Припомнив наставления старухи, я зажмурился и пропустил в результате несколько чувствительных ударов. Левую руку обожгло словно огнем.

А затем комната превратилась в миниатюрную копию преисподней.

Я открыл глаза. Отовсюду доносились звуки, напоминавшие мычание перепуганных коров; гоблины размахивали руками, корчились в судорогах

на полу... Я попятился и поудобнее перехватил трость.

Ведьма утверждала, что когда заклинание срабатывает, в глазах начинает троиться и голова идет кругом. Впрочем, гоблинов в комнате было слишком много, чтобы волшебство принесло нам ощутимое преимущество...

Красавчик раза три наткнулся на стену, пытаясь выбраться в коридор. Он был нужен мне позарез, поэтому я устремился к нему. Нас разделяло от силы два гоблина, когда он наконец добился своего и покатился вниз по лестнице. Обычная история, Гаррету всегда везет, как утопленнику.

Друзей в беде не бросают, потому я не стал преследовать Красавчика и вернулся в комнату.

Морли все-таки ухитрился уцелеть. Он сидел у стены, бледный, как смерть. Рядом, широко расставив ноги, стоял и довольно ухмылялся Плоскоголовый. Вролли тоже ухмылялись сквозь дырки в потолке. Кровосос, один из головорезов Морли, притулился в углу, стараясь совладать с собственным желудком. Саржа и Пуделя не было видно.

В общем, пострадали в той или иной степени все.

Я подковылял к окну.

Ночь давно кончилась. Снаружи доносился шум. Проснувшееся население города гоблинов проявляло любопытство к происходящему.

Следовало уносить ноги.

— Зажмурьтесь, парни, — сказал я. — Идите к двери, держась за стену, выходите на лестницу и ждите меня там.

— Что ты задумал на сей раз, Гаррет? — спросил Морли неожиданно тонким голоском и поперхнулся, когда его чуть было не вывернуло наизнанку. — Очередную пакость?

— Твоя какая печаль? Радуйся, что есть кому тебя подстраховать, стратег ты наш. Валите отсюда, а я попытаюсь разыскать Пуделя, Саржа и Скредли.

Какой-то гоблин тихонько застонал. Я стукнул его тростью по башке.

Первым мне попался Скредли, которого я передал Плоскоголовому. Затем обнаружился Сарж.

— Морли, Сарж готов. Заберем домой?

— Зачем? Торопись, пахнет дымом.

Я послушался его совета, тем более что и сам уловил запах.

— Дьявол! — проговорил Морли. — Если я кого-нибудь оставлю, мои парни скажут, что я ничем не лучше гоблинов. — Он потолковал о чем-то с вроллями, потом крикнул мне: — Передай тело Саржа Дорису. И поторапливайся, Гаррет! Вролли говорят, что у здания собирается толпа.

Я наконец отыскал Пуделя. Тот был жив и мог худо-бедно передвигаться.

— Я иду первым. Постарайтесь не отставать. А где Садлер с Краском?

— Отстреливают тех, кто выбегает на улицу.

Я побежал вниз по лестнице. Меня никто не окликал и не пытался остановить. Судя по звукам, впереди волокли что-то тяжелое.

Красавчика я догнал на втором этаже, перед последним пролетом. Чтобы добраться до него, мне пришлось перепрыгнуть через костер, который он развел на лестнице.

У него была сломана нога, однако видел он уже гораздо лучше, а потому едва не прикончил меня, прежде чем мне удалось с ним справиться. Я огляделся по сторонам в поисках гоблинов. Те из них, что стояли на ногах, толпились у входной двери и о чем-то спорили между собой. Понятно, о чем: другого выхода не было, а всякого, кто рисковал высунуть нос наружу, немедленно настигала стрела.

Я помог своим спутникам преодолеть огненную завесу. Все прошло гладко, обжегся один Морли. Увидев его вблизи, я не смог удержаться от смеха, столь комично он выглядел. А ведь Морли Дотс уделял столько внимания своей внешности...

С гоблинами внизу мы расправились в два счета. Я ринулся на них, размахивая ножами и испуская воинственные вопли, и они гурьбой высыпали на улицу.

Что ж, сейчас мы узнаем, можно ли доверять нашим союзникам.

Я высунулся из двери.

Как ни странно, в меня никто не выстрелил.

Я выскользнул за дверь, осмотрелся и нахмурился. Где толпа, о которой говорили вролли? Лишь в конце улицы виднелись улепетывающие без оглядки гоблины.

Из переулка вывернул экипаж, громыхая, подлетел ко входу.

— Залезайте внутрь! — прорычал Краск. — Сюда идут солдаты!

Солдаты? Тогда все понятно. Неудивительно, что улицы пусты.

Краск пустил лошадей вскачь, не дожидаясь, пока мы рассядемся. Вролли бежали впереди, разведывая дорогу.

— Странно, — проговорил я. — Морли, с каких это пор в разборках в городе гоблинов участвуют войска?

Экипаж мчался по узеньким, как игольное ушко, переулкам, срезал углы, где можно и где нельзя. Уж чего-чего, а решительности той парочке не занимать.

Морли только застонал в ответ.

— Войска обычно подавляют восстания. А отдать такой приказ могут от силы десять человек.

— Разбирайся сам, Гаррет. — Морли снова застонал. — Лично мне все равно.

Неужели Бруно? Так, Бруно служил кому-то с Холма и навещал Красавчика. Приказ солдатам может отдать только наделенный властью аристократ. Быть может, Красавчик настолько дорог хозяину Бруно, что он не поленился вызвать войска?

Пожалуй, мне надо как следует поразмыслить. Вполне возможно, я упустил из виду что-то важное.

— Надо выяснить, на кого он работает.

Никто и не подумал поинтересоваться, что я там бормочу:

Внезапно мне в душу закралось подозрение. А что если младший да Пена, его родичи и опекунша — и впрямь невинные жертвы?

Экипаж вырвался на широкую улицу. Пешеходы шарахались в разные стороны, возницы других экипажей осыпали нас проклятиями. Мы свернули за угол и резко затормозили, чтобы не выделяться из общей массы. Ни одного солдата я так и не увидел. Пять минут спустя лошади остановились у задней двери заведения Морли, и Садлер велел нам выметаться.

Усталый до изнеможения, я все же не мог допустить, чтобы мной помыкали там, где затрагивались мои интересы.

— Расслабься, Гаррет, — буркнул Морли. — Ступай в дом.

— А как же...

— Ты что, не слышал? Ступай в дом, если хочешь дожить в добром здравии до глубокой старости. — Вдвоем с Плоскоголовым они затащили меня внутрь. Я отбрыкивался, но не слишком активно.

Вролли куда-то скрылись. С помощью Плоскоголового Морли перенес в дом Саржа и Пуделя. Садлер подсел к Красавчику со Скредли, и экипаж покатил прочь.

— Почему бы тебе не подняться наверх и не составить список вопросов? — предложил Морли. —

Я переправлю его Чодо. А потом иди домой и ложись спать. Глядишь, когда отоспишься, начнешь соображать.

Если Плоскоголовый стерпел, что у него забрали Скредли, мне тем более надо успокоиться.

— Ладно, — проворчал я. Правда, мне почему-то казалось, что отдыхать не придется.

Поднимаясь по лестнице, я поглядел в окно, выходившее на город гоблинов. В той стороне поднимались к небу похожие на надгробие клубы черного дыма. Будем надеяться, что пламя, разгоревшееся заботами Красавчика, пожрет трупы и прочие следы ночной стычки.

Меньше всего мне хотелось, чтобы меня зачислили в подручные короля преступников.

Я составил список, хотя меня не покидала мысль о бесполезности этой затеи. Самым трудным оказалось сформулировать вопрос о выкупе — ведь следовало так подобрать слова, чтобы мой новоявленный помощник не понял, о чем речь. Иначе он наверняка захапает все себе. Я решил, что лучше вообще об этом не упоминать, присовокупил к списку просьбу о личной встрече с Красавчиком и намекнул, что не прочь был бы заполучить Скредли.

Закончив, я спустился вниз, где участники вылазки зализывали раны за завтраком. Наша авантюра настолько сильно на меня подействовала, что я даже не отпустил дежурной шутки по поводу кушанья, которое мне подали. Проглотил залпом кварту фруктового сока и набросился на еду.

— Плоскоголовый, — проговорил я чуть погодя, — ты свободен? Есть дело.

Потолковав с другом Уолдо, я притиснул к стене Морли и убедил его, что нам следует заняться Шнырем Пиготтой. Быть может, Шнырь, если приставить к нему «хвоста», приведет в какое-нибудь интересное местечко — или втянет в новые неприятности.

36

Вернувшись домой, я прошел в кухню, где сидели Дин с Амбер, и плюхнулся на стул. Плоскоголовому это настолько понравилось, что он тут же последовал моему примеру. Амбер и Дин уставились на нас.

— Устали, мистер Гаррет? — спросил наконец Дин.

— Как собака, — отозвался я.

— И выглядишь не лучше, — заметила Амбер. — Надеюсь, ты добился, чего хотел?

— Может быть. Мы поцапались с теми парнями, которые убили Амиранду и твоего брата.

Я пристально поглядел на девушку. Она отреагировала так, как я и рассчитывал; вот если бы запаниковала или что-нибудь еще...

— Вы их поймали? Где они? Ты узнал про золото?

— Поймали. Больше тебе пока знать не следует. Насчет золота я ничего не узнал, у меня просто не было возможности. Но я обязательно выясню. Кстати, как ты смотришь на то, чтобы начать новую жизнь, имея за душой всего тысячу марок?

— Запросы у меня скромные. Гаррет, я же вижу, ты что-то знаешь. Выкладывай.

— Бедная девочка, — пробормотал Дин. — Уже успела набраться от него всяких словечек.

— Дин, я тоже тебя люблю. Домина Даунт обещала мне тысячу марок, если я найду некую Амбер да Пена и верну ее домой до возвращения Владычицы Бурь. По слухам, твоя матушка прибудет в город сегодня днем. Если хочешь, я могу отвезти тебя во дворец, а мой приятель останется с тобой до тех пор, пока ты не почувствуешь себя в безопасности.

Амбер прищурясь посмотрела на меня.

— Что у тебя на уме, Гаррет? — Надо же, она, оказывается, умеет думать.

— Не что, а кто. Уилла Даунт. Она рассказала мне далеко не все, что знает, а принудить ее к откровенности я не могу. Остается только хитрить в надежде, что это принесет плоды.

— А как насчет золота, которое отдали за Карла? Помнится, я наняла тебя именно для этого. — Девушка по-прежнему смотрела с прищуром.

— Боюсь, про него можно забыть. Теперь, когда вот-вот должна вернуться твоя мать, шансов на успех практически никаких.

— Может быть. По-моему, ты не слишком старался его найти.

Плоскоголовый набросился на приготовленный Дином завтрак. У меня отвисла челюсть. Друг Уолдо уплетал за обе щеки, словно не ел несколько недель, а ведь совсем недавно мы с ним позавтракали у Морли... Впрочем, там наесться могут разве что кролики.

— Значит, домина предложила тебе деньги? И ты их не взял?

— Нет. — Дин налил мне апельсинового сока. Я вдруг осознал, что в горле у меня настоящая засуха. Вот что такое побывать в настоящей переделке. — Наливай, наливай.

Плоскоголовый одобрительно хмыкнул.

— Гаррет, дело ведь не в деньгах, правда? — допытывалась Амбер.

Плоскоголовый снова хмыкнул.

— Что с тобой, олух?

— Тебя вывели на чистую воду, Гаррет! — Он фыркнул. — Ты права, девчушка. Для Гаррета деньги не главное.

— Хочешь побеседовать, Уолдо? Давай потолкуем, если ты такой умный.

Он мрачно поглядел на меня, затем пожал плечами.

— А что я такого сказал?

Амбер поняла, что мы не просто подшучиваем друг над другом.

— Если ты проявил благородство, — сказала она, — я в долгу не останусь и вернусь домой. Но без обмана. Договорились?

— Договорились.

Напившись апельсинового сока, что называется, под завязку, я встал.

— Ладно, счастливо оставаться. Дин, разбуди меня в полдень. Плоскоголовый, ты можешь лечь в комнате Дина, а вам, мисс да Пена, рекомендую готовиться к возвращению в неволю.

Дин пробормотал что-то себе под нос. По-моему, то было нечто вроде очередной угрозы подыскать мне жену среди его родственниц. Я пропустил угрозу мимо ушей. Слишком устал, чтобы вразумлять; к тому же все равно без толку.

37

Разбудил меня вовсе не Дин. Эту обязанность возложила на себя Амбер, явившаяся на полчаса раньше срока. Поспать мне удалось совсем чуть-чуть.

Выйдя на кухню, я обнаружил, что Дин напялил давно, казалось бы, заброшенную неодобрительную гримасу. Правда, хоть помалкивал, за что я был ему крайне признателен.

Наскоро перекусив, я вышел из дома и направился к Плеймету. Потолкался вокруг, послушал, о чем говорят. Молва выдвигала добрую дюжину теорий насчет того, что произошло в городе гоблинов. Наиболее безумные идеи были недалеки от истины, о которой, тем не менее, никто не догадывался.

Я вернулся домой и сразу же зашел к Покойнику. Логхир дружески приветствовал меня:

— Дин говорит, ты снова вляпался в неприятности.

— Да уж. Кстати, если ты подождешь снова засыпать и пораскинешь мозгами, этих неприятностей

может быть гораздо меньше. — И я принялся рассказывать.

— Наконец-то до тебя начало доходить, что события происходят одновременно. Я горжусь тобой, Гаррет! Ты думаешь самостоятельно! Как ты мог не обращать внимания на Бруно, который попадался тебе с удивительным постоянством? Особенно если вспомнить, что молодой Карл впервые ушел из дворца для того, чтобы разобраться с воровством на складе. Ведь домина Даунт сразу предположила, что здесь замешано другое аристократическое семейство.

— По-твоему, тут прямая связь?

— Естественно.

— И ты знал и молчал?

— Гаррет, ты привык во всем полагаться на меня. Я хотел, чтобы ты сам хоть немного пошевелил извилинами.

— Я держу тебя в доме только для того, чтобы мне не приходилось шевелить извилинами! Или ты забыл, что люди — отъявленные лентяи? В общем и целом человек лишь самую малость живее мертвого логхира.

— Не старайся рассердить меня, Гаррет. Ты сделал, что мог, не напортачил ни с трупами, ни с осаждавшими тебя полубезумными женщинами. Если хочешь о чем-то спросить, спрашивай. А если нет, ступай туда, где смогут оценить твое ослоумие.

— Ладно, гений. Ответь-ка, кто убил Амиранду Крест? И не скрываешь ли ты от меня что-нибудь еще, дожидаясь, пока я расшибу себе голову в попытках это узнать?

— Ты хочешь узнать, кто отдал приказ гоблину Скредли и его сообщникам расправиться с мисс Крест?

— Совершенно верно.

— Гаррет, научись правильно формулировать вопросы. Во всем необходим порядок.

Я бы мог возразить, но тогда бы разгорелся спор, а времени было в обрез.

— Ты знаешь, кто приказал ее убить?

— Нет.

— А почему, тебе не известно?

— Выяснив, почему, мы узнаем, кто за этим стоял. В настоящий момент я могу назвать три возможные причины, хотя беременность, пожалуй, следует исключить до тех пор, пока ты не представишь убедительных доказательств, что она кому-то призналась.

— Знаешь, ты мне здорово помог. Если добавить пару марок, как раз хватит на бочонок пива.

— Найди Донни Пелл и приведи ее ко мне. Узнай, кому служит Бруно. Проверь всех, кто так или иначе связан с семейством да Пена. Расследуй воровство на складе. Запомнил? А теперь убирайся, я больше не в силах выносить твоего присутствия.

— Погоди, я сейчас наколдую тебе Донни Пелл, и она материализуется прямо из воздуха.

— Сидя здесь и поглощая пиво, ты никогда никого не найдешь.

— Пожалуй, ты прав. Но прежде чем я отправлюсь на свидание с судьбой, ты, может, посвятишь меня в тайну Слави Дуралейника? Или твоя гипотеза не выдержала проверки временем?

— Гаррет, в своей правоте я не сомневаюсь, однако времени прошло недостаточно, чтобы удостовериться полностью. Вероятность совпадений довольно велика. Вот тебе подсказка. Слави Дуралейник не разгадывал секрета невидимости. Он изобрел способ стать невидимым. Если не удается скрыться от наблюдения, нужно убедить наблюдателя, что стать слепым — в его собственных интересах. Убирайся. Тебя ждет подружка, которую следует вернуть в лоно семьи.

— Готов? — спросил я Плоскоголового. Амбер спрашивать было незачем. Я знал, что девушка до смерти напугана, возвращаться ей не хочется, и идет она на это исключительно ради тысячи марок.

Плоскоголовый хмыкнул и медленно поднялся. Ночная прогулка не могла не сказаться на его здоровье. Надеюсь, у него хватит ума не загнать себя до полной отключки. В конце концов, у каждого из нас, даже самого упрямого, сил не так уж много.

— Пошли, Гаррет, — проговорила Амбер.

38

У дворцовых ворот нас встретил мрачный Коуртер-Слос. Видимо, ему изрядно досталось от домины. Во взгляде, которым он меня одарил, читались ненависть и недоумение.

— Передайте домине Даунт, что Гаррет выполнил ее заказ, — сказал я.

Коуртер посмотрел на Амбер с Плоскоголовым, озадаченно нахмурился, словно пытаясь вспомнить нечто, ускользавшее из памяти.

— Передавайте сами. Она велела вас пропустить.

— Да? Не то чтобы я ей не доверял, но она мне кое-что должна. Если я получу деньги здесь, у меня будет гораздо больше возможностей донести их до дома.

Он продолжал хмуриться. Неужели Покойник дал маху, и к Коуртеру начинают потихоньку возвращаться воспоминания?

— Как хотите. — Коуртер окликнул кого-то из слуг и объяснил, что нужно сделать. Потом повернулся к нам.

Я решил, что надо его отвлечь. К тому же, вдруг узнаю что-нибудь полезное? Поэтому я описал Бруно и спросил Коуртера, видел ли он его когда-нибудь.

— Что-то знакомое, — проговорил Коуртер. Признаться, я не ожидал, что он проявит такую готовность к сотрудничеству. — Но вот что именно... А почему он вас интересует?

— Мне кажется, он имеет какое-то отношение к тому, что творится у вас на складе. Кто он такой, понятия не имею, знаю лишь, что служит кому-то из аристократов.

Коуртер помотал головой, пытаясь собраться с мыслями. Плоскоголовый и Амбер искоса поглядывали на меня, гадая, чего я добиваюсь.

Ничего особенного, друзья. Просто нащупываю точки опоры. Владычица Бурь возвращается домой, ее прибытие страшит обитателей дворца словно надвигающийся торнадо; вполне возможно, кто-то запаникует и выложит то, что я хочу знать.

Впрочем, Коуртер не из таких. Он слишком глуп, чтобы запаниковать.

Я заметил домину Даунт, которая шагала через двор. Ее лицо представляло собой столь хорошо знакомую мне маску.

— Гаррет снова на коне, — сообщил я, когда она подошла поближе.

Домина метнула на Амбер такой взгляд, что девушка поспешила спрятаться за спину Плоскоголового.

— Ничего не скажешь, вовремя.

— Скорее не получилось при всем желании.

— Амбер, отправляйся в свою комнату.

Девушка и не подумала подчиниться.

— А как насчет денег? — поинтересовался я.

— Вы самый настоящий паразит, мистер Гаррет.

— Полностью с вами согласен. Однако в отличие от паразитов из власть имущих, я облегчаю страдания, а не причиняю боль. — Я подмигнул и усмехнулся. — Устраивает?

— Вполне. — Домина чуть было не улыбнулась в ответ. Потом спохватилась, вновь напустила на себя

серьезность и передала мне мешочки с золотом. Я повернулся к Амбер.

Девушка подошла ко мне, взяла мешочек, отсчитала сумму, которая причиталась Плоскоголовому, затем прошептала мне на ухо:

— Позаботься о моих деньгах, Гаррет. Я вырвусь, как только смогу.

Не дослушав, я обратился к домине Даунт:

— Вам удалось расследовать происходящее на вашем складе? Мне просто любопытно.

— На складе?

— Ну да. Помните, когда мы с вами встретились в первый раз, вы сказали, что молодого Карла похитили, когда он пытался выяснить, кто ворует со склада? Вы нашли воришек?

— Мистер Гаррет, в последнее время мне было не до того.

Амбер в сопровождении Плоскоголового направилась ко дворцу.

— Эй, ты! — крикнула домина. — А ну вернись! Тебе туда нельзя!

Плоскоголовый притворился, что не слышит.

— Кто он такой, Гаррет? И что ему, черт побери, нужно?

— Телохранитель Амбер. Вы обратили внимание, что в последнее время, когда вам было «не до того», молодые да Пена почему-то мерли как мухи? Амбер сбежала потому, что испугалась за свою жизнь. Чтобы убедить ее вернуться, мне пришлось подыскать ей телохранителя, настолько уродливого и упрямого, что перед ним спасуют сами боги. Вдобавок, у него много друзей, которым, естественно, захочется отомстить, если с ним что-то случится.

— Гаррет, мне не нравится ваш тон. Вы меня в чем-то обвиняете?

— Я никого ни в чем не обвиняю. Пока. Тем не менее кто-то ведь приказал убить Амиранду и Младшего, верно? Я просто пытаюсь втолковать всем и каждому, что Амбер надежно охраняют.

— Мистер Гаррет, Карл покончил жизнь самоубийством.

— Его убили, домина. Убил человек по прозвищу Красавчик — очевидно, по настоянию третьей стороны. Я собираюсь побеседовать с этим Красавчиком и послушать, что он скажет. Один из вопросов, который я ему задам — на кого он работал. Благодарю вас, домина, и всего хорошего.

Откровенно говоря, Уилла Даунт выглядела сбитой с толку и даже слегка напуганной.

Я развязал мешок с уловками и намекнул, что мне кое-что известно, рассчитывая, что мой намек — ведь у страха глаза велики — быстро превратится в толстую глухую стену, к которой может поставить виновных Владычица Бурь.

Я вышел за ворота и зашагал по улице, высматривая ребят Морли. Вдруг позади послышались шаги. Я обернулся.

Меня догонял Коуртер — бледный, со странным выражением на лице.

— Мистер Гаррет, подождите.

Неужели птичка попалась в силки? Он явно собирался что-то рассказать.

— Коуртер, ты куда? Немедленно вернись!

Издалека голос домины напоминал вопли торговки рыбой. Я не видел, значит, она тоже не имела чести лицезреть меня. Коуртер в отчаянии всплеснул руками и трусцой направился обратно.

Что он хотел мне сказать?

На крыльце моего дома меня поджидал Морли.

39

— Что стряслось, Морли?

— Тебя хочет видеть Чодо.

— Ты меня осчастливил. А с какой стати?

— Понятия не имею. — Морли пожал плечами. — Я всего лишь передаю тебе то, что сообщил мне Краск. Судя по его виду, Чодо не собирается пустить тебя на корм рыбам, так что можешь не волноваться.

— Хорошо, не буду.

— Послушай, Гаррет, Чодо вполне можно доверять. Он никогда не нападает без предупреждения.

— А как насчет Красавчика?

— Красавчика предупреждали много раз. Вдобавок, он сам напросился — трепал языком, лез на рожон...

— Как по-твоему, стоит мне принять приглашение?

— Разумеется, если ты не хочешь ссориться с Чодо. Мало ли, вдруг тебе придется когда-нибудь попросить у него помощи?

— Ты прав. Пошли. Дин, не забудь запереть дверь.

Дин было заворчал, но я его утешил, сказал, что скоро все кончится.

Дом Чодо находился в пригороде Танфейра. По сравнению с этим домом дворец Владычицы Бурь выглядел скромнее.

У ворот нас поджидал Садлер. Следом за Садлером, который не проронил ни слова, мы двинулись по ухоженному садовому парку. Я, разумеется, изучал по дороге подходы к дому. Ничего не попишешь, профессиональная привычка.

— Не сходи с дорожки, — предостерег Морли. — Пока ты на ней, тебе ничто не угрожает.

Помимо охранников и сторожевых собак я заметил в кустах громовых ящериц. Их обычно представляют себе чудищами высотой с дом, однако эти были маленькими, ростом от силы четыре-пять футов. Прямоходящие, с длинными хвостами и острыми зубами.

— Какие замечательные зверюшки, — сказал я Садлеру. Тот промолчал. Да, веселые у Чодо слуги.

Впрочем, в приемном зале нас ожидало совершенно сногсшибательное зрелище.

Чодо знал, как потрясать воображение. Мне приходилось бывать в нескольких дворцах, но ничего подобного я никогда не видел.

— Кончай пялиться, Гаррет. Это неприлично.

В бассейне, который был раза в три больше, чем двор моего дома, резвились обнаженные девицы. Их было не меньше взвода. Над водой поднимался пар.

— Видимо, дела идут неплохо, — заметил я, когда мы прошли мимо.

— Не жалуемся. — Человек, который посоветовал не пялиться, оглянулся. Его глаза блеснули. — Раньше все было по-другому. — Он скрылся за колонной.

Апартаменты Чодо, как ни странно, отнюдь не подавляли своей роскошью. Вообще-то больше всего они смахивали на грязную, вонючую темницу. Чодо, толстяк с мертвенно-бледным одутловатым лицом, сидел в инвалидном кресле. Он выглядел вполне добродушно, но стоило встретиться с ним взглядом... Такой взгляд бывает разве что у старых и жутко голодных вампиров.

— Мистер Гаррет?

Голос соответствовал выражению глаз — низкий, пробирающий до костей.

— Он самый.

— Полагаю, я вам кое-чем обязан.

— Вовсе нет. Я...

— Шныряя вокруг да около, вы предоставили мне возможность избавиться от моего заклятого врага. Я не преминул за нее ухватиться, причем расстроил ваши планы, за что вы наверняка затаили на меня злобу. Однако, тем не менее, вы проявили благородство и помогли моим людям.

Если бы не этот голос, наводивший на мысль о загробном мире, я бы, наверное, фыркнул — на-

столько меня позабавила его манера выражаться. Видя, что я храню молчание, Чодо продолжил:

— Мистер Дотс не смог вразумительно объяснить, чем вы в настоящее время занимаетесь. Если вы сумеете убедить меня в том, что наши интересы не пересекаются, я постараюсь вам помочь.

Первым моим побуждением было поблагодарить и отказаться от помощи, поскольку я не желал иметь ничего общего с королем преступного мира. Однако я понимал, что ничего хорошего из этого не выйдет. Вдобавок, у Чодо находились двое тех, кого мне хотелось подробно расспросить. Поэтому я начал рассказывать, стараясь быть кратким и всячески избегая упоминаний о спрятанном где-то золоте.

— Подручные Красавчика воровали товар со склада на набережной, — вставил Садлер.

— Понятно. Продолжайте, мистер Гаррет.

— Мне хотелось бы допросить Красавчика и Скредли и разобраться наконец, что к чему. — Усек, жирный слизняк? — Я хочу узнать, кто приказал им убить Амиранду Крест и молодого Карла да Пена.

— В молодости мне доводилось общаться с Молахлу Крестом. Можно сказать, я был одним из его протеже. — Чодо сделал Садлеру знак подойти, и они зашептались. — Насколько я понимаю, — продолжил он чуть погодя, — вопросы, которые вы хотите выяснить, будет задавать и Рейвер Стикс, но куда менее деликатно?

— Не сомневаюсь.

— Тогда я должен не только вернуть вам долг, но и постараться не привлекать к себе внимания власть предержащих. К сожалению, мне случается ошибаться, и сегодня я как раз совершил ошибку, переоценив выносливость мистера Стейли, именуемого Красавчиком. Его с нами больше нет, поэтому я могу отдать вам только одного. Вы не в обиде?

Я вздохнул. В мои планы снова вмешалась смерть.

— Признаться, когда мы с ним виделись в последний раз, мне показалось, что долго он не протянет.

— Видимо, раны оказались серьезнее, чем мы предполагали. Впрочем, он не сообщил ничего ценного. Зато другой в полном вашем распоряжении, хотя, похоже, мало что знает.

— Понятно.

— Донни Пелл, Гаррет, — прошипел Морли.

— Что?

Чодо приподнял бровь, похожую на белую гусеницу. Надо признать, с бровями он управлялся не хуже моего.

— Ты же сам говорил, что она — ключ ко всему. И что понятия не имеешь, где ее искать.

— Кто такая Донни Пелл? — осведомился Чодо.

— Паучиха, в сеть которой попались все остальные. — Я мрачно поглядел на Морли. — Она работала у Летти Фаррен и ушла в тот день, когда похитили Младшего. — Изложив историю более или менее подробно, я прибавил: — Она может выдавать себя за юношу под тем же именем.

Чодо хмыкнул, посмотрел на ногти своей руки, потом произнес:

— Мистер Садлер.

— Слушаю, сэр.

— Найдите эту шлюху и доставьте ее мистеру Гаррету.

— Хорошо, сэр. — Садлер вышел.

— Если она в городе, мистер Гаррет, ее непременно разыщут, — пообещал Чодо. — Садлер и Краск — мастера своего дела.

— Я заметил.

— Пожалуй, пора отвести вас к нашему гостю. Идемте. — Он развернул кресло и покатил к выходу. Мы с Морли двинулись следом.

40

Когда я увидел Скредли, на ум пришло сравнение с насквозь промокшим воробьем. Он выглядел каким-то маленьким и тщедушным; такой, что называется, и мухи не обидит. Как ни странно, я его узнал только теперь, хотя видел и в городе гоблинов, и в экипаже. Он был в числе тех, кто задержал меня в день свидания с Амирандой, когда я уловил на улице запах «травки».

Скредли сидел на соломенном тюфяке. К нам он не выказал ни малейшего интереса. Все гоблины — фаталисты по натуре.

Морли придержал дверь, пропуская Чодо, и шагнул в сторону. Я тем временем разглядывал Скредли, прикидывая, с чего начать. Уязвим только тот, в ком живет надежда, а у этого типа надежд, похоже, не осталось. Несмотря на то, что его сердце продолжало гнать по жилам кровь, а раны по-прежнему ныли, он был мертвее Покойника.

— Все хорошее когда-нибудь кончается, верно, Скредли? И чем выше заберешься, тем больнее падать, так? — Он не ответил, да я и не ждал ответа. — Правда, вполне возможно, что хорошее кончилось не навсегда.

У него пару раз судорожно дернулась щека. Гоблины безразличны к участи своих сородичей, однако собственная судьба их заботит чрезвычайно.

— Мистер Чодо узнал от тебя все, что хотел. К тебе у него претензий нет. У меня тоже, поэтому ты можешь оказаться на свободе, если ответишь на мои вопросы.

Я не стал проверять, как отреагировал на мою тираду Чодо. Какая разница? Он все равно поступит по-своему, что бы я ни пообещал.

Скредли поднял голову. Он мне явно не поверил, однако в нем затеплилась надежда.

— Все ваши планы пошли коту под хвост. Вместе с тобой, Скредли. Выбирай: либо ты соглашаешься, либо... — Пока мы шли по коридорам, я поинтересовался у Чодо, знает ли Скредли, что Красавчик окочурился. Выяснилось, что знает. — Твой хозяин сыграл в ящик, бояться теперь некого, верность хранить некому. Решай.

Морли переступил с ноги на ногу и посмотрел на меня так, словно хотел сказать: полегче, парень, не зарывайся.

Скредли хмыкнул. Я не понял, что это означало, но принял за выражение согласия.

— Меня зовут Гаррет. Мы с тобой уже встречались.

Гоблин кивнул.

Проняло! Что-то больно легко... Впрочем, с гоблинами так всегда. Когда терять нечего, они перестают сопротивляться.

— Помнишь, при каких обстоятельствах?

Он снова хмыкнул.

— Кто тебя подослал?

— Красавчик, — прохрипел Скредли.

— Почему? Что я ему сделал?

— Из-за склада. Они решили, что ты можешь все испортить.

— Кто они?

— Красавчик.

— Ты сказал «они». Кто еще, кроме Красавчика?

Скредли призадумался.

— Паренек по имени Донни, который все и устроил. — Так-так. Правда лишь наполовину.

— Ты имеешь в виду проститутку Донни Пелл, которая работала у Летти Фаррен и предпочитала гоблинов? Не вздумай меня обманывать.

Его плечи поникли.

Я поразмыслил. Следовало, в принципе, уточнить

время. Скредли возглавлял шайку, которая напала на меня. И он же был на ферме, где держали Младшего, а на следующее утро прикончил Амиранду.

Ладно, пока отложим.

— Что там со складом? Поподробнее, пожалуйста.

Попавшись на Донни Пелл, он теперь и не пытался что-либо скрыть.

— Все придумала Донни. Она вечно что-нибудь придумывала, поэтому мы брали ее в долю. Очередной кавалер рассказал ей, что в отсутствие Рейвер Стикс за складом никто не приглядывает. Вдобавок у нее нашелся знакомый кладовщик, и мы сошлись на том, что будем забирать десятую часть любого товара. С Донни договорились пятьдесят на пятьдесят: во-первых, она это дело устроила, а во-вторых, расплачивалась с кладовщиком. Мы набрали много всякого добра — столько же, сколько со всех других складов вместе взятых. Но однажды Донни предупредила, что кто-то что-то заподозрил, а потом Уилла Даунт прислала на склад сынка Владычицы Бурь. Затем явился ты и начал разнюхивать, а мы как раз собирались почистить склад напоследок и слинять. Поэтому меня послали потолковать с тобой.

Забавно. Выходит, как специалист по похищениям я их не интересовал?

— В городе гоблинов мы видели, как из вашего дома вышел парень с Холма. Кто он такой?

— Не знаю. Знакомый Донни. Он работает на того, кто покупал у нас товар. Кстати, когда началась заварушка, тот хмырь забеспокоился и нанял кого-то следить за тобой. А уж когда прошел слух, что Рейвер Стикс в Лейфмолде, все принялись заметать следы.

— Пиготта? — спросил я, повернувшись к Морли.

— Может быть.

— Что с ним, кстати?

— Я его отпустил, как договаривались. Он засел дома. Знает, что за ним приглядывают.

— Гм... Скредли, на кого работал Бруно?

— Не знаю. По-моему, даже Красавчик не знал. С тем хмырем встречались только Донни и этот Бруно.

— Осторожный тип. Впрочем, если вспомнить, кого он обкрадывал, ничего удивительного. А как вы передавали товар?

— У нас есть свой собственный склад, под надежной «крышей». Бруно обычно нанимал грузчиков, которые все и перетаскивали.

По-видимому, если я и впрямь хочу знать, куда уходил товар со склада Владычицы Бурь, придется погулять по городским окрестностям. Может, спросить, что именно они предпочитали воровать? Нет, не стоит торопить события. И потом, меня ведь интересует не столько «что», сколько «кто» и «почему».

— Давай поговорим о молодом да Пена. Однажды вечером, когда он выходил от Летти Фаррен, кто-то накинул ему на голову мешок, слегка придушил и увез из города. Что было дальше? Паренек, когда рассказывал, все время путался.

Скредли не стал упираться. Выкладывал все как на духу, не испытывая, очевидно, ни малейших угрызений совести. Да и откуда у гоблина совесть?

— Поначалу все затевалось понарошку. Парень хотел удрать от своей мамаши, прихватив с собой деньжат. Он договорился с Донни насчет похищения — выкуп пополам и поминай как звали. Донни должна была поделиться с нами. Красавчик обычно на такие вещи не соглашался, но деньги были дармовые, притом серьезные, поэтому он послал за своими парнями, и мы обтяпали это дельце.

— Только уже не понарошку. Что произошло?

— Не знаю, честное слово. Вечером того дня, когда мы с тобой слегка повздорили, Красавчик сказал, что наши планы меняются. Я видел Донни, потому понял, откуда дует ветер. Красавчик велел мне посадить парня под замок и намекнул, что когда получим выкуп, бабок огребем гораздо больше. Парня мы собирались оставить с носом.

— Понятно. — Я подумал. — А сколько причиталось Донни?

— Не знаю. Нам вроде обещали всю долю пацана.

Что-то подсказало мне, что Донни Пелл не могла проявить такой щедрости, не будь у нее другого источника доходов.

— И что? Вы просто забрали деньги и ушли?

Его насторожил мой тон.

— Ты же знаешь, что нет.

— Зачем вы прикончили девушку? Ради денег?

— Красавчик велел. Сам я бы ее не тронул.

— А ему она чем досадила?

— Понятия не имею. Слушай, откуда мне знать, а? Он меня в свои секреты не посвящал. Говорил, сделай то-то и то-то, я делал, а он платил. Между прочим, платил и за то, чтобы я не задавал лишних вопросов. Ищи Донни Пелл, она тебе все расскажет.

— Может, ты и не врешь, однако у тебя есть глаза и уши, да и в уме тебе не откажешь. Ты наверняка что-то видел и слышал, наверняка о чем-то задумывался. По-твоему, за что убили девушку?

— Может, она слишком много знала? Ей было известно, что никто никого не похищал, она должна была сбежать вместе с парнем. Может, узнала, что мы играем по-серьезному или чем-то обидела Донни... А может, собиралась обо всем рассказать. Мне велели избавиться от нее раз и навсегда. Думали, она будет одна, а с ней оказался какой-то тип, который стоил целой армии. Когда мы с ним разделались, уже начало светать; пришлось покидать трупы в кусты и сматываться. А когда вернулись, выяснилось, что он выжил, подобрал девчонку и куда-то слинял. Правда, далеко ему уйти вряд ли удалось — от нас он получил по первое число. Надо было замести следы, поэтому...

— Хватит, я все понял. Расскажи мне о выкупе. Где, когда и как вы его получили?

— Накануне того дня, о котором мы только что говорили. На старой Чамбертоновской дороге, в четырех милях от того места, где ее пересекает дорога иа Личфилд. К северу от моста над Малой Сосновой рекой. Договорились в полночь, а получилось на два часа позже. Красавчик, видимо, знал, что все задерживается, потому что ни разу не пожаловался.

Я понятия не имел, где находится этот мостик. Если смотреть по карте, старая Чамбертоновская дорога проходит в четырех милях к западу от тех мест, где я встретил мамонта, вьется среди лесистых холмов.

— Почему именно там?

— От моста дорога в обе стороны просматривается на целую милю, так что если кто едет, можно заметить издалека. А на северо-востоке виден гребень, по которому идет дорога на Личфилд. Я как раз сидел на гребне с фонарем. Если все в порядке, нужно было мигнуть один раз, а если нет — два.

— Вы ожидали неприятностей?

— Нет, эти аристократишки были у нас в руках. Просто с такими лучше не рисковать.

— Значит, выкуп вам передали с опозданием?

— Ну да. Скорее всего, эта баба понятия не имела, куда едет. Дураку понятно, что запряженный четверкой экипаж катится медленнее кареты или повозки.

— Значит, ты при передаче выкупа не присутствовал?

— Нет. Но Красавчик потом сказал, что все прошло, как намечали.

— То есть?

— Экипаж остановился на дороге. Чуть в стороне стояли коляски Красавчика и Донни. Возницы принялись таскать деньги, половину мешков в одну коляску, половину в другую. Баба села обратно и покатила на юг. Донни подождала около часа, потом поехала в том же направлении. Красавчик взобрался ко мне, принес мою долю и деньги для остальных, предупредил, чтобы до утра я никому ничего не отдавал. Иначе, мол, завалятся в кабак, напьются и пойдут чесать языками.

— Остальные что-нибудь знали?

— Про выкуп нет. А с девчонкой мы разбирались все вместе.

— Женщину догнать никто не порывался?

— А зачем?

— Ясно. — Глуповат ты, братец Скредли. — Она не возмущалась, когда ей не вернули Карла?

— Не знаю, Красавчик не говорил. Может, и пошумела.

— Выходит, ты неплохо подзаработал, а?

— Ага. Погляди на меня. Чем не лорд? Все как обычно, десять процентов от пятидесяти Красавчика. Для тебя, может, это бешеные суммы, а я знавал деньки получше. Со складами была морока, но оно того стоило.

— Так вы все-таки ограбили склад?

— Да. Я пытался отговорить ребят, но Красавчик заявил, что раз уж начали, надо довести дело до конца.

— Хм... — Я принялся расхаживать по комнате. Допрос продолжался довольно долго, мне удалось узнать много интересного. В принципе, мы почти добрались до главного, но я нуждался в передышке, чтобы собраться с мыслями. — Скредли, где сейчас Донни Пелл?

— Не знаю.

— Когда мы приехали к вам в гости, она была в доме, верно?

Скредли кивнул.

— А потом сумела выскользнуть и побежала за помощью.

Гоблин пожал плечами.

— Любопытно, кто отдал приказ солдатам? С его стороны это была большая глупость. Видно, засуетился, не подумал как следует. Рейвер Стикс сдерет с него шкуру. Так где сейчас Донни Пелл?

— Сколько раз повторять — не знаю! Если у нее здравого смысла хотя бы как у таракана, она давным-давно удрала из Танфейра.

— Если у нее столько здравого смысла, она должна была бы покинуть город, едва завладев деньгами. По-моему, она обладает толикой хитрости, умеет обращаться с мужчинами и уверена в собственной безопасности, но мозгов у нее нет. Ладно, поверю, что ты и впрямь не знаешь, где она. Но у кого она могла укрыться?

Скредли вновь пожал плечами.

— Кавалеров у нее было много. Может, у какого-нибудь из них.

Об этом я уже думал. Что ж, насчет Донни Пелл он вряд ли сможет что-то добавить. Значит, пора переходить к следующей теме. Попробуем застать его врасплох.

— Зачем вам понадобилось убивать сына Владычицы Бурь?

— Чего? Я слыхал, он покончил с собой.

— Скредли, до сих пор мы друг друга понимали. Я начал даже тебе сочувствовать, а ты снова меня разочаровываешь. Мне известно, что в комнате у Младшего побывали вы с Красавчиком, Донни и кто-то еще. Я знал паренька достаточно хорошо, чтобы утверждать, что такой способ самоубийства не для него. Сомневаюсь, чтобы у Карла вообще хватило мужества поднять на себя руку. Скорее всего, вы его слегка придушили, а затем Красавчик вскрыл ему вены. Донни же... Впрочем, это к делу не относится. Единственное, чего я не могу понять — почему он увязался за этой девицей после всего, что пережил по ее милости?

— Ты не знаешь Донни Пелл.

— Правильно. Однако я собираюсь с ней познакомиться. Давай выкладывай.

— Ты никому не расскажешь? Я не хочу связываться с Рейвер Стикс.

— Не волнуйся. Кстати сказать, о Рейвер Стикс ты будешь беспокоиться потом, когда выйдешь отсюда. А поскольку без меня тебе не выйти, постарайся сделать мне приятное

Он пожал плечами: дескать, не очень-то я на тебя и рассчитываю. Тем не менее у него возникла надежда, которой час назад не было и в помине.

— Ладно. Все началось с тебя. Видели, как ты разъезжал с мертвой девкой, как заходил к Летти Фаррен. Кто-то рассказал Донни, а Донни переполошила весь город. С Красавчиком случился припадок, но я растолковал ему, что девка мертва и что ты просто стараешься нас одурачить. Красавчик утих, а вот Донни задергалась. Бестолковая она все-таки. Решила использовать своего дружка да Пена. Написала ему записку, объяснила, куда прийти. Этот осел и приперся. Не знаю, чего она хотела добиться, только у нее ничего не вышло. Паренек отказался наотрез; к тому же он что-то заподозрил, а Донни возьми да ляпни, что девчонка мертва... Он, конечно, убежал бы и растрезвонил новости по всему городу, но тут подвернулись мы с Красавчиком.

— Значит, заранее вы к убийству не готовились?

— Трудно сказать. Вряд ли. Во всяком случае, со мной ничего такого не обсуждали, хотя обычно меня спрашивали, что и как, — ведь на словах все может быть просто замечательно, а как дойдет до дела... Может, Донни все и подстроила, я не знаю.

— Что-то я не пойму. Донни девушка умная или нет?

— Голова у нее работает что надо, пока все идет так, как намечалось. Но если ее застать врасплох, сразу теряется. Думает медленно, путается, делает глупости. В общем, Красавчик сказал, что нам лучше посидеть с ней, пока она не успокоится.

— А когда вы пришли, то застали у нее Карла.

— Ну да. Он как раз бился в истерике. Кричал, что расскажет всем. Донни попыталась его подкупить, сказала, что отдаст ему свою долю. Бесполезно. Короче, у нас не оставалось другого выхода. Выпускать парня было нельзя. Мы с Красавчиком быстро его утихомирили... Я думал, комар носа не подточит.

— Вы не подумали о том, что Карл был отъявленным трусом и никогда бы не наложил на себя руки. А кто еще был с вами?

— Никого.

— Разве? А человек в плаще с капюшоном?

— Я никого не видел.

— Неужели? — Я вновь принялся ходить по комнате. У меня оставались кое-какие вопросы, но все они касались денег, поэтому задавать их при Чодо было неразумно. Пожалуй, со Скредли пора заканчивать. Остальное прояснит Донни Пелл. Она поможет мне досконально во всем разобраться и определит своими словами чью-то незавидную участь.

— Я тебе выложил все, что знал, — сказал Скредли. — Отпусти меня.

— Мне нужно посоветоваться с мистером Чодо. А что ты будешь делать, когда тебя отпустят?

— Рвану на север. Мне не улыбается торчать в

городе, когда вот-вот вернется Рейвер Стикс. И потом, меня здесь ничто не держит.

— Помалкивать будешь?

— Издеваешься, да? Если я раскрою рот, кому первому, по-твоему, перережут глотку?

— Молодец, хорошо соображаешь. — Я сделал знак Дотсу. Морли распахнул дверь, и мы следом за Чодо вышли в коридор. — Что скажете, мистер Чодо? — поинтересовался я, кивком головы указывая на дверь.

— Я избавился от того, кто долго мне досаждал. А это мелкая сошка. Берите его себе, если он вам нужен.

— Не знаю, нужен ли он мне. Мелкие сошки приказов не отдают, а я ищу того, кто отдал приказ. — Некоторое время мы шагали молча. — Вы знаете Плоскоголового Тарпа?

— Слыхал, однако чести познакомиться не имел.

— У Тарпа на Скредли зуб. По-моему, будет справедливо, если мы предоставим решать ему.

Мы миновали помещение с бассейном, в котором резвились обнаженные девицы. Для Чодо они были чем-то вроде мебели, а вот Морли никак не мог отвести взгляд.

— Скажите Тарпу, что, если хочет получить Скредли, пускай приходит, — произнес Чодо. — Если до завтрашнего утра никто за ним не явится, я его отпущу. — У парадной двери он прибавил: — Буду рад, если вы как-нибудь заглянете, расскажете, как идут дела.

— Конечно. — Мы с Морли вышли наружу, подождали, пока к нам присоединится почетный караул, и не раскрывали ртов, пока не выбрались за ограду.

— Что теперь, Гаррет?

— Не знаю, как ты, а я иду домой спать. Поздновато вчера лег.

— Звучит неплохо. Дай знать, если появится что-нибудь новенькое.

— Непременно.

41

Я бы не отказался проспать без перерыва часиков пятнадцать-шестнадцать, но вместо этого съел жареного цыпленка, выпил пару кварт пива и отправился в комнату Покойника. Обогнул мертвые тела, подкрался на цыпочках к полкам у северной стены, разыскал набор карт, отобрал несколько штук и уселся в свое кресло.

— Насколько я понимаю, день выдался удачный?

Я аж вздрогнул. Понятия не имел, что он не спит. Впрочем, Покойник обожает играть в такие игры: любимое развлечение — кого-нибудь напугать. В глубине души я подозревал, что все злобные и капризные духи суть лишенные телесной оболочки мертвые логхиры.

— И в самом деле, удачный, — продолжал он, не дождавшись ответа. — Ты уверен, что все знаешь и не нуждаешься больше в советах старого ворчуна.

Чтобы доказать, что это не так (хотя, возможно, он того и добивался), я в красках описал ему все, что произошло со мной за последнее время. Кажется, мой разговор с Морли Покойника изрядно повеселил.

Рассказывая, я водил пальцем по карте, пытаясь разыскать место, о котором сам лишь смутно догадывался.

— Ищешь местечко, где кто-нибудь, не очень хорошо знакомый с окрестностями Танфейра, мог спрятать золото в минуту опасности?

— Хочу завтра съездить за город. Может, поплаваю под двумя-тремя мостами.

— Любопытная идея. Вряд ли у тебя получится ее осуществить.

— Почему?

— Сколько можно объяснять тебе возможные последствия твоих собственных действий? Сегодня в Танфейр возвращается Владычица Бурь Рейвер Стикс. Точнее, она уже должна была вернуться. Следовательно, ей обо всем доложили. А кто по уши завяз в этом деле и кому она захочет задать вопрос-другой в присутствии домины Даунт и баронета да Пена?

Честно говоря, меня самого посещали подобные мысли, но я к ним как-то не прислушивался. Вероятно, всему виной золотая лихорадка.

— Дин!

— Да, мистер Гаррет? — отозвался Дин, просовывая голову в дверь. Судя по гримасе, я оторвал его от какого-то дела.

— Дверь сегодня никому не открывай. Я справлюсь сам. Кстати, почему бы тебе не отдохнуть? Сходи проверь, может, твои племянницы успели обзавестись мужьями.

— Вам меня не напугать, мистер Гаррет. — Дин усмехнулся. — Я остаюсь.

— Тогда заказывай гроб.

Что называется, накликали — кто-то постучал в дверь. Я выбежал в коридор, поглядел в глазок. Знакомых никого, зато на всех ливреи Рейвер Стикс. Я закрыл глазок и направился на кухню за пивом.

— Ее люди? — осведомился Покойник, когда я вернулся.

— Да. — Я снова уставился на карту.

— Ты рискуешь, Гаррет.

— Я знаю, что делаю. — «Рискуем мы оба», — мысленно прибавил я.

— Думаешь, что знаешь. Как правило, ты ошибаешься.

Я пропустил его слова мимо ушей.

Минут через десять в дверь снова постучали. Заглянув в глазок, я увидел на крыльце Садлера.

— Чодо велел тебе рассказать, — произнес он, когда я отпер дверь. — Кто-то сообщил этой Донни, что мы ее разыскиваем. Она сбежала из города. Никто не говорит, куда, хотя мы спрашивали.

Да уж, спрашивать вы наверняка умеете, подумалось мне.

— Еще Чодо просил передать, что по-прежнему чувствует себя обязанным.

— Скажи, что я весьма признателен.

— Гаррет, я с сосунками обычно не церемонюсь, но в городе гоблинов ты всех нас спас. Поэтому послушайся моего совета: благодарностью Чодо не бросаются.

— Учту.

Садлер развернулся и поковылял прочь. Я захлопнул дверь и вернулся в комнату Покойника.

— Дельный совет, Гаррет. Благодарность такого человека стоит фунта золота.

— Все равно я не в восторге. Будем надеяться, что он проживет достаточно долго, чтобы мы с ним рассчитались. — У королей преступного мира имеется странная привычка умирать едва ли не чаще королей обыкновенных.

Около часа все было спокойно. Я даже задремал в кресле. Карты выскользнули у меня из рук и упали на пол.

Разбудил меня Покойник.

— Гаррет, у нас снова гости.

Просыпаясь на ходу, я отправился к двери. На крыльце стоял Морли. Я приоткрыл дверь, и он проскользнул внутрь.

— Ты что, спал?

— Да. Ты вроде тоже собирался. Что стряслось?

— До меня дошли кое-какие новости. Я подумал, тебе будет интересно узнать. В переулке недалеко отсюда нашли Коуртера. Кто-то стукнул его по голове.

— Что? — Я стряхнул с себя остатки сна. — Он мертв?

— Мертвее не бывает.

— Кто его прихлопнул?

— Откуда мне знать?

— Чушь какая-то. Твои ребята наблюдали за дворцом Владычицы Бурь?

— Вплоть до сегодняшнего утра.

— И что?

— Что, по-твоему, можно увидеть, если то и дело приходится удирать от патрулей?

— Значит, ничего?

— Вот именно. Пустой номер. Пока они бегали от патрулей, во дворец можно было протащить живого мамонта.

— Ладно. А как насчет Пиготты?

— В смысле? С какой стати за ним было следить?

— Он мог бы привести нас к кому-нибудь.

— Гаррет, ты здоров? Чтобы Шнырь Пиготта привел куда-нибудь «хвоста»?

— И на старуху бывает проруха.

— Скорее мир перевернется, чем Шнырь Пиготта допустит такой промах. Я готов побиться об заклад.

— Никаких пари.

— Гаррет, я тебя не трогаю. — Морли прищурился. — Лопай свое мясо, спасай взбалмошных девиц, если тебе так хочется. И не трогай меня. У каждого своя дорога в преисподнюю, усек?

— Морли, мне было бы глубоко плевать на твои дела, если бы ты всякий раз не втягивал в них меня.

— А сам-то что, лучше?

— Я тебе плачу и требую только то, за что ты получаешь деньги.

— Кто-то должен получать прибыль, верно? Если ты, черт возьми, девственно чист и невинен, если ты, теша свою гордость, готов платить за...

— Мистер Гаррет, — вмешался Дин, — почему бы вам не пойти на улицу? По-моему, там ругаться сподручнее. По крайней мере, уходите из моей кухни.

Я только собрался объяснить, чья это кухня и кто здесь хозяин, как в дверь снова постучали и кто-то окликнул меня по имени.

— Плоскоголовый, — проговорил я, направляясь в коридор, и спросил у Морли, который последовал за мной: — Кто убил Коуртера?

— Я же сказал: не знаю. Мне сообщили, что он мертв, а я передал тебе, и все. Или ты думаешь, что я шарил у него по карманам, разыскивая записку с именем убийцы?

Я на всякий случай посмотрел в глазок. Мало ли что...

Верно, Плоскоголовый. А с ним Амбер. И толпа в ливреях Владычицы Бурь, причем пару физиономий я уже видел раньше. Я отодвинулся от глазка и предложил посмотреть Морли.

— Останешься?

— Нет, с меня хватит. Больше я во всем этом не участвую.

— Как скажешь. — Я открыл дверь в тот самый миг, когда Плоскоголовый вновь занес кулак. Морли проскользнул мимо, мельком поздоровавшись с Тарпом и девушкой. — Вы двое, заходите, — проговорил я. — А все остальные останутся снаружи.

42

— Что случилось с Морли? — поинтересовался Плоскоголовый. Вид у него был слегка пришибленный, что неудивительно — ведь ему пришлось побеседовать с Владычицей Бурь Рейвер Стикс, а подобный разговор не оставит безучастной даже статую.

— Попытался схватить кое-что, в отместку укусившее его за палец. Или наоборот. А вы зачем пожаловали, да еще в такой компании?

— Моя мать хочет поговорить с тобой, — отозвалась Амбер. — Ты бы видел, как мистер Тарп отбивался от них. Незабываемое зрелище!

— Впервые слышу, чтобы о Тарпе рассуждали в таких выражениях.

— По большей части я просто изображал из себя глухонемого, но иногда все-таки приходилось отвечать. Тогда я нес ахинею и предлагал спросить у нее: мол, она меня нанимала, к ней и приставайте.

— И что они хотели узнать? — осведомился я.

— Да не узнать, а выгнать его! — воскликнула Амбер. — А когда поняли, что ничего не выходит — его можно только убить — словно сошли с ума.

— Для аристократов щелчки по носу весьма полезны. Значит, твоя мать хочет меня видеть?

— Да.

— А почему она прислала тебя?

— Потому что Коуртер куда-то запропастился и не вернулся до сих пор, а Доусона ты не пожелал впустить в дом.

Она посылала за мной Коуртера?

— Дин, иди-ка сюда! — Когда он появился в дверях, я спросил: — Признавайся, до того как я велел тебе никого не впускать, к нам кто-нибудь заходил?

— Нет, мистер Гаррет.

— Амбер, твоя мать полагает, что я прибегу по первому зову?

— Гаррет, она — Владычица Бурь Рейвер Стикс. Она привыкла получать то, что хочет.

— На сей раз она ничего не получит. Я устал настолько, что не в состоянии никуда идти, а толпа у дверей меня ничуть не пугает. Подумаешь, эка невидаль, очередная шайка головорезов... В общем, передай, что, если она и впрямь желает видеть Гаррета, пускай приходит сюда. Только не среди ночи. Если она заявится сейчас, я ее не впущу.

— Ничего я передавать не собираюсь, — заявила Амбер. — И во дворец не вернусь. Пока ее не было, я слегка подзабыла, какой у моей матери характер... Обойдется без меня; в конце концов у нее есть мой отец и домина. Нелюбимая дочь больше ей на глаза не покажется... Ты вправду отдал мне то золото?

Меня подмывало ответить «нет», чтобы посмотреть, как она воспримет эту новость, но я сдержался.

— Да.

— Тогда я пошла наверх. Мистер Тарп, в ваших услугах я больше не нуждаюсь.

— Погоди, красотка. Свободу твою никто ограничивать не собирается, поэтому сегодня можешь у меня переночевать, поскольку уже поздно. Однако завтра ты пойдешь подыскивать себе собственный дом.

На какое-то мгновение Амбер лишилась дара речи. Потом надула губки.

— Понимаешь, здесь находиться опасно. — Я попытался как-то смягчить свои слова. — Стоит ли рисковать?

— Мне к опасности не привыкать, с такими-то родичами.

— О твоих родичах разговор особый. Скажи тем гвардейцам у двери, чтобы передали твоей матери — Коуртер никуда не пропадал. Кто-то подстерег его в переулке и проломил ему череп. Вот так.

У Амбер отвисла челюсть. Девушка принялась хватать ртом воздух.

— Ты сейчас похожа на золотую рыбку.

— Ты не врешь? Коуртера тоже убили?

— Да.

— Но с какой стати?

— Должно быть, потому, что он шел ко мне.

— Дьявол!

Как я и надеялся, раздражение перешло в справедливый гнев. Амбер выбежала на улицу. Я придержал Плоскоголового, который было направился следом.

— Я сегодня побывал у Чодо. Тот парень, который убил Амиранду, по-прежнему у него. Он предлагал его мне, но я сказал, что право первой ночи за тобой. Так что, если еще не успокоился, двигай к нему, иначе завтра утром Скредли отпустят.

Плоскоголовый поджал губы, потрогал свои подживающие раны и хмыкнул.

— Не забудь потом вернуться сюда. Я собираюсь на прогулку, поэтому тебе придется приглядеть в мое отсутствие за Амбер.

— Договорились. — Плоскоголовый кивнул. — Не беспокойся, Гаррет, к этой девчонке я никого не подпущу.

— Замечательно. Когда вернешься...

С улицы донесся пронзительный визг. Мы устремились наружу. Плоскоголовый столкнул лбами двух типов в ливреях, я огрел парочку своей тростью. На ногах остались трое, причем двое пытались всеми правдами и неправдами удержать Амбер. Плоскоголовый отогнал обоих пинками, а я спросил у главаря этой банды:

— Что за представление вы тут затеяли?

— Ей нужно домой.

— Послушай, приятель, я тебе вот что скажу. Она достаточно взрослая, чтобы решать самой, и, если не желает возвращаться, заставлять ее никто не вправе. Валите отсюда, пока целы.

Он поглядел на меня так, словно собирался объяснить, чем я рискую, становясь на дороге у Владычицы Бурь. Потом пожал плечами и отвернулся. Плоскоголовый отпустил тех двоих, которых держал за шиворот, и они принялись приводить в чувство остальных.

Амбер раскрыла было рот, но я велел девушке отправляться в дом. Поговорить можно и потом, когда останемся наедине. Она подчинилась. Слуги Рейвер Стикс потопали прочь, их взгляды не сулили мне ничего хорошего.

— Гаррет, ты, похоже, чему-то научился. Сначала дело, потом разговоры. А им явно хотелось тебя послушать.

Морли Дотс, оказавшийся на соседнем крыльце, поднялся и присоединился к нам. Мы втроем некоторое время глядели вслед типам в ливреях Владычицы Бурь. Я помалкивал. Наконец Морли протянул мне сложенный листок бумаги. Я посмотрел Дотсу в глаза. Он ничуть не смутился.

На листке было написано: «Лаймен Гамелеон».

— Я о нем слышал. Важная шишка с Холма. Может, объяснишь?

— Просто решил сэкономить твое время. Войска в город гоблинов послал именно он. Между прочим, этот самый Гамелеон — ближайший сосед Владычицы Бурь и ее злейший враг, причем не только в политике. К тому же он двоюродный брат ее мужа, которого старше на несколько лет.

— Очень интересно. Спасибо, Морли.

— Не за что, Гаррет. — Он помахал рукой и двинулся прочь.

Я прекрасно понял истинную подоплеку его поступка: оказав эту услугу, Морли как бы протянул мне оливковую ветвь.

— Я, пожалуй, тоже пойду, — проговорил Плоскоголовый. — Позаботься о мисс да Пена, Гаррет.

Я проводил его взглядом. Что он, черт побери, хотел сказать? Друга Уолдо не поймешь. Не разберешь, кто перед тобой — слегка придурковатый малый или закоренелый циник.

Я захлопнул дверь, задвинул засов и огляделся по сторонам.

— Амбер!

— Я в твоем кабинете.

Она сидела в кресле за столом и, похоже, дулась.

— Выше нос, девочка. Все просто замечательно.

— Ты меня подставил.

— Естественно. Справилась бы ты со слугами, если бы я тебя не разозлил?

— Не знаю.

— Лучше послушай, — продолжал я, усаживаясь на край стола. — У нас появился шанс отыскать золото.

— Снова пытаешься меня одурачить?

— Ничего подобного. Шанс, правда, невелик, тем не менее... Все зависит от того, как поведет себя твоя мать. Мне кажется, я знаю, что случилось с частью выкупа, однако найти его будет приблизительно так же легко, как пресловутую иголку в стоге сена. Понадобится время...

— Ты серьезно?

— Да. Хотя действую по наитию. — Дин принес вино и пиво. Поблагодарив его, я прибавил: — Честно говоря, я просто валюсь с ног. Увидимся утром, ладно?

Амбер злорадно усмехнулась.

Что означала ее усмешка, выяснилось очень скоро.

Я не стал запирать дверь в свою комнату. Еще не хватало, в собственном-то доме! Амбер восприняла это как приглашение. В результате я не только увидел ее раньше, нежели рассчитывал, но и не сумел как следует выспаться. Кроме того, мой ночной отдых нарушали беспокойные личности, настырно колотившие в дверь до самого утра.

43

Я вышел из комнаты на негнущихся ногах. Одолеть сонливость меня заставили доносившиеся из кухни запахи. Когда я спускался по лестнице, в дверь снова забарабанили. Я посмотрел в глазок и увидел уродливую багровую физиономию с разинутым ртом, в котором торчали гнилые зубы.

Я отвернулся и отправился завтракать.

— Дин, мне кажется, с тобой не сравнится ни один из прочих гениев, обитающих в этом доме. — Я погладил себя по животу. — Где ты раздобыл клубнику?

— Ее принесла моя племянница, Мэй. Я три дня продержал ягоды в холоде.

Снова племянницы? Глядишь, и Покойник скоро вспомнит про Слави Дуралейника...

— Пойду посмотрю, чем занимается его милость. — Я выбрался из-за стола. Как ни крути, рано или поздно входную дверь придется открыть... — Амбер, к нам вот-вот пожалует твоя матушка. Не пора ли уносить ноги?

— Я не собираюсь всю жизнь от нее бегать. Мне бы только знать, что есть место, куда я могу в случае чего спрятаться.

— Молодец. Дин, плесни-ка мне чайку.

Дин нахмурился и заворчал. И то сказать, какой-то Гаррет смеет распоряжаться на кухне! Чай он наливал столь долго и тщательно, что я чуть было не плюнул и не ушел. Бред собачий! С какой стати устраивать из чаепития религиозную церемонию? Ведь сам чай от этого вкуснее не становится, верно?

Некоторые наверняка сочтут меня варваром. Я имею в виду тех, кто недостаточно цивилизован, чтобы выделять из всех напитков пиво.

Покойник не спал, но его лучше было не трогать, поскольку он готовился к приему гостей. По-моему, он прикидывал, не опровергнет ли Владычица Бурь, которая провела в Кантарде несколько месяцев, теорию насчет Слави Дуралейника.

Я решил последовать примеру Амбер и направился к себе в комнату, чтобы привести в порядок свою внешность.

Покончив с этим, я уселся у окна и стал смотреть

на улицу. Там происходили занятные вещи. Слуги Владычицы Бурь пытались избавиться от внимания толпы зевак, которую сами же и собрали.

От аристократов с Холма можно ожидать многого. Обычно они ставят себя выше закона, который запрещает простым смертным вцепляться друг другу в глотки. Однако жители нашего квартала, которые терпеть не могут аристократов, вряд ли потерпят, если кто-то попытается ворваться в частный дом, не имея на руках судебного постановления.

Напади слуги Рейвер Стикс на нас ночью, они бы, возможно, чего-то добились (разумеется, если бы не вмешался Покойник). А теперь слишком поздно. Если они попробуют, толпа разорвет их в клочья. Будь ты хоть трижды лорд, с настроением народа иногда приходится считаться.

Короче, я продолжал сидеть у окна. Как вскоре оказалось, не зря. Краем глаза я заметил в толпе знакомое лицо. По улице шагал Плоскоголовый, которого сопровождали Садлер и Краск. Все трое выглядели так, словно позавтракали какой-нибудь растительной гадостью в заведении Морли.

Когда Плоскоголовый постучал, я находился в трех шагах от двери. Посмотрев на всякий случай в глазок, я отпер дверь, смерил взглядом багроволицего типа, что попытался было протиснуться следом, и проворчал: «Вряд ли...» Он побагровел сильнее прежнего, и тут я захлопнул дверь у него перед носом.

Гости расселись в комнатке рядом с моим кабинетом. Появился Дин, который принес чай и сладости.

— Выкладывайте, — проговорил я. — Что еще стряслось?

Плоскоголовый поглядел на своих спутников. Те явно предпочитали отмалчиваться. Интересно, что у них на уме? Как ни странно, их, по-видимому, что-то объединяло. Нечто вроде отвращения, не известно к кому.

— Скредли сбежал, — сказал наконец Тарп.

— Скредли? Сбежал? Каким образом? Отрастил крылья и улетел? Он что, оборотень? — Я никогда не слышал о птицах или насекомых-оборотнях, но чего только на свете не бывает. Если человек может превратиться в волка, почему бы гоблину не перекинуться в птичку? Скажем, в канюка.

— Нет, Гаррет, не улетел. Попросту сбежал.

Я недоверчиво покачал головой. Тут мне подумалось, что я быстрее обо всем узнаю, если некоторое время помолчу. Признаться, столь здравые мысли посещают меня нечасто.

— Я пришел туда, когда только начало светать, — продолжал Плоскоголовый. — Меня встретили на крыльце и велели подождать. Потом вывели Скредли. А он как рванул, только его и видели...

— Ночью было холодно, — вставил Краск. — В такую погоду ящерицы становятся неуклюжими.

— А след гоблина обычные собаки не возьмут, — прибавил Садлер. — И потом, охранникам велено никого не впускать. Насчет не выпускать речи не было.

— Все произошло настолько неожиданно... — пробормотал Плоскоголовый. — Все стояли и пялились ему вслед.

Удрал так удрал, ничего не попишешь. Во всяком случае, меня это не касается. Или я ошибаюсь?

— Насколько я понимаю, вы пришли ко мне не просто так?

— Чодо сказал, что ты ничего не узнаешь, пока не найдешь Донни Пелл, — сообщил Плоскоголовый. — Он думает, что Скредли сбежал к ней.

— Вполне возможно.

— Чодо хочет, чтобы Краск и Садлер помогли тебе их найти.

— Понятно. — Не могу сказать, что я расстроился. Скорее наоборот. Осложнения могли возникнуть в любой момент, а имея в своем распоряжении такую троицу, к неприятностям можно было относиться философски. — Понятно. Между прочим, сегодня меня должна навестить одна хорошо известная личность. Рейвер Стикс.

— Гаррет, мы знаем, каковы ставки.

— Правда? — Неужели Амбер растрепала? Нет. Плоскоголовый лишь думает, что знает.

По-видимому, пока мы не поймаем Скредли и Донни Пелл, о золоте придется забыть. Если, конечно, я вдруг не решу, что подручных Чодо стесняться нечего.

— Занимайся своими делами, — изрек Садлер. — Мы мешать не будем.

Ну разумеется. До поры до времени.

44

Мы убивали время за картами. Дин перемещался из комнаты в кухню и обратно, не забывая хмуриться всякий раз, когда ловил на себе мой взгляд. Я догадывался, о чем он думает: по его мнению, мне следовало заставить честную компанию заняться домашними делами. Старина Дин не разбирался в людях, а посему не понимал, что типам вроде Плоскоголового и Садлера с Краском на домашние дела плевать с высокой колокольни.

К нам было заглянула Амбер, но быстро ретировалась, не вынеся царившего за столом оживления. Покойник не спал; время от времени по комнате пробегало нечто вроде невидимой волны, от которой лично у меня вставали волосы дыбом. А ведь спроси его — ни за что не признается, что нервничает.

Какое-то время спустя Амбер вернулась.

— Она идет, Гаррет. Я, честно говоря, думала, что она пришлет домину. — Девушка поразмыслила, потом прибавила: — Пожалуй, мне лучше остаться наверху.

— А я-то думал, ты предложишь ей катиться подобру-поздорову.

— Может, чуть попозже, когда наберусь смелости.

— А если она выразит желание повидаться с тобой?

— Скажи, что меня здесь нет. Что я убежала.

— Она не поверит. Ей прекрасно известно, где ты находишься.

— Если придется, я выйду. — Амбер пожала плечами. — Но только если придется.

— Договорились.

Будущее постучалось в дверь. Дин вопросительно поглядел на меня — открывать или нет? Я кивнул. Он нехотя направился к двери. Я пошел следом. Амбер скрылась наверху, а бравая троица встала у стены, сложив руки на груди.

Дин распахнул дверь. Покойник столь пристально наблюдал за происходящим, что казалось, будто воздух пронизывают электрические разряды. Я на всякий случай сунул руку в карман, где лежал маленький подарок ведьмы; впрочем, если я его применю, Рейвер Стикс обратит на мое колдовство столько же внимания, сколько, скажем, на зудение комара.

Она вошла одна, оставив на улице коляску и свиту численностью в небольшую армию. Соседи, которые до того ворчали и шумели, благоразумно отступили.

Плотно сложенная, коренастая, Рейвер Стикс смахивала на гнома. Судя по внешности, она никогда не обладала красотой Амбер, даже в молодости, которая красит каждую женщину. На загорелом лице выделялись ярко-голубые глаз, облик дополняли тронутые сединой волосы. Если Владычица Бурь была разгневана, она умело это скрывала. Во всяком случае, держалась она менее натянуто, нежели большинство тех, кто в последнее время переступал порог моего дома.

Дин застыл как вкопанный.

— Проходите, госпожа, — сказал я. — Мы вас ждали.

Рейвер Стикс обошла Дина, искоса поглядев на него, словно удивленная внезапной неподвижностью моего слуги. Неужели она настолько наивна?

— Закрой дверь, Дин.

Наконец-то он очухался!

Я провел Владычицу Бурь в ту комнату, где мы играли в карты. Для двоих это помещение было в самый раз.

— Что прикажете подать? Может, чаю?

— Бренди или что-нибудь в том же духе. И в нормальной посуде, чтобы можно было пить, а не только нюхать.

Суровый тон, голос низкий. Впервые встречаю женщину с таким голосом; она разговаривает так, будто пытается сойти за мужчину.

— Дин, принеси бутылку из тех, что прислали мне братья Бейгелл.

— Слушаюсь, сэр.

— Мистер Гаррет... Вы ведь мистер Гаррет, не так ли?

— Он самый.

— А остальные кто?

— Коллеги. Они представляют интересы бывшего протеже Молахлу Креста.

Я ожидал, что она хоть как-то отреагирует, но Владычица Бурь не оправдала моих ожиданий.

— Что ж... По-моему, я вас раскусила. Вы играете исключительно по собственным правилам, либо не играете вообще. Поскольку вы нередко добиваетесь успеха, это ваше право.

Пока Дин наливал Рейвер Стикс бренди, я пригляделся к ней повнимательнее, пытаясь сообразить, как себя вести. Испепелять меня на месте она как будто не собиралась, поэтому следовало перестроиться, и пошустрее.

— Как я уже сказал, мы вас ждали. Получилось так, что я, сам того не желая, оказался вовлечен в известные события...

— Мистер Гаррет, давайте не будем лукавить. Вам известно гораздо больше, чем вы пытаетесь показать. Быть может, даже больше, чем вам кажется. Объясните мне, пожалуйста, с какой стати вы сунули свой нос в наши семейные дела.

— По просьбе клиента. Точнее, клиентов.

Видя, что я не собираюсь продолжать, Рейвер Стикс спросила:

— Кого конкретно? Хотя нет, вы все равно не скажете... — Помолчав, она продолжила: — За последние несколько недель на мою семью обрушилось столько бед! Моего сына похитили, а за освобождение запросили сумму, выплата которой подорвала наше благосостояние. Приемная дочь убежала из дома — как выяснилось, только для того, чтобы ее убили разбойники.

Я жестом велел Плоскоголовому помалкивать.

— Потом мой сын покончил жизнь самоубийством. А моя дочь, несмотря на ваши с Уиллой Даунт усилия, дважды исчезала из дворца.

— Не говоря уж о пустяках, — вставил я — Например, о Коуртере, которого прикончили прошлой ночью, когда он шел ко мне, или о воровстве на складе семейства да Пена.

— Это правда? — осведомилась она. На ее лице впервые отразились какие-то эмоции.

— Что именно?

— Насчет склада.

— Чистая правда.

— Мне никто ничего не сказал.

— Возможно, домине Даунт было не до того.

— Не говорите глупостей, мистер Гаррет. Уилла сообщает мне о неприятностях маленькими порциями, чтобы я не взбеленилась и не велела содрать с нее заживо кожу.

Я ждал, предоставив инициативу Владычице Бурь.

— Мистер Гаррет, я подозревала, что вам известно то, чего не знаю я. Только что вы это подтвердили. Оба мы понимаем, что мне хотелось бы узнать остальное. Поскольку вы явно чего-то добиваетесь, думаю, мы сумеем договориться.

— Возможно. Мне представляется, нам с вами нужно чуть ли не одно и то же.

— Неужели? Чего же вы хотите?

— Найти того, кто приказал убить Амиранду Крест.

Когда игра ведется по таким ставкам, да еще так долго, волей-неволей привыкаешь сохранять невозмутимость. Из Рейвер Стикс получился бы отличный картежник.

— Продолжайте, мистер Гаррет.

— Я все сказал.

Владычица Бурь оглядела моих товарищей. Лица Садлера и Краска ничего не выражали, а вот Плоскоголовому, похоже, не терпелось высказаться.

— Расскажи ей про Скредли и Донни Пелл, Гаррет! — воскликнул Тарп.

Рейвер Стикс повернулась ко мне.

— Амиранду убили на глазах моего друга, — пояснил я. — Он пытался спасти ее, но не сумел, а потому считает, что обязан отомстить. Кроме того, со Скредли у него личные счеты.

— Понятно, — проговорила Рейвер Стикс. — Вы не хотите рассказать поподробнее, как это случилось?

Я хранил молчание.

— Значит, так, — пробормотала женщина.

Честно говоря, я был готов задушить Плоскоголового голыми руками. Кто его просил лезть? Ведь я нарочно не упоминал про Донни Пелл, придерживал ее напоследок.

Впрочем, Владычица Бурь никак не отреагировала на это имя.

— Мистер Гаррет, полагаю, мне нужно вас нанять. Может, тогда вы будете сговорчивее.

— Может быть. У меня свои принципы. Я профессионал. Если мне не доверяют и постоянно советуют, что и как делать, я от такой работы отказываюсь. — Кажется, мой голос не дрогнул. По крайней мере, хотелось надеяться. — И потом, с какой стати вам меня нанимать?

Рейвер Стикс поглядела на меня так, словно я был умственно отсталым ребенком.

— Понимаете, клиентов может быть сколько угодно, но если один из них стремится к тому, чего вовсе не хочется другому...

Она не сводила с меня взгляда. Под маской спокойствия медленно, но верно разгоралось пламя. Пожалуй, пора остановиться, чтобы не перегнуть палку.

— Госпожа, я хотел бы кое-что вам показать. Предупреждаю сразу — вряд ли вы будете в восторге. Скорее наоборот. Однако если вы этого не увидите, то пелена с ваших глаз не спадет еще долго.

Покойник одобрительно хмыкнул.

Владычица Бурь встала.

— Госпожа, — сказал я, — рекомендую вам налить себе по новой.

— Если все настолько страшно, я прихвачу с собой бутылку.

Просто и со вкусом.

— Хорошо. Пойдемте.

Мы вышли в коридор и направились к комнате Покойника. Я распахнул дверь и отступил в сторону. Процессия во главе с Рейвер Стикс проследовала внутрь. Бравая троица встала у стены, причем Садлер с Краском, увидев Покойника, неожиданно побледнели.

То-то. Знай наших.

— Мертвый логхир! — воскликнула Владычица

Бурь. Тон у нее был такой, словно она заметила в кустах малютку-эльфа. — Я и не знала, что кто-то из них уцелел. Сколько вы за него хотите, мистер Гаррет?

— Госпожа, не стоит попусту тратить деньги. Это отъявленный бездельник, который ни на что не годится. Я держу его в доме исключительно из сострадания. Он целыми днями дрыхнет, а когда не спит, возится с жуками.

— Леность у логхиров в крови. Между прочим, даже мертвеца можно приучить к порядку, если знать как.

— Однажды вы меня научите, хорошо? Этот лентяй у меня уже вот где... Ну да ладно. Госпожа, посмотрите вон туда. Дин, принеси какую-нибудь лампу!

Черт побери, он должен был позаботиться обо всем заранее!

Дин вернулся с лампой и принялся многословно извиняться, хотя никто он него извинений не требовал. Бедняга настолько перепугался, что дрожал всем телом. Я его не виню. Напряжение в тот миг и впрямь достигло предела.

Владычица Бурь молча разглядывала тела. На ее лице не шевельнулся ни единый мускул. Потом поманила к себе Дина, взяла у старика лампу и медленно, дюйм за дюймом, осмотрела труп Карла. Приложилась к бутылке с бренди, затем столь же тщательно оглядела Амиранду.

Тело девушки удостоилось и повторного осмотра. Рейвер Стикс фыркнула, отставила бутылку в сторону, приложила два пальца к животу Амиранды, пробормотала: «Вот как!» и вновь поднесла к губам бутылку.

— Весьма обязана, мистер Гаррет, — произнесла она, выпрямляясь. — Мы можем поговорить? С глазу на глаз?

— Разумеется. Дин, отведи ребят в кухню и накорми, а мне принеси пива. В кабинет.

— Слушаюсь, сэр. Джентльмены?

Джентльмены подчинились. Очевидно, хозяин велел им не спорить с Гарретом.

45

Я уселся за стол. Владычица Бурь расположилась напротив и погрузилась в размышления, не забывая, впрочем, время от времени прикладываться к бутылке.

— Карла убили, — сказала она после продолжительного молчания.

— Совершенно верно. Это сделали человек по прозвищу Красавчик и гоблин Скредли. Красавчик мертв, Скредли удалось бежать, но его ищут. Кстати, Скредли возглавлял шайку, которая расправилась с Амирандой. Однако он действовал отнюдь не по собственной инициативе. Кто-то ему платил.

— Расскажите мне все, мистер Гаррет.

— Расскажу, если мы сойдемся в условиях.

Рейвер Стикс поразмыслила.

— Вы хотите найти того, кто несет ответственность за смерть Амиранды, правильно?

— Да.

— Я, как вам известно, обладаю властью, но понятия не имею, как искать преступника. Предположим, я найму вас с тем, чтобы вы нашли убийцу Карла.

— Я не прочь. Однако если в обоих случаях нож в руки убийц вкладывала одна и та же рука, наши интересы могут прийти в противоречие.

— Этого не будет, если вы согласитесь на одно условие.

— То бишь?

— Я предоставляю вам полную свободу действий, если вы обещаете покарать преступника в моем присутствии. А так можете делать с ним, что хотите. Честно говоря, смерть будет для него лучшим исходом.

Внезапно я ощутил восторг. Сначала никак не мог сообразить почему, затем догадался, что уловил эмоции Покойника. Старый хрыч явно что-то знал!

— Согласен.

— Я не стану вам мешать, мистер Гаррет. Вы всегда можете рассчитывать на мою поддержку.

Дин принес пиво. Я налил себе полную кружку и одним глотком опорожнил ее чуть ли не до дна. Владычица Бурь, которую Дин предусмотрительно не забыл, последовала моему примеру.

— Насколько я понимаю, тела обошлись вам недешево. Такие услуги стоят дорого.

— Да уж.

— Приплюсуйте сюда сумму, которая станет вашим гонораром, и карманные расходы.

— Давайте уточним. Вы меня нанимаете и предоставляете мне полную свободу действий при условии, что я обязуюсь устроить вам в конце расследования маленький спектакль?

— Да.

— И обещаете мне свою поддержку?

— Если она понадобится.

— Вполне может быть.

— Мистер Гаррет. Я преследую одну-единственную цель. Приведите ко мне тех, кто отвечает за смерть моих детей. За ценой я не постою. Меня не остановит даже сам император, понимаете? — Ледяной взгляд словно пронизывал меня насквозь. — Приведите мне этих ублюдков!

— Как насчет клятвы?

— Вы хотите получить договор, написанный кровью?

— Меня вполне устроит клятва Владычицы Бурь.

После того как я прочел текст, она сделала все так, как того требовал ритуал.

— Все, — сказал я. — Теперь можно и рассказать. — И принялся излагать историю с того самого момента, когда попал в число ее участников. Рассказывал в подробностях, опустил только свои личные отношения с Амбер.

О золоте я тоже особенно не распространялся. В конце концов, Амбер наняла меня раньше.

Прошло несколько часов. Рейвер Стикс слушала не перебивая. Дин исправно наполнял кружки, а когда решил, что настало время, принес нам обед.

Когда я наконец завершил свое повествование, Владычица Бурь продолжала молчать. Выждав минут пять, я поинтересовался:

— Договор остается в силе?

Она посмотрела на меня так, словно хотела сказать: «Перестань валять дурака».

— Разумеется. Но все это дело — какая-то бессмыслица...

— Не совсем, госпожа. Поначалу все шло очень даже гладко. Я имею в виду, до тех пор, пока не начались убийства.

— Все равно бессмыслица. По крайней мере, лично я ничего не могу понять.

— А вы подумайте. Откройте глаза.

Впервые за время нашего разговора она вернулась из иллюзорного мира в реальность и пригвоздила меня к креслу взглядом василиска.

— Что?

— Вы не обращаете внимания на краеугольный камень. На тень, которая падает буквально на все. То бишь на Владычицу Бурь Рейвер Стикс.

— Объяснимся, мистер Гаррет.

— Охотно. Вот вам простой пример. Пускай каждый из тех, кто замешан в этой истории, останется самим собой, а вот вы из Рейвер Стикс, которую все боятся, превратитесь вдруг в наследницу виноградников Галларда. Не помню, как ее зовут. Как, по-вашему, произошло бы с ней то, что случилось с вами, проведи она полгода за пределами Танфейра?

Возникло бы у кого-нибудь желание причинить ей зло? Разве что у Донни Пелл и ее сообщников, но ими двигала обыкновенная жадность. Госпожа, как ни крути, все упирается в вас.

Моя тирада не слишком ей понравилась, хоть я и старался выбирать выражения. Впрочем, другой столь трезвомыслящей женщины я в жизни не встречал. Она в два счета обуздала уязвленное самолюбие. Уилла Даунт не годилась ей даже в подметки.

— Понятно. Что вы собираетесь предпринять, мистер Гаррет?

— Я бы хотел побеседовать с вашим мужем и доминой Даунт при таких обстоятельствах, чтобы они не могли уклоняться от ответов и не имели права не отвечать.

— Это можно устроить. Когда вам удобно?

— Чем скорее, тем лучше. Сегодня. Сейчас. Дама с косой порезвилась достаточно, пора ее утихомирить. — Считается, что смерть слепа, но я не раз убеждался, что она разит без промаха.

— Разумно. У вас есть особые пожелания?

Минут пятнадцать мы обсуждали, что и как, причем я всячески давал понять, что мое слово — последнее. Наконец Рейвер Стикс поднялась.

— Я заберу тела с собой, мистер Гаррет.

— Лучше вынести их через задний ход. Считается, что обоих давным-давно кремировали. О том, что они у меня, известно лишь обитателям этого дома.

— Понимаю.

Я проводил Владычицу Бурь до двери. Неожиданно она повернулась ко мне.

— Позаботьтесь о моей дочери, мистер Гаррет. Она — единственное, что у меня осталось.

— Конечно, госпожа.

Наши взгляды на мгновение скрестились. Думаю, мы поняли друг друга.

46

Я привалился к захлопнувшейся двери и испустил долгий, протяжный вздох. Около минуты меня трясло, затем напряжение начало спадать. Захотелось даже издать старинный боевой клич.

— Ушла? — осведомился Плоскоголовый, выглядывая из кухни.

— Ушла.

— Как ни странно, ты цел, — заметил он, пересчитав мои конечности.

— Мы с ней договорились. Посмотрим, что из этого получится.

— Из чего из этого?

— Неважно. Ее люди вынесут через черный ход оба трупа, можете им помочь. А я пойду растормошу Покойника.

Плоскоголовый мрачно поглядел на меня, пробурчал что-то насчет «аристократических замашек», но пошел за Краском и Садлером.

Я подождал, пока они заберут трупы из комнаты.

— Так-так... Дела идут на лад, а, Гаррет?

— Да уж. Слушай, почему ты потеешь?

Он попался на удочку. Я представил воочию, как он осматривает себя, гадая, неужто его тело и впрямь возвращается к жизни.

Очко в пользу Гаррета.

— Когда я с ней разговаривал, тебя вдруг обуял восторг. С какой стати?

— Мне стало ясно, что, прогулявшись по окрестностям, ты можешь найти нечто любопытное.

Гений паршивый! Никогда не может сказать прямо!

— Ты предлагаешь мне съездить на ферму и привезти оттуда Донни Пелл?

— Смотри-ка, догадался.

— Сколько ты мне твердил, чтобы я учился думать самостоятельно? Вот я и начал, тем более что с тобой лучше не связываться, не то хлопот не оберешься. Все королевские ищейки не смогли ничего найти — под королем я, естественно, разумею Чодо Контагью. К своим друзьям в городе Донни больше не обращалась. Так где же ей быть, как не на ферме?

— Молодец. Правда, мы не учитываем вот какой возможности. Она могла переселиться в дальние края, где ее никто не знает, и теперь разыгрывает из себя знатную даму.

— Вряд ли. По-моему, не настолько она умна, иначе удрала бы из города, когда заварушка только начиналась.

— Ты собираешься съездить на ферму?

— Пока не знаю, — соврал я. — В настоящий момент я собираюсь во дворец да Пена, где мне предстоит побеседовать с мужем Владычицы Бурь и доминой Даунт. Если понадобится, я потолкую и со слугами. Вдобавок, я никак не могу решить, хватит ли у Скредли ума, чтобы самому отправиться по следу.

— Об этом я не подумал.

— Разумеется. Бандит из тебя никудышный. Уверяю, очутившись на свободе, Скредли перво-наперво постарался удрать как можно дальше, а затем стал искать, на кого бы свалить вину за все, что с ним случилось. Донни Пелл подходит как нельзя лучше. Она представляет собой прекрасную мишень. Друзей нет, защитить ее некому; вдобавок, у нее куча денег, которой можно завладеть. И потом, она женщина.

— Тебе ее жаль?

— Немного. В конце концов, сама виновата, надо было думать, с кем связываться.

В дверном проеме возник Плоскоголовый.

— Ушли? — спросил я, жестом приглашая его войти в комнату.

— Да.

— Ты слышал наш разговор?

— Только тебя.

— Значит, ты слышал главное. — Я развернул на полу карту. — Видишь? Вот перекресток, где на вас с Амирандой напала шайка Скредли. Чуть к западу растут две шелковицы, от которых начинается старая дорога. Приблизительно в полумиле от них стоит заброшенная ферма, на которой держали Младшего. Думаю, Донни Пелл именно там.

— Притащить ее сюда?

— Ни в коем случае. Гораздо лучше, если она останется на ферме. Я хочу устроить нечто вроде пикника. Но мне хотелось бы знать, что меня может ожидать.

— То есть я должен разведать обстановку.

— Сумеешь?

— Спрашиваешь. Когда?

— Чем скорее, тем лучше. Но не вздумай заходить на ферму.

— По-твоему, я совсем дурак? — Плоскоголовый обиженно фыркнул.

— Встретимся завтра на перекрестке. Постараюсь приехать около полудня, но могу и слегка задержаться.

Тарп кивнул в сторону кухни.

— А с этими как быть?

— Понятия не имею. Если хотят, могут пойти с тобой или присоединиться ко мне. Если выберут первое, проследи, чтобы они не самовольничали. Ладно. Мне пора уходить. Иди узнай, что они выбирают.

— Что ты задумал, Гаррет? — с подозрением спросил Покойник.

— Сам не знаю. Можно сказать, импровизирую.

— По-моему, ты что-то замышляешь.

— Я бы рад, да не получается. Слишком много оборванных нитей. Похоже, дело закончится, а проблемы останутся.

— К примеру, некий Гаррет окажется один на один

с молодой девушкой, привыкшей получать то, что ей хочется.

— Знаешь, подобная мысль мне в голову не приходила. Я все прикидывал, сдерет с меня Владычица Бурь шкуру за неуважение к ее особе или не сдерет. Что касается твоего замечания... Как только Амбер заполучит деньги, мы с ней тут же разбежимся.

— Гаррет, для человека ты в большинстве случаев мыслишь на удивление здраво. Но когда речь заходит о существах противоположного пола, ты глупеешь на глазах.

— Вполне простительная слабость. Она была, кстати, и у моего отца. Я исправлюсь.

— Скорее, ты перестанешь пить пиво.

Я вышел в коридор, заглянул по дороге на кухню.

— Они остаются со мной, — сообщил Плоскоголовый. По его ухмылке можно было догадаться, что решение Садлера с Краском объясняется нежеланием иметь дело с Рейвер Стикс.

Я подмигнул и пошел наверх.

47

Я постучался в дверь.

— Амбер, ты там?

— Заходи. Не заперто.

Девушка сидела на кровати. Вид у нее был измученный.

— Ушла?

— Ушла, — подтвердил я, усаживаясь в кресло. — Мы кое о чем с ней договорились.

— Ну да, с ней куда интереснее, чем со мной.

— Честно говоря, твоя матушка мне не понравилась.

— И что с того?

— А то, что Гаррету гораздо интереснее с теми, кто ему нравится, нежели наоборот. Хотя порой я делаю вид, что это не так.

— Благодарю, — сумрачно произнесла девушка.

— Ну, в чем дело?

— Расследование почти закончено, верно?

— Завтра я собираюсь взять кое-кого за жабры.

— Кого именно?

— Пока не скажу. Вдруг я ошибаюсь?

— Особой радости это никому не доставит...

— Разумеется. Убийство есть убийство. Даже радость преступника обычно бывает недолгой.

— Значит, мы с тобой разбежимся, ты это хочешь сказать?

Мне захотелось спуститься вниз и дать Покойнику пинка. Старый хрыч подслушивал и, похоже, посмеивался. Ну почему он всякий раз оказывается прав?

— Не знаю, не знаю... Послушай, я иду во дворец, чтобы побеседовать с твоим отцом и доминой Даунт. Не желаешь составить мне компанию? Побудешь в шкуре молчаливого свидетеля, заодно переоденешься, ну и все прочее...

— Что такое «молчаливый свидетель»?

— Свидетель, присутствие которого заставляет говорить правду, поскольку те, кого спрашивают, знают, что он может опровергнуть их показания.

— Вот как? — Амбер нахмурилась. — Стоит ли? Родной отец...

— А как насчет домины Даунт?

— Пошли. — Девушка вскочила с кровати.

— С ума сойти! Сколько энтузиазма!

— Гаррет, я не хочу делать больно своему отцу. А ты наверняка загонишь его в угол и вынудишь признаться в том, что вряд ли понравится моей матери.

Что-то в ее тоне навело меня на подозрение, что Амбер готова поделиться со мной семейными секретами.

— Пожалуй, если я буду знать, о чем не стоит спрашивать, твоему отцу ничто не угрожает. Но тогда я должен знать...

— Не приставай ко мне! — В голосе Амбер прозвучали одновременно страдание и мольба о помощи.

— Амбер, я хочу тебе помочь.

— Это касается Ами... Ребенок от него. Больше не от кого.

— Признаться, я не слишком удивлен. И подозреваю, что твоя мать обо всем догадывается.

— Наверное. Но ей все равно этого не понять. — Бедняжка Амбер окончательно сникла. — Ами... Все произошло против ее желания.

— Что?! — Не может быть! Она бы такого не вынесла.

— Нет. Смертью он ей, конечно, не угрожал, нож к горлу не приставлял. Просто... так повернул обстоятельства, что... Понятия не имею, как. Мне она не рассказывала, только Карлу, от которого я и узнала...

— Ясно. — Я призадумался. Карл-старший и так числился в моем списке подозреваемых под номером один, а то, что я о нем узнал... Но где мотив преступления?

— Такое впечатление, будто Ами с отцом не понимали, что рано или поздно все откроется.

— Ладно, сделаем вот что. Я поговорю с твоим отцом наедине. Владычица Бурь ничего не узнает.

— Она не оставит вас вдвоем.

— Я скажу, что так нужно. И не вдвоем, а втроем, потому что со мной будешь ты.

— А это обязательно?

— Я хочу загнать его в угол и добиться всей правды. Тебе в лицо он лгать не станет.

— Мне это не нравится.

— Мне тоже. Но приходится пользоваться подручными средствами.

— Мой отец не делал того, в чем ты его подозреваешь.

— Беременность Амиранды скоро начала бы бросаться в глаза. Твоя мать, насколько мне известно, привыкла получать ответы на свои вопросы. Подумай, как бы она поступила, когда узнала...

— Гаррет, я согласна, мой отец жуткий трус. Но все же...

— Возможно, ты права. Но узнать истину можно только одним способом. — Я решил не упоминать о том, что Владычица Бурь установила беременность Амиранды без моей помощи.

— Гаррет, а у нас нет времени?..

— Боюсь, что нет. — Я покачал головой.

— Жаль.

Когда мы вышли в коридор, Амбер проговорила:

— Спорим, он даже не подозревает, что Ами была беременна? Она не сказала никому, кроме Карла.

Я хмыкнул. Сейчас баронет наверняка все знает, хотя раньше, вероятно, не подозревал.

— Мы уходим, — бросил я, заглянув в комнату Покойника.

— Будь осторожен, Гаррет. И последи за своими манерами.

— Слушай, старый плут, что там со Слави Дурадейником? Может, расскажешь, на случай, если я не вернусь? Не хочется отдавать концы в неведении.

— Рассказать человеку, который идет во дворец Владычицы Бурь? Нет, Гаррет. Вот вернешься, тогда поговорим.

В принципе он был прав.

Я без необходимости напомнил Дину, что дверь нужно запирать на все замки, и мы с Амбер вышли на улицу.

48

Я решил заглянуть по дороге к Летти Фаррен. Наверное, зря. Иногда невежество гораздо предпочтительнее знания.

Охранник меня знал. Ему было известно, что хозяйка Гаррета недолюбливает, поэтому он попытался остановить нас. У него ничего не вышло. Когда мы очутились внутри, Амбер застыла как вкопанная, не веря собственным глазам.

Я и сам изумился не меньше.

Заведение не работало, чего на моей памяти не случалось никогда. Меня охватило беспокойство. Я миновал бармена с уборщиком, не обратив ни малейшего внимания на крики: «Стой! Куда прешь?», и бросился в конуру, которую Летти именовала своим жилищем.

Мне хватило одного взгляда.

— Оставайся в коридоре, — велел я Амбер.

Летти Фаррен попыталась испепелить меня, но не смогла — не сумела разжечь огонь. Выглядела она ужасно, вся в синяках и кровоподтеках; лицо выражало ужас.

— Чодо? — спросил я.

Летти с трудом кивнула.

— Сказала бы мне сразу, где Донни, ничего бы с тобой не случилось.

Она просто посмотрела на меня — должно быть, так, как смотрела на головорезов Чодо. В мужестве старушке Летти не откажешь.

— Я теперь работаю на Рейвер Стикс. Честно говоря, я тебе не завидую. Оказаться между Владычицей Бурь и Чодо Контагью...

— Гаррет, мне не в чем было признаваться им и нечего рассказывать тебе. Если хочешь, приводи сюда старую ведьму. Я и ей повторю то же самое.

— Поправляйся поскорее.

Когда мы подходили к двери, Амбер спросила:

— Почему ты оставил меня в коридоре?

— Потому что Донни Пелл нужна не только мне. — Я решил ничего не скрывать. — У Летти побывали мои конкуренты, которые пытались выбить из нее местонахождение нашей подружки.

— Выбить?

— Вот именно. Суровые ребята. Между прочим, мне начинает казаться, что ты — единственный приличный человек во всем Танфейре.

— Гаррет, ты плохо меня знаешь. — Амбер нервически захихикала. — Честно говоря, ты тоже ничего.

Если так, значит, она меня вообще не знает.

49

У ворот дворца нас встретил незнакомец с повадками отставного солдата.

— Как отдохнули в солнечном Кантарде?

— Как обычно, мистер Гаррет, — ответил он, не моргнув глазом. — Из рук вон плохо. Владычица Бурь ожидает вас в зале для приемов. Мисс да Пена покажет дорогу.

— Спасибо. Кстати, как насчет Коуртера?

— В смысле?

— На цветы или на венок не скидываетесь? Я готов войти в долю. Ведь его убили, когда он шел ко мне.

— Мы еще не прикидывали, мистер Гаррет, но обязательно дадим вам знать, когда решим. Вы не против?

— Ни в коем случае. Еще раз спасибо.

Когда мы отошли на такое расстояние, что привратник уже не мог нас слышать, Амбер сказала:

— Видишь? А ты утверждал, что приличных людей в Танфейре не осталось.

— Это всего-навсего циничная попытка завоевать дешевую популярность.

— Как скажете, мистер Гаррет.

Рейвер Стикс приняла меня в полутемном помещении размерами с комнату Покойника. Она сидела, прикрыв глаза, настолько неподвижная, что я даже испугался. Неужели мы потеряли очередного члена почтенного семейства?

Нет. Глаза открылись и нацелились на меня. Я увидел перед собой не грозную Владычицу Бурь, а усталую пожилую женщину.

— Садитесь, мистер Гаррет. — Рейвер Стикс вдруг преобразилась, как оборотень в полнолуние. — Амбер, на твоем месте я бы закрылась у себя в комнате, но если ты боишься расстаться с мистером Гарретом, можешь поприсутствовать при нашем разговоре.

Да, пожилая женщина стала Владычицей Бурь, но все же осталась заботливой матерью.

Амбер села рядом со мной, и я, пользуясь тем, что Рейвер Стикс не видит, пихнул девушку под столом ногой.

— Спасибо, мама. Я действительно не хотела бы пока расставаться с мистером Гарретом.

Вот так. Зачастую все, что требуется для того, чтобы быть вежливыми друг с другом — присутствие постороннего человека, в глазах которого не хочется выглядеть глупцом.

— Дело твое. С кого вы хотели бы начать, мистер Гаррет?

— С домины Даунт.

— С Уиллы Даунт, — поправила Владычица Бурь. — Она лишилась своего титула, поэтому к ней следует обращаться по имени.

— Вам виднее, госпожа. Так или иначе, я предпочитаю начать с нее. Затем мы побеседуем с вашим мужем и, если понадобится, со слугами.

— Стоит ли опускаться до таких мелочей?

— Может, и не стоит. Однако в расследовании, как известно, решающую роль нередко играют именно мелочи.

— Знаете, мне хочется карать всех подряд, а уж боги пусть разбираются, кто виноват, а кто нет.

Порой у меня возникало подобное желание в отношении наших правителей. Правда, следуя совету Покойника, я не стал признаваться в том Владычице Бурь.

— Понятно.

— Мы с Амбер вам мешать не будем?

— Я хотел бы, чтобы вы присутствовали при разговоре с Уиллой Даунт, а вот Амбер я попрошу пока уйти. Я уже объяснил ей, что и как. Давайте договоримся: как только Амбер появляется, вы уходите. Не думаю, что эти ухищрения помогут, но почему бы не попробовать?

— Хорошо.

— Еще я хотел бы просмотреть документы. В особенности письма похитителей. Вы их читали?

— Да.

— Почерк вам незнаком?

— Нет. Но писала, по-моему, женщина.

— Мне тоже так показалось. Столько завитков... Честно говоря, я даже подозревал, что эти письма сочиняла Амиранда.

— У Амиранды был почерк пьяного тролля. Такой не спутаешь ни с каким другим.

— Ясно. Что касается вашего мужа, я хотел бы поговорить с ним наедине. Со слугами же поступим следующим образом: если ваше с Амбер присутствие будет их смущать...

— Все понятно, мистер Гаррет. Начнем?

— Пожалуй. Где Уилла Даунт?

— В своем кабинете. Выполняет мое поручение.

— Амбер, будь добра, приведи ее. И скажи, чтобы не забыла документы.

— Слушаюсь, хозяин. — Девушка подмигнула. Ее мать прекрасно все видела.

— Госпожа, я был бы весьма признателен, если бы вы отложили на денек-другой расправу над Уиллой Даунт и всеми прочими. Завтра я хочу пригласить вас на прогулку, во время которой мы посетим те

места, где преступники получили выкуп и убили Амиранду.

— Это необходимо?

— Да. Я рассчитываю, что после прогулки никаких сомнений уже не останется.

Владычица Бурь не стала расспрашивать подробно, за что я был благодарен. По правде говоря, не такая уж она и страшная.

Мы молча ждали.

50

Наконец появилась Уилла Даунт с бумагами под мышкой.

— Вы звали меня, мадам? — Похоже, мое присутствие ее не удивило (и не должно было, если вдуматься — ведь у нее наверняка хватает осведомителей среди слуг).

— Мистер Гаррет расследует по моему поручению обстоятельства гибели Амиранды, Карла и Коуртера. Он выразил желание задать вам несколько вопросов. Будьте любезны, Уилла, отвечайте искренне.

Когда Владычица Бурь упомянула Коуртера, я приподнял бровь. Любопытно. Да, в уме ей не откажешь.

— Передайте мистеру Гаррету документы.

— Вы стервятник, мистер Гаррет, — проговорила Уилла Даунт. — Не уйметесь, пока не выклюете глаза всем.

— Если мне не изменяет память, я всякий раз появлялся во дворце да Пена отнюдь не по собственному желанию. Вспомните. Хотя вы вряд ли запоминаете подобные мелочи.

— Ваше остроумие по-прежнему на уровне.

— Уилла, замолчите. Будете говорить, только когда вас спросят. Садитесь.

— Хорошо, мадам.

Зверь, что называется, выпустил когти.

Уилла Даунт села в кресло. Ее лицо, как обычно, ровным счетом ничего не выражало.

Ладно, голубушка, сейчас ты у нас попляшешь. Я принялся изучать документы. В письмах подробно объяснялось, что и как следует делать. Я отложил в сторону те, которые видел раньше, пристально поглядел на Уиллу Даунт и спросил:

— Когда вы начали догадываться, что похищение Карла инсценировано?

— Когда исчезла Амиранда. Перед тем как сбежать, она вела себя весьма странно и подолгу о чем-то шепталась с Карлом.

Врет и не краснеет. Ведь Амиранда сбежала из дома уже после того, как Уилла Даунт поехала выкупать Младшего. Или... Или она заблаговременно узнала о планах девушки?

— А когда вы поняли, что преступники взялись за дело всерьез?

— Когда приехала туда, где должна была передать выкуп. Боюсь, я утратила самообладание. Эти бандиты напугали меня до полусмерти.

— Опишите их, пожалуйста.

Она нахмурилась.

— Я вас уже спрашивал, при каких обстоятельствах вы передали деньги. Вы не пожелали ответить, на что в прошлый раз имели полное право. Но теперь все иначе. Слушаю вас. — Я взял в руки письмо, которого еще не читал.

— На дороге стояли две закрытые коляски. Бандитов было по меньшей мере четверо. Возницы-полукровки, какой-то человек весьма отталкивающей наружности и очень симпатичная девушка. Главным был тот урод.

— Что значит «по меньшей мере»? Там был кто-то еще?

— Меня не выпускали из экипажа, но мне показалось, что в одной из колясок кто-то есть... Впрочем, я могла и ошибиться.

— Гм... — Я переставил свое кресло так, чтобы на него падал свет. — Продолжайте. И постарайтесь ничего не упустить.

Уилла Даунт принялась рассказывать замогильным голосом, словно жизни в ней оставалось всего ничего. Я услышал практически то же самое, что уже знал от Скредли, поэтому стал проглядывать письма. Одно из них привлекло мое внимание. Я перечел его дважды. Неужели нашел?

Уилла Даунт тем временем дошла в рассказе до моста через Малую Сосновую речку, от которого поехала домой.

— Минуточку, — перебил я.

Она замолчала.

— Эта история с выкупом сильно смахивает на глупую шутку. Деньги получили, а жертву не вернули. Тут, разумеется, вашей вины нет, вы ничего не могли поделать. Кроме того, бандиты позволили вам разглядеть себя и отпустили подобру-поздорову, хотя знали, что вы — секретарь женщины, сына которой они собирались в скором времени убить.

— Я не могу этого объяснить. Сказать по правде, когда я поняла, что Карла с ними нет, то решила, что меня непременно убьют.

«Неужели ты не приняла никаких мер предосторожности? Отдала бы, например, не весь выкуп, а только часть — остальное, мол, когда вернете Карла. Или заявила, что привезла столько, сколько смогла. Что-нибудь в этом духе, ведь иначе ты бы сейчас здесь не сидела».

Вслух ничего подобного я, конечно, говорить не стал.

— Они не упоминали при вас никаких имен?

— Нет.

— А хорошо вы их разглядели?

— Достаточно хорошо, чтобы узнать, если увижу. Девушка и урод держались в тени, но я отлично вижу в темноте, поэтому они зря старались. Скорее всего, просто не догадывались.

— Может быть. Теперь это не имеет ни малейшего значения. Все они мертвы, кроме девушки.

Уилла Даунт вопросительно поглядела на меня, ожидая продолжения. Ну и выдержка у нее, черт возьми!

Что ж, я выяснил все, что хотел, в присутствии Владычицы Бурь. Интересно, как бы потактичнее намекнуть... Тут в зал вошла Амбер.

Рейвер Стикс молча поднялась и вышла за дверь.

— Я ничего не нашла, — прошептала Амбер. — Дневника она не вела...

— Амбер, шептаться на людях невежливо, — заметила Уилла Даунт.

Я утвердительно кивнул.

— Счета как будто в полном порядке. Серебро продавалось в пределах от семи до пятнадцати процентов ниже рыночной цены. Я не то чтобы уверена, но мне кажется, что в данных обстоятельствах это было оправданно. Кстати, сейчас стоимость серебра упала настолько, что бывшие покупатели стали продавцами.

Амбер есть Амбер — никогда не забывает о деньгах и драгоценных металлах.

— Кто покупал серебро?

Девушка протянула мне список.

— Очень интересно. Лаймен Гамелеон, едва ли не главный подозреваемый, приобрел больше всех, причем с максимальной скидкой.

Даже это не проняло Уиллу Даунт.

— Положение было отчаянным, — сказала она, — поэтому я продавала серебро за ту цену, которую мне предлагали. Владычица Бурь проверила счета и ни в чем меня не упрекнула.

— Амбер, ты помнишь, когда заключались сделки? — справился я, повинуясь некоему внутреннему голосу.

— Нет. Посмотреть?

— Не стоит, — проговорила домина. — Я помню. — И начала перечислять даты с такой уверенностью, будто читала по бумаге.

Судя по датам, сделки совершались почти одновременно, что, по всей видимости, не могло не вызвать определенных осложнений.

— Гамелеон знал, зачем вы покупаете золото?

— Лорд Гамелеон, мистер Гаррет.

— Да хоть Мальчик-с-Пальчик. Знал или нет?

— Разумеется. Иначе бы он отказался.

Что ж, это подтверждает мою догадку о связи Гамелеона с Донни Пелл.

— По-вашему, это было разумно?

— Сейчас мне думается, что вряд ли. Но тогда у меня не было выхода.

— Допустим. Ладно, на сегодня все.

— На сегодня?

— Завтра с утра мы все отправляемся на прогулку.

Уилла Даунт озадаченно поглядела на меня. Дескать, что еще я там задумал?

— Пригласите, пожалуйста, баронета.

Довольно долго никого не было. Я уже начал злиться. Наконец дверь открылась, но вошел вовсе не баронет. Вернулась Владычица Бурь в сопровождении Уиллы Даунт.

— Вы по-прежнему хотите поговорить со слугами, мистер Гаррет? — Голос Рейвер Стикс напоминал одно из тех климатических явлений, которыми она повелевала.

— А где ваш муж?

— Честно говоря, я бы сама не прочь это узнать. Он ушел из дворца вскоре после вашего появления здесь. Видели, как он входил в дом своего кузена, лорда Гамелеона, который живет напротив. Лорд Гамелеон подтвердил, что мой муж к нему заходил, но уверяет, что они давно расстались. Так, как насчет слуг?

— К черту. — Вдруг накатила чудовищная усталость. — Думаю, обойдусь. Если вы не против, пойду отсыпаться. Встретимся завтра в восемь утра у моего дома. У меня к вам просьба, госпожа. Постарайтесь устроить побольше суматохи, чтобы привлечь внимание тех, кто может заинтересоваться.

— Хорошо, мистер Гаррет. Уилла, тогда на сегодня все.

— Амбер, ты остаешься? — осведомился я.

— Нет, я иду с тобой, — ответила она, не поднимая глаз. — Но мне нужно собрать вещи.

Похоже, девушка все-таки набралась мужества и решила утереть нос матери. На лице Владычицы Бурь заиграли желваки, однако она промолчала. Видимо, усвоила на собственном опыте, что бывают и поражения.

Первое, что я сделал, вернувшись домой, — написал записку Морли Дотсу и отправил ее с одним из соседских мальчишек. Затем сообщил Покойнику последние новости, притворился, будто хочу выудить из него тайну Слави Дуралейника, с тем чтобы просто-напросто польстить старому хрычу. После чего мы с Амбер уничтожили приготовленный Дином ужин и я отправился спать.

Обычно я не помню, что мне снилось, а тут запомнил, хотя всей душой желал забыть.

51

Дин разбудил меня заблаговременно. Мы позавтракали, собрали провизию в дорогу. Я прихватил из домашнего арсенала пару подходящих для дамы стилетов и обучал Амбер владению оружием, пока не прибыл кортеж ее матери.

Рейвер Стикс проявила удивительную заботливость. Она каким-то образом выяснила, что я не располагаю собственным средством передвижения, а потому предоставила мне лошадь из своей конюшни. Сама Владычица Бурь сидела в карете. Амбер подсела к Уилле Даунт, которая правила коляской. Представляю, как им будет весело вдвоем.

Я заглянул лошади в глаза. Она и не подумала отвернуться, однако бесовской искорки в ее взгляде я не заметил. Видимо, эта лошадь обо мне не слышала.

Владычица Бурь приятно удивила меня не только своей заботливостью. Я думал, мне придется убеждать ее в том, что отправляться на прогулку в сопровождении небольшой армии — чрезмерная роскошь. Но Рейвер Стикс взяла с собой всего-навсего двух охранников.

Впрочем, колдунам, по всей вероятности, охрана нужна лишь для того, чтобы подчеркнуть свое положение в обществе.

— Поезжайте вперед, — сказал я Уилле Даунт. Та бесстрастно кивнула. Амбер, увидев, что я предпочитаю держаться сзади, развернулась лицом ко мне. Впрочем, нас с ней разделяла карета ее матушки.

Уилла Даунт пустила лошадей рысью. Иногда она притормаживала, поджидая, пока карета Владычицы Бурь нагонит ее коляску. Я ехал футах в пятидесяти за каретой. На городских улицах нас провожали любопытными взглядами, но стоило выехать за город, как на кортеж перестали обращать внимание. Я приглядывался к работавшим на полях крестьянам и попутно сопоставлял карту с местностью.

Ничего похожего на то место, которое я нарисовал себе в мыслях, пока не обнаруживалось.

Может, потолковать с Уиллой Даунт? Глядишь, что-нибудь да узнаю.

Ага. После дождичка в четверг.

К тому же у меня есть веские основания держаться позади.

Морли догнал меня, когда кортеж преодолел две трети расстояния до перекрестка. Над дорогой нависали деревья, поэтому можно было рассчитывать, что нас никто не заметит.

Поравнявшись со мной, Морли натянул поводья.

— Они едут за вами. Гамелеон и шестеро его ребят. Все как на подбор.

— Догонять нас они не собираются?

— Нет.

— Отлично. Значит, птички попадут в клетку все сразу.

— Ты спятил, Гаррет. Семеро сзади, неизвестно сколько впереди, а ты рассуждаешь так, словно командуешь дивизией..

— На их стороне число, а на моей — Владычица Бурь. Предупреди Плоскоголового.

Морли кивнул и поскакал прочь.

Все выходило как нельзя лучше. Оставалось только надеяться, что когда западня захлопнется, меня в ней не будет.

К тому времени, когда мы добрались до перекрестка, настроение у меня слегка ухудшилось, поскольку я не заметил ни единого местечка, которое могло бы подтвердить правильность моей теории насчет выкупа. Правда, от основной дороги отходило несколько боковых, с которыми следовало при случае ознакомиться. Но это потом, если представится возможность и если Амбер не заразится от Гаррета ощущением безысходности.

Наверное, я допустил ошибку. Начал делить шкуру неубитого медведя. Решил, что все знаю, и на тебе.

— Стойте! — крикнул я, когда Уилла Даунт свернула на запад. Сам виноват, надо было предупредить, что на перекрестке мы остановимся.

Она подчинилась. Я спешился и огляделся по сторонам. Где Плоскоголовый? Он должен был ждать здесь.

Друг Уолдо выступил из-за дерева. Краем глаза я заметил, как всплеснула руками от удивления Уилла Даунт.

— Что мы имеем?

— Ты был прав. Она там.

— Одна?

— Если бы! В дружеской компании. Один заявился вчера около полуночи, остальные, все гоблины, явились уже сегодня.

— Скредли тоже там?

Плоскоголовый кивнул.

— Сколько их всего?

— Пятнадцать.

— Садлер с Краском ведут себя прилично?

— Они не дураки, Гаррет. Знают, что можно, а чего нельзя.

— Рад слышать. Пойду расскажу Владычице Бурь. К дому можно подъехать незаметно?

— Да. А как быть с парнями, которые едут сзади?

— Они сами о себе позаботятся. — Я перебежал на другую сторону дороги и пригласил себя в карету Рейвер Стикс.

— Почему мы остановились, мистер Гаррет?

Я объяснил и прибавил:

— Откровенно говоря, я не предполагал, что их окажется так много. А в остальном все в порядке. Хотите что-нибудь уточнить?

— Тот, кто пришел ночью... Это мой муж?

— Вполне может быть. К сожалению, мой человек не знает его в лицо.

— Как по-вашему, лорд Гамелеон знает, куда едет?

— Понятия не имею.

— Может, проследить за ним?

— Стоит ли, госпожа?

— А почему нет, мистер Гаррет?

— Потому что их семеро, а я один.

— У вас есть я.

«Неужели? — мысленно спросил я. — И что мне с тобой делать?»

— Хорошо. Мы пойдем с моим другом. А вы будьте осторожны.

— Это вы будьте осторожны, мистер Гаррет. И прихватите с собой Амбер.

— С ней все будет в порядке. — Я вылез из кареты. — Амбер, ты идешь со мной.

Владычица Бурь также покинула карету. Сказала что-то вознице, тот кивнул. Второй охранник спрыгнул на землю и вместе с Рейвер Стикс уселся в коляску, которая тут же тронулась с места.

— Куда мы идем? — поинтересовалась Амбер.

— Гулять по лесу. — Я привязал свою лошадь к карете, и мы поспешно скрылись за деревьями.

Мгновение спустя мимо проскакал лорд Гамелеон. Его слуги, все без ливрей, усиленно притворялись, что не замечают карету Владычицы Бурь.

— Она поехала прямо туда? — спросил Плоскоголовый.

— Наверное. Надо торопиться. Где Морли? Где Краск и Садлер?

— Иди за мной, Гаррет. Правильно, мисс да Пена?

— Правильно, мистер Тарп. Ведите.

52

Мы рассчитали все до секунды.

Когда мы достигли опушки, неизвестно откуда появился Морли.

— Неплохо для городского увальня, — одобрил я. Садлер с Краском присоединились к нам не менее неожиданно. Если бы они были не на нашей стороне, у нас возникли бы серьезные неприятности. — Что слышно?

— Кричат.

— Да ну?

— Точно. Видимо, кто-то задает вопросы, на которые другие не горят желанием отвечать.

Признаться, я ничуть не удивился.

— Там что-то происходит, — сказал Краск.

Я подошел к нему. С этого места ферма была видна как на ладони. Из дома выбегали гоблины и сломя голову неслись через поле к дороге.

— Должно быть, дозорный заметил коляску.

Кто-то фыркнул.

— Интересно, они выставили часовых? Или только наблюдают за дорогой?

— Второе, — ответил Садлер. — Это же гоблины.

— По-моему, Владычица Бурь допустила ошибку. Такие типы, как правило, сначала убивают, а уж потом разбираются, кого и за что.

— Пока они отвлеклись, самое время подобраться поближе, — сказал Плоскоголовый. — Если держаться края низины, можно подойти чуть ли не вплотную. К валунам, которые остались от амбара.

Я посмотрел в ту сторону, куда он показывал, но, как ни приглядывался, никаких валунов не увидел.

— Ты там был?

— Естественно. Я же должен был разведать дорогу.

— Тогда пошли.

Первым двинулся Плоскоголовый, за ним Краск и Морли. Следом Амбер, которой я настоятельно советовал пригибаться пониже. Замыкали шествие мы с Садлером.

Мы преодолели приблизительно половину пути, когда из леса донеслись вопли. Все замерли.

— Что-то непохоже, чтобы гоблинов застали врасплох.

— Да уж.

— Идем дальше.

Некоторое время спустя мы достигли груды камней ярдах в тридцати от дома. И тут из леса высыпала шайка Скредли. Бандиты вели пятерых или шестерых пленников.

— Гамелеон, — пробормотал я. — А где же Владычица Бурь?

— Гаррет, их дюжина, — проговорил Морли. — Нас не видно, так почему бы не напасть? Или ждешь, пока они доберутся до дома?

Признаться, особого восторга его предложение у меня не вызвало, но рассчитывать на то, что ситуация переменится к лучшему, не приходилось. Я оглядел остальных. Все утвердительно кивнули.

— Амбер, оставайся здесь. Когда все кончится, я крикну.

Она притворилась, что не слышит, и, когда мы двинулись к черному ходу, увязалась за нами. Я выругался себе под нос, но делать было нечего: не применять же, в самом деле, грубую силу?

Нас никто не заметил. Войти в дом первым вызвался Морли. Никто не возражал и не пытался оспорить эту сомнительную честь.

Внутри находились три гоблина, женщина и старший Карл да Пена. Двух гоблинов поверг на пол неустрашимый Морли Дотс, третий хотел было закричать, но только захрипел, когда Краск перерезал ему глотку.

Садлер расправился с теми, кого оглушил Морли.

Желудок Амбер поспешил избавиться от своего содержимого.

— Тебе предлагали остаться. — Я заскрежетал зубами и повернулся к людям. Похоже, наше появление не очень-то их обрадовало. — Что, баронет, из огня да в полымя?

Обоих привязали к стульям. У баронета во рту торчал кляп, женщина же, судя по всему, уже просто не могла ни говорить, ни тем более кричать. Обоих явно пытали.

— Вы, должно быть, пресловутая Донни Пелл. Давно мечтал с вами познакомиться. Честно говоря, сейчас по вашему виду не скажешь, что мужчины из-за вас теряют головы.

— Хватит трепаться, Гаррет, — пробурчал Морли. — Они идут.

Я поглядел в окно.

— Этот клоун Скредли набрал целую армию.

— Ничего, справимся. Им ведь надо приглядывать за пленниками.

— Меня восхищает твоя уверенность. Может, я пойду, а вы тут сражайтесь?

— Если пойдешь, то только черту в лапы! Что делать будем?

— Краск, Садлер, спрячьтесь в коридоре. Плоскоголовый, ты встань за дверью. Когда войдут четверо-пятеро, захлопнешь. Но не раньше. Мы с Морли укроемся на кухне. Амбер, а ты жди снаружи.

На сей раз она подчинилась. Страх — отличный воспитатель.

— А еще меня обзывал стратегом, — пробурчал Морли и покорно отправился на кухню.

Правда, даже гениальным стратегам свойственно ошибаться. Когда Плоскоголовый попытался захлопнуть дверь, на пороге как раз появился Скредли в сопровождении еще двоих гоблинов. С двумя Тарп справился — попросту вышвырнул вон, а вот третий застрял между дверью и косяком, и пока Плоскоголовый пыжился и кряхтел, норовя закрыть дверь, гоблин вопил как резаный. Наконец дверь захлопнулась, а мы прикончили тех пятерых, что оказались в ловушке.

— Порядок, — усмехнулся Морли. — Впускай остальных.

Дверь распахнулась, Плоскоголовый отлетел в сторону. В дом ворвался Скредли.

Мы ожидали, что они будут размахивать ножами, но никак не предполагали, что им на помощь придут слуги Гамелеона.

— Нас подставили, Гаррет, — пробормотал Плоскоголовый.

В одной руке у меня был нож, в другой — дубинка. Удерживая на безопасном расстоянии двоих гоблинов и человека, я подобрался к окну и выглянул наружу.

Никакой тебе Владычицы Бурь.

Может, она угодила в засаду и ее благополучно пристукнули?

Я ударил одного из противников в пах, но не слишком сильно. Меня потихоньку оттесняли к кухне. Я был настолько занят, что не имел возможности перевести дух и оглядеться по сторонам. Ну да ладно, выиграем мы или проиграем, Скредли все равно свое получит. Ведь ему противостоят лучшие силы Танфейра.

Слабое утешение.

Я от души огрел одного из гоблинов дубинкой. Он зашатался, рухнул под ноги товарищам. Воспользовавшись секундной заминкой, я выпрыгнул в окно.

Приземлился не слишком удачно. Дыхание никак не желало восстанавливаться, однако у меня хватило сил, чтобы научить уму-разуму парня, который пытался повторить мой подвиг. Череп я ему не проломил, но шишка будет.

Я подковылял к двери, приоткрыл ее и кинул внутрь один из подаренных ведьмой кристаллов. После чего прислонился к стене и стал ждать.

Кристалл не подвел. Вскоре в доме сделалось удивительно тихо.

Когда я вошел, все лежали вповалку на полу, держась за животы. Я принялся колошматить противников по головам. Когда вырубился последний, я всех их связал, памятуя о том, что кристалл вот-вот перестанет действовать.

Морли подполз к стене, принял сидячее положение и прохрипел, испепелив меня взглядом:

— Предупреждать надо, черт возьми. Я чуть концы не отдал.

— Где твоя благодарность, Морли?

О взглядах, которыми одарили меня Садлер с Краском, не стану и упоминать. Мне повезло, что у них не было сил подняться.

Снаружи донеслись какие-то звуки. Я выглянул за дверь.

Наконец-то прибыла Владычица Бурь.

Она выбралась из коляски и подошла ко мне. Я отступил в сторону. Рейвер Стикс прошла внутрь, обозрела поле боя, принюхалась и с подозрением поглядела на меня.

— Все налицо, — сообщил я. — Немножко уберемся, и можно начинать.

— Хорошо. — Она приблизилась к баронету, которого в пылу схватки повалили на пол вместе со стулом, окинула его взглядом, затем повернулась к Донни Пелл. — Это и есть та самая шлюха, мистер Гаррет?

— Еще не уточнял, но думаю, да.

— Выглядит она, прямо скажем, не очень.

— С женщинами так всегда. Если ее умыть и приодеть, ей не составит труда обольстить очередного кавалера.

Владычица Бурь метнула на меня взгляд, подобного которому я еще не удостаивался.

Тем временем в дверном проеме появилась Уилла Даунт. Судя по всему, она впервые за время нашего с ней знакомства пребывала в полной растерянности.

— Плоскоголовый, почему бы тебе не привести Амбер? — Я удостоился взгляда не менее мрачного, чем тот, каким меня наградила Рейвер Стикс. Тем не менее Тарп кивнул и вышел за дверь. — Госпожа, — продолжал я, — не знаю, по адресу ли обращаюсь, но не могли бы вы прочитать какое-нибудь исцеляющее заклинание?

— Мистер Гаррет, всякий, кто сражался с полководцами венагетов, может творить элементарные исцеляющие заклинания.

— Так уж и всякий? — усомнился я. В комнату вошла мертвенно-бледная Амбер. — Привыкай, детка. Жизнь бывает порой жестокой. Плоскоголовый, ты как?

— Жить буду. Слушай, сколько раз тебя просить — предупреждай заранее! — Он моргнул и приложил ладонь к животу.

Я не стал объяснять, что, последовав его совету, предупредил бы не только своих, но и чужих.

53

Тела гоблинов и слуг Гамелеона мы побросали в траву, не разбирая, кто действительно мертв, а кто только ранен. Потом пришлось рассаживать гостей. Место нашлось всем, на ногах остался лишь я да Амбер. Девушка прислонилась спиной к дверному косяку; чувствовалось, что она сильно нервничает.

— Приступайте, мистер Гаррет, — произнесла Владычица Бурь. Она сидела на колченогом стуле, однако впечатление было такое, словно тот вдруг преобразился в роскошный трон.

— Хорошо, госпожа. Начнем с моего приятеля Скредли. Будь добр, расскажи этим людям все то, что рассказывал мне в доме Чодо. Но учти, эта дама гораздо суровее нашего общего знакомого.

Скредли, который вновь преисполнился обреченности, принялся рассказывать, чуть ли не слово в слово повторяя то, о чем поведал мне.

Главной злодейкой по-прежнему оставалась Донни Пелл. Стоило понаблюдать, какие взгляды она бросала на гоблина, будто требуя, чтобы он представил ее в более выгодном свете.

На да Пена и Гамелеона посмотреть тоже стоило. И на домину Даунт — когда та поняла, что ошибалась, отказываясь верить всем слухам подряд.

Скредли закончил. Я повернулся к Гамелеону.

— Не хотите ничего добавить?

— Я хочу содрать с тебя шкуру!

— Гаррет, может, стукнуть его пару раз, чтобы научился вежливости? — осведомился Морли. — С детства мечтал услышать, как хрустят благородные кости.

— Думаю, обойдемся без этого.

— Ну разреши хоть руку вывернуть! Плоскоголовый, а может, мы с тобой подвесим его за ноги?

— Хватит! — процедил я.

Рейвер Стикс вытянула в направлении Гамелеона левую руку — ладонь кверху, пальцы растопырены. Лицо Владычицы Бурь оставалось бесстрастным, но между пальцами руки вдруг замерцали лиловые искорки.

— Нет! — воскликнул Гамелеон. Неожиданно он испустил пронзительный вопль (я и не подозревал, что он умеет так кричать) и обмяк на стуле.

— С одним разобрались. Ваша очередь, баронет. Что споете вы?

Баронету петь явно не хотелось, особенно в присутствии супруги, которой были известны все его уязвимые места.

— Карл, — проговорила Владычица Бурь, — увертки ни к чему хорошему не приведут. — Она вновь вытянула руку. Опять замерцали искры. Баронет съежился и заскулил. Рейвер Стикс опустила руку и криво усмехнулась. — Ты знаешь, я слов на ветер не бросаю.

Да уж, подумалось мне. Я огляделся. Сколько бледных лиц — Гамелеон, да Пена, Уилла Даунт... Амбер, по-видимому, жалела, что вообще увязалась за мной. А бедняга Скредли, должно быть, корил себя за то, что ему взбрело в голову вернуться и попытаться отомстить.

Что касается Донни Пелл... Я повнимательнее пригляделся к девушке. Точнее, позволил себе приглядеться, ибо до того опасался, что ее чары могут подействовать даже на меня.

Она выглядела невинной овечкой. Невысокого роста, симпатичная; ей было, наверное, под тридцать, однако миловидное личико и смуглая кожа придавали Донни Пелл вид девочки-подростка. Не сказать, чтобы красивая, но, безусловно, привлекательная. Даже привязанная к стулу и облаченная в лохмотья, она будила в мужчине желание обладать и стремление защитить.

Мне несколько раз доводилось встречать таких вот Донни Пелл. Они весьма умело манипулировали мужчинами — творили, что хотели, причем эти мужчины испытывали одновременно физическое желание и нечто вроде отцовского чувства. Между прочим, несмотря на умение крутить сильным полом, в голове у сих юных особ обычно ничего нет.

В Донни Пелл, судя по всему, пропадает великая актриса. Как лихо она перевернула представления патриархального общества о роли женщины, как ловко подчинила своей воле всех представителей противоположного пола, с которыми ее свела судьба!

Но ее привлекательность и шарм были всего-навсего маской, под которой скрывалась жестокая, бессердечная личность, этакий Морли Дотс в женском обличье. Неудивительно, что она вертела Скредли и его сородичами как хотела.

— Мистер Гаррет, мы ждем, — напомнила Рейвер Стикс.

— Я просто прикидываю, с какого бока подступиться. Ведь на данный момент ни у кого из них нет причин быть с нами откровенным.

— Придется, если они хотят остаться в живых. — Владычица Бурь встала и подошла ко мне. — Кто-то из них приказал убить Амиранду и моего сына. Пока не знаю, кто именно, но он за это заплатит. Возможно, остальные составят ему компанию, если не сумеют убедить меня в своей невиновности. Чем не причина для откровенности, мистер Гаррет?

— Целиком и полностью с вами согласен. Остается только вразумить тех, кто полагает, будто общественное положение защищает их от подобной, так сказать, несправедливости.

— Справедливость тут ни при чем. Мною движет кровожадное желание отомстить. Политические последствия меня не интересуют. Мне глубоко наплевать, что будет потом.

Последний довод снял все сомнения. Я поглядел на баронета и Гамелеона. Карл-старший, похоже, разделял мою точку зрения, а вот Гамелеон никак не желал смириться с поражением.

— Как насчет Коуртера? — спросил я вполголоса.

— Я о нем не забыла, — также вполголоса ответила Владычица Бурь.

Оглядев присутствующих, я повернулся к Уилле Даунт.

— Вы не хотите что-либо добавить к тому, что уже рассказали?

Она недоуменно посмотрела на меня.

— Не думаю, что вы причастны к убийствам. Тем не менее это по вашему настоянию инсценированное похищение превратилось в настоящее, верно?

Она вздрогнула. Уилла Даунт вздрогнула! Пропустив удар оттуда, откуда меньше всего ожидала, она сразу же сломалась. Амбер почувствовала, куда я клоню, и метнула на меня предостерегающий взгляд. Я подмигнул девушке.

— Ну что, никто не хочет чистосердечно признаться?

Молчание.

— Ладно. Тогда я изложу, как все было, а если вдруг ошибусь или кого-то забуду — не стесняйтесь, поправляйте.

— Мистер Гаррет.

— Прошу прощения, госпожа. Итак. Все началось давным-давно, когда женщина с Холма, которой не следовало иметь детей, все же их завела.

— Мистер Гаррет!

— Госпожа, по условиям контракта вы обязались не вмешиваться в ход расследования. Я собирался подобрать соответствующие формулировки, но поскольку вам не терпится все услышать, будьте любезны не перебивать. Вы превратили жизнь членов своего семейства в сущий ад, довели их до того, что они мечтали только о том, как бы удрать из дворца. Впрочем, до тех пор, пока вы не отбыли в Кантард, ни у кого не хватало смелости попытаться. Да и тогда вряд ли бы что-нибудь произошло, если бы Амиранда, сама того ни капельки не желая, не забеременела от вашего супруга.

Амбер испепелила меня взглядом. Уилла Даунт вскрикнула. Рейвер Стикс явно не понравилось, что я раскрыл семейную тайну. Баронет же потерял сознание.

— Как только она поняла, что беременна, Амиранда отправилась к своему единственному другу — вашему сыну. Вместе они придумали план, который должен был избавить девушку от позора. Получив выкуп за якобы похищенного Младшего, они собирались бежать из Танфейра и зажить новой жизнью.

Но им требовалась помощь. Ведь все следовало обставить настолько правдоподобно, чтобы Владычица Бурь ничего не заподозрила. И оставалась в полной уверенности, что ее сына похитили какие-то

бессовестные злодеи. Ради чего? Ради своего отца, которого, несмотря на все его фортели, отпрыски семейства да Пена любили и продолжают любить.

— Мистер Гаррет!

— Не перебивайте меня, госпожа. — Я повернулся к Донни Пелл. — Им требовалась помощь. Младший обратился к своей подружке, которая пообещала все устроить. И практически сразу дела пошли наперекосяк, потому что у Донни Пелл иначе не бывает.

Она рассказала обо всем своим дружкам, рассчитывая извлечь из этого выгоду для себя. Поведала баронету, надеясь, по-видимому, что он погладит ее по головке. Поставила в известность лорда Гамелеона, хотя здесь я не уверен — Гамелеон мог узнать о происходящем откуда угодно.

Донни предполагала использовать шайку гоблинов, которые воровали товары со склада да Пена и продавали их Гамелеону. Но домина Даунт, которой стало известно о хищениях, отправила на склад Младшего, поручив проверить, что там творится. А Младший рассказал вам, — я ткнул пальцем в Донни. — Тем временем Старший посвятил в заговор Уиллу Даунт.

Домина затрясла головой.

— Младшего якобы похитили и доставили сюда, на ферму, где выросла Донни. А домина Даунт для прикрытия обратилась за помощью к Гаррету. Похитители решили, что мне поручено расследовать воровство на складе, и попытались заставить меня отказаться.

Дальше возникла неразбериха. Никто из главных действующих лиц не понимал, что происходит, поскольку события накладывались одно на другое. Все домочадцы Рейвер Стикс решили, что им наконец-то представилась возможность покинуть ненавистный дворец. Их сообщники-бандиты были не прочь заполучить деньги себе. Но и тем, и другим было ясно, что, если начнется расследование, узнают и о беременности Амиранды, и о воровстве на складе. Поэтому Младший решил вернуться домой — замести следы, дабы Владычица Бурь продолжала пребывать в блаженном неведении. Но тут вмешался я, хотя меня никто о том не просил.

Короче. Похитители потребовали выкуп. Домина принялась собирать деньги, а Амиранда, которая уже догадывалась, что план пошел насмарку, поехала на встречу с Младшим.

Но бандиты, которых наняла Донни, учуяли запах золота и решили: к черту этого сосунка! И впрямь, что он может сделать? Пожаловаться мамочке?

Карл-старший, который рассчитывал завладеть половиной того, что причиталось Донни, предупредил ее: Амиранда настроена достаточно решительно и собирается во всем признаться Рейвер Стикс, когда та вернется. — Я смерил взглядом смертельно бледного баронета, который успел прийти в себя. — И Донни снова все устроила. Мечта Амиранды покинуть дворец осуществилась. Полагаю, Младшему намеревались сообщить следующую версию: мол, Ами сбежала, прихватив с собой его долю.

Донни Пелл издала некий звук и замотала головой. Владычица Бурь поглядела на нее так, как смотрит на кролика удав.

Честно говоря, я слегка сомневался в собственных словах. Смерть Ами была выгодна только баронету. Однако вряд ли он велел убить девушку — по крайней мере, ради денег, которых, кстати, все равно не получил.

— Кто приказал убить Амиранду? — спросил я у Донни Пелл. — Ты ведь знаешь, верно? Отвечай, не тяни.

— Карл, — выдавила Донни, у которой, по-видимому, пересохло в горле. Кроме меня никто ее слов не услышал. — Он сказал...

Женщин я бью крайне редко, но тут не сдержался. Правда, утешил себя тем, что передо мной не женщина. Скажем так, не дама.

С ее талантом она вполне могла бы одурачить любого другого. Но я вел расследование с самого начала, а потому был уверен, что уж в этом-то Младший не повинен. Его преступление состояло в ином — в глупости, помноженной на малодушие.

— Подумай как следует, крошка. Иначе доиграешься.

Трудность заключалась в том, что Донни Пелл была единственной свидетельницей и прекрасно это сознавала. Я мог догадываться, предполагать, подбираться сколь угодно близко, однако мои догадки без ее подтверждения так догадками и оставались.

— Мистер Гаррет, — проговорила Рейвер Стикс, — ваши расспросы пока ни к чему не привели. Тем не менее, слушая вас, я кое-что уяснила. Прежде всего то, что мой деверь, лорд Гамелеон, по известным ему одному причинам, велел убить моего сына. Сейчас меня интересует следующее: участвовал ли мой муж в подготовке убийства и в заговоре, который ставил целью подорвать мое благосостояние.

— Как скажете. — Да, Владычица Бурь далеко не глупа. И отнюдь не слепа, хотя и принадлежит к аристократическому сословию. — Я, признаться, надеялся, что милашка Донни выложит все сама, когда раскроет наконец свой ротик.

— Зря надеялись, мистер Гаррет. У этой женщины душа... э...

Рейвер Стикс не хватает слов? Меня подмывало подсказать: «Владычицы Бурь», но я решил не огорчать матушку Амбер. Не стоит пилить сук, на котором сидишь.

— Кроме того, — продолжала она, — я уверена, что мой муж убил Коуртера. Перед тем как произошло убийство, он покинул дворец. А привратник сообщил, что баронет да Пена выбежал из ворот следом за Коуртером.

Карл-старший попытался было возразить, но никто не обратил на него внимания.

— Но за что? — удивился я.

— Коуртер что-то знал и собирался рассказать вам. Поэтому Карл, поддавшись панике, его и убил. Труда это ему не составило. Он ненавидел Коуртера, а тот никак не ожидал, что такой трус поднимет на него руку. С моим сыном и Коуртером мы выяснили, остается Амиранда.

54

Кто приказал убить Амиранду Крест?

Расследование зашло в тупик. Мне начало казаться, что мы никогда не получим ответа. Правду знал только один человек, который — или которая — отнюдь не собирался признаваться.

— Мистер Гаррет, хочу вам кое-что предложить. — По интонации Рейвер Стикс можно было догадаться, что ослушаться невозможно. — Вы забираете своих друзей, Амбер и гоблина и возвращаетесь в город. Здесь я разберусь сама. Когда выясните все, что вас интересует, приведите гоблина ко мне во дворец.

Краем глаза я уловил движение. Морли ткнул пальцем в направлении двери — мол, пошли. Пожалуй, он прав.

— А как насчет исцеляющего заклинания?

— Пожалуйста. — Все произошло в мгновение ока.

Садлер с Краском преисполнились благоговения, что, впрочем, не помешало им подхватить

Скредли и с помощью Плоскоголового выволочь того на улицу. Гоблин вопил и отбивался; неужели он думал, что с Владычицей Бурь безопаснее, чем с нами?

— В коляску его, — распорядился я.

Морли приподнял бровь и мотнул головой в сторону двери.

— Ее трудности. Эй ты, слезай, — велел я человеку, который сопровождал Владычицу Бурь и домину Даунт. — Амбер, забирайся наверх. Не спорь, пожалуйста. — Охранник спрыгнул на землю и попятился, не сводя с меня глаз. Вместо того чтобы зайти в дом, он предпочел спрятаться за углом. — Садлер, бери вожжи. Краск, приглядывай за гоблином.

Зомби мрачно поглядели на меня. Плевать. Мне надо потолковать с Морли и Плоскоголовым.

— Поезжайте.

Коляска тронулась. Мы верхом двинулись следом. Я оглянулся. Охранник бежал через поле в направлении леса. По всей видимости, он догадывался о том, что происходит в доме, и стремился оказаться как можно дальше.

— Гаррет, — произнес Морли, — мне не понравилось, как она нас спровадила.

— Знаешь, — заметил Тарп, — на твоем месте я бы к ней во дворец больше не совался.

— Я и не собираюсь. Здоровье дороже. — На лесной опушке я велел Садлеру остановить коляску. — Вы понимаете, что там сейчас творится? Что она затеяла?

— Сначала она разберется с ними, — сказал Краск, — а потом возьмется за нас, потому что мы слишком много знаем.

Я посмотрел на Амбер. Девушка дрожала всем телом.

— По-моему, я сообразила, что к чему, раньше тебя, — проговорила она. — Что ты собираешься делать?

— Думаю, если проголосовать, выяснится, что никто из нас не желает тем, кто остался в доме, такой участи.

— Я бы прикончил всех, а боги пусть потом разбираются, — бросил Морли.

— Не то чтобы они не виноваты... — пробормотал Плоскоголовый. — Но эта женщина, Даунт...

— Амбер, что ты думаешь насчет Уиллы Даунт?

— Вообще-то раньше мать ей доверяла. Но сейчас она, кажется, слегка обезумела и вполне может обвинить ее в каком-нибудь преступлении. Если на то пошло, Уилла ведь и впрямь виновата.

— Согласен. Правда, к убийствам она вряд ли причастна.

Скредли заерзал на полу, словно пытаясь что-то сказать.

Из дома донесся вопль.

— Гамелеон, — сказал Морли. — Так и думал, что она начнет с него.

— Он упрямый, протянет долго. Амбер, ты понимаешь, в каком положении мы оказались?

Девушка пожала плечами.

— Твоя мать убьет сначала тех, кто находится в доме, а потом нас, чтобы никто ни о чем не узнал. Поняла?

— Да, — прошептала она.

— И какой же выход?

Она вновь пожала плечами. Я не стал на нее давить.

— Рейвер Стикс считает нас дураками? — Все дружно покачали головами. Скредли снова заерзал на полу. — Значит, она не думает, что мы подчинимся и вернемся в Танфейр. Или все же думает?

— Насколько хорошо она нас знает? — справился Морли.

— Понятия не имею. Правда, мне она сказала, что перед тем как меня нанимать, постаралась кое-что выяснить.

— Значит, она ждет, что мы будем действовать.

— Я бы вернулся, — произнес Плоскоголовый.

— Погодите! — воскликнула Амбер.

— Детка, ты же только что...

— Ну и что? Вы не можете...

— По-твоему, надо сидеть сложа руки и ждать, пока нас прикончат?

— Нет. Но ведь можно уехать из Танфейра, правда?

— Можно. Однако нужно ли? Танфейр — наш дом. Краск, Садлер, что скажете?

Зомби пошептались, затем Краск сказал:

— Ты прав, Гаррет. Мы с тобой. Другого выхода пока не видно.

Гамелеон вопить перестал — должно быть, отрубился. Песню подхватил баронет. Я отошел чуть в сторону, встал так, чтобы лучше видеть ферму.

— Хотел бы я знать, на что она способна... Знает ли, где мы и что мы задумали?

— Гаррет, на меня можешь не рассчитывать, — заявила Амбер. — Даже если она замышляет убийство, против своей матери я не пойду.

Я посмотрел на остальных. Они ждали моего решения.

— Тогда садись в коляску и поезжай во дворец. Или ко мне, если хочешь. Таким образом ты себя обезопасишь на все сто.

— Мне потом расскажут.

— И что с того? Все, разговор окончен. Садись и уезжай. Плоскоголовый, вытащи из коляски гоблина. Милашка, с лошадьми ты обращаться умеешь? Или тебя научить?

— Гаррет, я не настолько беспомощна. Как-нибудь справлюсь.

— Тогда счастливого пути.

И Амбер уехала.

Вскоре перестал кричать и баронет, наступила очередь Донни Пелл.

— Будем исходить из того, что она догадывается о наших намерениях, — сказал я. — Иначе какая она колдунья?..

— Как нам к ней подобраться? — спросил Краск.

— Надо подумать.

Морли мрачно поглядел на меня. «Не крути, приятель, — говорил его взгляд. — У тебя наверняка есть план». Он не то чтобы ошибался — план существовал, но только в зародыше.

— Скоро стемнеет, — заметил Плоскоголовый. — Ты дожидаешься темноты?

— Может быть. Пока я предлагаю потолковать со Скредли.

Мы прислонили гоблина к дереву. Я присел перед ним на корточки и произнес:

— Начнем сначала, Скредли? Если честно, у тебя есть маленькая возможность унести ноги подобру-поздорову.

Мои товарищи изумленно воззрились на меня. Скредли же мне явно не поверил. Я бы на его месте тоже.

— Ну так что, хочешь испытать судьбу? Мы дадим тебе фору в несколько минут. Помнится, мне говорили, что бегаешь ты быстро...

Во взгляде гоблина промелькнуло любопытство.

— Развяжите его. Пускай расслабится.

Плоскоголовый нехотя распутал веревки.

— Слушай внимательно, Скредли. Ты отправляешься в лес, находишь своих парней, которым удалось от нас сбежать. Потом нападаешь на ферму, выманиваешь Владычицу Бурь из дома и рвешь когти. Я преследовать не стану. Насчет Плоскоголового не обещаю, но у тебя будет фора.

Гоблин пристально поглядел на меня.

— Что скажешь?

— Мне это не нравится.

— А у тебя разве есть из чего выбирать?

Никогда не встречал гоблинов с чувством юмора, поэтому ответ Скредли меня несказанно удивил:

— Красиво заливаешь, Гаррет, аж уши вянут. Уговорил.

— Вот и хорошо. Помаши ручками, разомни мышцы. — Я достал из кармана один из подаренных ведьмой кристаллов. — Видишь? Точно такой же я использовал пару часов назад на ферме, а еще раньше — в логове Красавчика. Извини, но это мера предосторожности. — Я сунул кристалл в карман Скредли и произнес заклинание. — Если попытаешься его вынуть или выкинешь какой-нибудь фортель, который заставит меня повторить заклинание, кристалл взорвется, и от тебя останется мокрое место.

— Эй, мы же договорились!

— Я помню. Однако подстраховаться не мешает. Заклинание действует около часа; за это время ты все успеешь сделать и будешь свободен. Но только от меня. Все понял?

— Сукины вы дети, люди. Ежели сели на шею, так не слезете.

— С гоблинами, Скредли, иначе нельзя. Уж не обессудь.

Гоблин тяжело вздохнул.

— Когда идти?

— Как только стемнеет.

Ждать оставалось недолго. Сумерки сгущались на глазах.

Пять минут спустя я сказал:

— Можешь отправляться. Или ты чего-то ждешь?

— Нового года! — Скредли фыркнул и двинулся в направлении фермы.

55

Похоже, гоблин поверил мне на слово. На его месте я бы, наверно, попытался избавиться от кристалла, если бы меня, конечно, не убедили, что делать этого не стоит.

— Держитесь поближе, ребята, — сказал я, подождав около четверти часа, чтобы Скредли успел отойти подальше. — У меня осталось два кристалла. Этот вот самый-самый. — Кристалл был больше остальных и тускло светился оранжевым. Подозреваю, у ведьмы на то, чтобы сотворить его, ушло немало сил (если он, разумеется, и впрямь действует так, как утверждала старуха). — Когда я прочту заклинание, мы минут на десять сделаемся невидимыми для тех, кто наделен волшебным зрением, хотя обыкновенные люди будут нас видеть по-прежнему. Поэтому времени в обрез.

— Ай-я-яй, — Плоскоголовый погрозил мне пальцем. — Ты обманул Скредли.

— Ну и что? Я его напугал, а это главное. Когда все кончится, пускай удирает. Я за ним не побегу.

— А я?

— Вспомни, я его предупредил, что за тебя не ручаюсь. Так что разбирайтесь сами.

Плоскоголовый оскалил зубы в усмешке.

— Все готовы?

— Да, — ответил Морли. — А что еще лежит у тебя в кармане?

— В смысле?

— Ты сказал, что у тебя два кристалла. Один ты нам показал, а второй?

— Он вызывает мышечные судороги.

— Замечательно. Надеюсь, хоть на сей раз ты предупредишь?

— Попробую. Ладно, пошли. — И я раздавил оранжевый кристалл.

Скредли нашел в лесу с полдюжины сородичей. Гоблины двинулись в наступление, когда мы находились ярдах в ста пятидесяти от дома. Атака захлебнулась, едва начавшись. Повсюду замерцали голубые искры, послышались крики, двух гоблинов охватило пламя. Из моего отряда никто не пострадал.

Скредли увернулся от огненного языка, обогнул дом и побежал к лесу. Плоскоголовый заметил его, глухо заворчал, но остался на месте.

Из дома вышла Владычица Бурь. Мы тут же попадали на траву. На губах Рейвер Стикс играла усмешка. Она вгляделась в сумерки, потом повернулась к нам спиной.

В этот момент я швырнул последний кристалл.

Треньк! Следом раздался истошный вопль.

Я рванулся вперед. Остальные мчались следом, едва не наступая мне на пятки. Все прекрасно понимали, что справиться с ней мы можем, только пока она сражается с судорогами.

Когда мы подбежали, Владычица Бурь уже начала приходить в себя. Я зажал ей рот ладонью. Она укусила мою руку. Морли двинул ее в висок, а Садлер с Краском повалили на пол и прижали своими телами.

— Плоскоголовый! Зажги лампу, черт возьми!

Я вновь зажал женщине рот. Она по-прежнему извивалась всем телом, отчаянно сопротивляясь судорогам.

Вспыхнул свет. Однако лампу зажег не Плоскоголовый, а Морли. Друг Уолдо куда-то исчез.

Морли подал мне тряпку, которую я использовал в качестве кляпа, потом протянул веревку. Мы надежно связали Рейвер Стикс. Судороги между тем потихоньку слабели.

— Откуда ты взял веревку?

— Им она больше не понадобится. — Он мотнул головой.

Да уж. Гамелеон и баронет да Пена покончили счеты с жизнью. Донни Пелл была жива, но еле дышала. Домина Даунт стояла столбом в углу, уставясь перед собой невидящим взором — глаза выпучены от ужаса, лицо мертвенно-бледное, кожа вся в мурашках. Нас она, похоже, не замечала.

— Такие дела, — пробормотала я. Жаль, что Амбер укатила в город: ей стоило посмотреть, как Владычица Бурь обошлась с ее отцом.

На баронета и на его кузена было жутко смотреть. Я вдруг понял, почему он убил Коуртера. Да, если бы Карл-старший предвидел свою участь, он бы наверняка со страху расправился бы и с Амирандой.

Зрелище произвело впечатление даже на Садлера с Краском, а уж они-то, казалось, привыкли ко всему.

Владычица Бурь открыла глаза. Не сказать, чтобы взгляд у нее был дружелюбный.

— Что теперь? — поинтересовался Садлер.

В принципе, следующий шаг напрашивался сам собой. Спасти наши задницы можно было одним-единственным способом. Однако отважиться на этот шаг было чрезвычайно сложно. Мы с детства привыкли воспринимать аристократов с Холма как своего рода небожителей...

По счастью, переступать через себя не пришлось.

Снаружи донесся звук. Я было решил, что вернулся Плоскоголовый, однако Садлер с Краском неожиданно обнажили свои клинки.

В дом вошла Амбер. Следом появилась ведьма.

У меня отвисла челюсть.

Последним показался Шаггот, чья голова просунулась в дверной проем. Принюхался, фыркнул и скрылся во мраке.

— Что за черт? — выдавил Морли и прибавил что-то на эльфийском.

— Тролль.

Амбер взглянула на тело отца, перевела взгляд на мать. Посмотрела на Гамелеона и Донни Пелл, снова повернулась к матери. Поглядела на домину

Даунт, потом на меня. Сжала губы настолько плотно, что они побелели, покачала головой, затем обняла Уиллу Даунт и начала тихонько что-то приговаривать.

— Что теперь? — снова спросил Садлер.

— Вы как нельзя более вовремя, — произнес я, обращаясь к ведьме.

— Похоже на то.

— Как вы здесь оказались?

— Шаггот встретил бедную девочку на дороге и привел ко мне. Она заливалась слезами, но мне удалось кое-что у нее выспросить, а об остальном я догадалась и решила, что моя помощь может вам понадобиться.

— Значит, с Амбер вы встретились по чистой случайности?

Ведьма усмехнулась.

— Мы следим за тем, что происходит вокруг. Между прочим, твой товарищ уже второй раз спрашивает, что ты собираешься делать.

— Я? Хочу спасти собственную шкуру. Побросаем тела в колодец. К тому времени, когда их найдут и достанут, они наполовину сгниют.

— Гаррет, ты мыслишь ничуть не лучше тех, кто тебе противостоит. А ведь ты — светлый рыцарь в стране мрака. Вспомни, ко мне тебя привело стремление к справедливости, а вовсе не жажда крови.

— Я что-то не пойму. Голова совсем не варит.

— Амбер, подойди, пожалуйста, сюда.

Девушка оставила домину Даунт, которая понемногу начала приходить в себя, и приблизилась к нам.

— Да?

— Будь добра, перескажи Гаррету, о чем мы с тобой говорили.

— Говорили? Ах да... Гаррет, нам нужно вызвать сюда представителей Высшего Совета и откровенно ответить на все вопросы. Хватит смертей. Моя мать злоупотребила своей властью. Совет разберется и наверняка предпримет все меры, чтобы мать больше не смогла причинить кому-либо зло. Чтобы ты и твои друзья могли спать спокойно.

Я призадумался. Идеалистки!.. Впрочем, если обратиться к тем членам Совета, которые враждуют с Рейвер Стикс... Они не упустят такой возможности устроить представление, разобраться под шумок со своей противницей и выступить защитниками справедливости.

— Звучит неплохо. Пошли пройдемся. — Я схватил девушку за руку и чуть ли не вытащил из дома.

— В чем дело?

— Золото.

— Думаю, о нем можно забыть. И потом, если все пройдет гладко, оно мне будет ни к чему. Я унаследую все, что останется от отца и матери...

— Погоди, не торопись. Золото — по крайней мере, часть — припрятала где-то Уилла Даунт. Скредли и компания требовали двести тысяч марок, а домина передала только двадцать. Я наткнулся на истинную цифру в одном из писем!

— Понятно. Ты хочешь получить свою долю.

— Честно говоря, я с самого начала особо на нее не рассчитывал. Мне всего-навсего хочется, чтобы члены Совета не лишили этих денег тебя.

— Ты согласен обратиться в Совет?

— Согласен. Меня беспокоит только твое будущее.

— Ведьма сказала, что со мной все будет в порядке.

— Ведьма?

— Ну да. Она, кажется, знает тебя лучше, нежели ты сам.

— Пошли обратно. — Вернувшись в дом, я спросил у Садлера с Краском: — Парни, вам что-нибудь нужно?

— Ага, — ответил Краск, который стоял, привалившись к стене и наблюдал за ведьмой. — Нам нужна она. — Он показал на Донни Пелл. — Если выживет.

— Зачем она вам?

— Чодо хочет, чтобы она плескалась у него в бассейне.

— Ясно. — Что ж, перед Донни Пелл открывается неплохая перспектива. Подобная участь предпочтительнее смерти. Может быть. — Забирайте.

Ведьма метнула на меня взгляд, который я истолковать не сумел, потом подошла к Донни Пелл и повела рукой. Дыхание девушки сразу стало менее прерывистым.

В это мгновение в дверном проеме возник Плоскоголовый. Заметив ведьму, он сразу притворился паймальчиком, но у меня почему-то сложилось впечатление, что гоблина по имени Скредли на свете больше нет.

Морли молчал. Садлер с Краском уложили Донни Пелл на грубое подобие носилок и двинулись к выходу. Я оглянулся, но Морли уже не было. По правде сказать, я что-то не припомню, чтобы он исчезал настолько неожиданно.

56

Членов Совета оказалось восемь. Они нас долго расспрашивали, вникали во все подробности, а мы отвечали, не ставя под сомнение их право добиваться ответов. В конце концов лорда Гамелеона, баронета да Пена и Владычицу Бурь Рейвер Стикс признали виновными в убийстве. Что касается Амиранды, было сказано, что она погибла от руки неизвестного убийцы.

Аристократов с Холма не вешают. Рейвер Стикс лишили собственности и магических способностей, а затем изгнали. Как я слышал, она отправилась в погоню за Уиллой Даунт, которая неожиданно исчезла. Естественно, ведь на кону стояло сто восемьдесят тысяч марок золотом!

Интересно, настигла она ее или нет? Лично я не нашел ни Уиллы Даунт, ни золота, хотя не прекращал поисков на протяжении нескольких месяцев.

Скорее всего, домина Даунт не расставалась с золотом ни на секунду. К месту передачи выкупа она опоздала не потому, что останавливалась по дороге, чтобы припрятать деньги, а потому, что переоценила скорость своего экипажа. Мне удалось отыскать тот экипаж с двойным дном и мастера, который переделал его по заказу домины. Но и только.

Правда, кое-что я все же обнаружил и получил свои законные десять процентов.

С Амбер мы почти не виделись. Она была слишком занята — улаживала вопросы с наследством, а мне подниматься на Холм не хотелось.

Прошло около недели, когда в дверь моего дома постучался Краск. Я пребывал в миноре. Дин и Покойник изводили меня своими придирками, Плоскоголовый не появлялся, к Морли было не подступиться — он велел своим орлам не пускать к нему Гаррета ни под каким предлогом. Стоило мне выйти из дома, тут же появлялся Шнырь Пиготта, который неотступно следовал за мной, — просто потому, что ему взбрело в голову отточить свои профессиональные навыки. В общем, настроение было хуже не придумаешь.

— Слушаю. — Я решил приберечь ледяной тон для других случаев. Когда к тебе в дом приходит головорез Чодо Контагью, лучше не ерепениться. Иначе рискуешь нарваться на серьезные неприятности — в следующий раз явится кто-нибудь, кому не захочется тратить время на разговоры.

— Чодо хочет тебя видеть.

— Замечательно. — Но я-то его видеть не хочу. Или потребовать с него должок?.. — Дружеское приглашение?

— Можно сказать и так. — Краск ухмыльнулся.

Это мне не понравилось. Никогда не видел, чтобы Краск ухмылялся.

— Он приготовил тебе подарок.

Брр! Подарок от короля преступного мира! Это могло означать что угодно. Скорее всего, ничего хорошего. Но деваться было некуда. Раз приглашают, надо идти. У меня и без того хватает врагов, чтобы ссориться с Чодо.

— Подожди. Я предупрежу слугу, чтобы он запер дверь.

Я разыскал Дина, потом заглянул к Покойнику. Старый хрыч мирно дрых. Между прочим, пока мы сражались на ферме, он тоже спал! И вот ведь гад — до сих пор не открыл мне тайну Слави Дуралейника.

Ладно, он у меня еще попляшет.

57

Чодо умел пускать пыль в глаза. Краск доставил меня к нему в экипаже, убранству которого позавидовали бы многие обитатели Холма. Чуть ли не в том же самом, в каком мы ездили в город гоблинов.

Встретил меня Чодо у бассейна. Его только-только извлекли из воды и усадили в кресло. Девицы кончили вытирать ему спинку и с хихиканьем отбежали в сторону. Хорошая у них жизнь, спокойная; развлекайся, пока не постареешь и тебя не вышвырнут вон...

Разбежались не все. Одна осталась.

Сначала я ее не узнал. А когда узнал, не поверил собственным глазам.

Она ничуть не походила на ту Донни Пелл, которую я видел на ферме, — упрямую, несговорчивую. Эта Донни была податлива, как воск, и, словно щенок, всячески стремилась угодить хозяину.

Чодо заметил мое удивление, посмотрел на меня и улыбнулся. Его улыбка напоминала ухмылку Краска. То была усмешка смерти.

— Разрешите преподнести вам подарок, мистер Гаррет. В знак глубочайшего уважения. Она теперь совсем ручная. Возможно, вы найдете ей применение, а мне она больше не нужна. Кстати, я не забыл, что по-прежнему кое-что вам должен.

И что мне с ней делать? Ладно, что-нибудь придумаем. Я поблагодарил Чодо. Когда Донни Пелл оделась, Краск отвез нас обратно.

Что же мне с ней делать?

И что с ней сотворил Чодо? Разве это Донни Пелл?

Девушка раскрывала рот, только когда к ней обращались.

Я привел ее к Покойнику, усадил в кресло, а сам принялся расталкивать логхира.

— Гаррет, ты прыщ на носу... великие небеса! Неужели тебе мало той девицы...

— Ладно, ладно. Это знаменитая Донни Пелл, которая совершенно преобразилась, проведя несколько недель в доме Чодо.

— Понятно. — Кажется, Покойнику стало немного жаль девушку, которая, если говорить откровенно, жалости ничуть не заслуживала.

— Надеюсь, она ответит на вопросы, оставшиеся у меня.

— Ответит. Кстати, неужели ты до сих пор не докопался до истины?

— Увы. — Вообще-то я настойчиво пытался забыть о деле да Пена. — Ты что, знаешь, кто убил Амиранду?

— Да. Знаю, кто и почему. Гаррет, ты не перестаешь меня удивлять. Это же очевидно.

— Просвети меня.

— Просветить его! Думай сам, ты располагаешь всеми необходимыми фактами. Или спроси у бедной измученной девочки.

К Донни Пелл в ее нынешнем состоянии гораздо больше подходило слово «истерзанная».

Я попытался последовать его совету. Начал сначала, но ничего не мог добиться, пока не решил, что называется, от безысходности, спросить в лоб:

— Донни, кто убил Амиранду Крест?

— Домина Уилла Даунт, мистер Гаррет.

— Что?! Не может быть! Почему? За что?

— Потому что Амиранда помогала Карлу составлять письма от похитителей, которые потом писала и передавала я. Потому что она знала, что мы собираемся требовать двадцать тысяч марок, а не двести. Потому что Карл наверняка выложил бы ей при встрече все, что знал.

Верно. Покойник пришел к такому же заключению на основании фактов, которые я ему сообщил. Я же сам думал, что домина знала наперед о планах Амиранды сбежать из дома...

Думал да не додумал. Идиот! Она была у меня в руках, и я дал ей уйти!

Она благополучно удрала. Естественно, вместе с золотом.

О чем ей теперь беспокоиться, когда она одурачила Гаррета? Разве что о Рейвер Стикс, которая, может быть, идет по следу.

Тупица! Недоумок несчастный!

Покойника весьма позабавила моя растерянность.

Он развеселился сильнее прежнего, когда я признался, что Донни Пелл — моя собственность.

Что мне с ней делать? Оставить в доме нельзя. Выгнать на улицу? В таком-то состоянии...

— Ладно, старый хрыч. Пока снова не заснул, расскажи мне про Слави Дуралейника. Выкладывай, как он одержал свои победы — с помощью кентавров?

Если мне намекнуть, я все же порой могу дойти до чего-то своим умом.

У обеих враждующих сторон в Кантарде имелись подразделения кентавров, которых использовали для разведки. Полководцы зависели от разведчиков целиком и полностью. Стоило кентаврам закрыть на что-то глаза, как стратеги словно утрачивали зрение. Интересно, на каких условиях кентавры перешли к Слави Дуралейнику? И не пожалеют ли однажды о том карентийцы, которые сейчас потешаются над венагетами?

Военный совет венагетов наверняка скоро разберется, в чем дело. В конце концов, рано или поздно мы замечаем то, что творится у нас под носом.

Я усмехнулся и вышел из комнаты, оставив Покойника ругаться в одиночестве. Отвел Донни Пелл на кухню и велел Дину накормить девушку.

Если Гаррет обожал выручать попавших в беду прекрасных дам, то старина Дин стремился всей душой помогать страждущим. Он так и не признался, каким образом ему это удалось, однако сумел пристроить Донни в компаньонки к пожилой женщине, которая практически не вставала с постели. Вроде бы они прекрасно подошли друг другу.

Я подумываю о том, не сменить ли профессию. Ведь что получается — тот, кто расследовал убийство, остался внакладе, а главная злодейка получила тепленькое местечко!

Или, может, поблагодарить богов за то, что я остался жив, приобрел новых друзей и слегка подзаработал?

И в самом деле. Мы же трудимся, чтобы хоть как-то выжить. Вы со мной согласны?

Перевел с английского
Кирилл КОРОЛЕВ

© 1988 by Glen Cook

Расследование, в котором только что приняли участие наши читатели, возможно, самое опасное, но далеко не самое последнее в «творческой биографии» частного сыщика Гаррета. По сведениям редакции «Если», московское издательство «АСТ» планирует выпустить весь цикл романов Глена Кука, посвященных его любимому герою. О том, какие произведения ждут читателей, вы узнаете, познакомившись с интервью писателя-фантаста и рубрикой «Personalia».

Бредли Сайнор

МЕЛОЧИ ЖИЗНИ В ВОЛШЕБНОЙ СТРАНЕ

ЭКСПЕРИМЕНТ

«Не бывает абсолютно хороших или абсолютно плохих людей, — писал Г. Кук в одном из своих выступлений. — Все дело в том, чего в них больше». По мысли критика Б.Сайнора, именно эта точка зрения вкупе с тем, что герои автора очень редко бывают лидерами, вождями, потрясателями основ, представляя собой обычных, «средних», людей, позволила Куку создать особые, не традиционные для фэнтези миры. Экзотические персонажи, которые действуют в них, исполнены вполне «бытовых» целей и обращают мало внимания на магические заклинания, манипуляции сверхъестественных существ. И все же первую главку своего повествования об именитом авторе Б.Сайнор назвал...

...МАГИЯ И КОЛДОВСТВО

Родившись в Нью-Йорке в 1944 году, Кук вырос в Роклине, штат Калифорния, и Колумбусе, штат Индиана, и начал писать очень рано. Его первый законченный рассказ, «The Hawk» («Ястреб»), вестерн из времен Гражданской войны, был написан, когда он еще учился в седьмом классе. Однако опубликоваться Куку не удавалось вплоть до 1970 года, когда его рассказ «Silverheels» («Серебряные каблуки») напечатали в журнале «Witchcraft and Sorcery» («Магия и колдовство»).

С той поры Кук ответствен за 33 опубликованных романа, полтора десятка рассказов и несколько статей. Его рассказы печатались в «The Magazine of Fantasy & Science Fiction» («Журнал фэнтези и научной фантастики»), «Asimov's Science Fiction», в антологиях типа «Swords and Sorceress» («Мечи и колдовство») и «Dragons of Darkness» («Драконы ночи»).

«Соотношение, как мне кажется, два к одному в пользу фэнтези, — замечает писатель, — хотя на самом деле особых предпочтений у меня нет. Мне нравится писать в обоих жанрах, хотя, должен заметить, научная фантастика — это чаще всего замаскированная фэнтези, потому что она очень редко бывает основана на каких-то специфических научных принципах. Просто в рассказах используется футуристический фон, созданный из стандартных условных деталей. Например, мой НФ-роман «Shadowline» («Теневая сторона») — это на самом деле роман-фэнтези, только переодетый в камуфляж».

В конце 60-х годов, просматривая рекламный раздел в одном из фантастических журналов, Кук заметил объявление о наборе студентов на Кларионский писательский семинар — шестинедельный интенсивный курс для начинающих авторов НФ и фэнтези.

«Предложение звучало довольно интересно, так что я решил воспользоваться этой возможностью и послал им письмо. К моему искреннему удивлению, я был тут же принят».

Кук участвовал в двух Кларионах — летом 1969-го и летом 1970 годов. Эти два года, вполне возможно, были самыми успешными за всю историю семинара. Примерно 80 % из тогдашних выпускников имеют на своем счету, по меньшей мере, одну профессиональную публикацию. А многие из них работают в литературе и по сей день.

Сокурсники Кука — Эдвард Брайант, Джордж Алек Эффинджер и Вонда Макинтайр — впоследствии завоевали самые престижные НФ-премии — «Хьюго» и «Небьюлу». Среди участников семинара были Мел Гилден, Джерри Конвей и Густав Хэсфорд, которые стали известными писателями в других жанрах.

«Я думаю, Кларион был полезен. Во-первых, он убедил меня, что я не потратил время и деньги понапрасну. Во-вторых, там я приобрел некоторые по-настоящему базовые знания и умение использовать их на практике. А люди, с которыми я там подружился, и сегодня мои близкие друзья».

Помимо дружбы с некоторыми участниками семинара, помимо знакомства с такими преподавателями, как Даймон Найт и Харлан Эллисон, Кук на семинаре впервые лицом к лицу столкнулся с людьми, которые сидят по другую сторону редакторского стола. Один из них, бывший тогда литературным консультантом издательства «Нью Американ Лайбрари», стал потом редактором. Он поспособствовал изданию, по меньшей мере, девяти романов Кука, включая самый первый.

Этот первый роман, «Heirs of Babylon» («Наследники Вавилона»), вышел в декабре 1972 года — по мнению большинства читателей и рецензентов, он явно был написан под сильным влиянием немецкого композитора Рихарда Вагнера и его оперной тетралогии «Кольцо нибелунга», основанной на мифологии европейского Севера.

«Роман не был намеренно вагнеровским, — поясняет Кук, — но я, безусловно, увлекался Вагнером в те допотопные времена. Обращаясь к былому, я вспоминаю, что действительно крутил пластинки Вагнера все время, пока писал роман. Думаю, что просто и Вагнер, и я оказались под сильным влиянием мифологии Севера. Единственная книга, которую я намеренно стилизовал под Вагнера, это была «Shadowline» («Теневая сторона»). Однако наибольшее количество подобных штучек вы сможете найти в моем романе «A Shadow of All Night Falling» («Тень на всю ночь»), который был написан еще до «Наследников», однако издан лишь много-много лет спустя».

В середине 60-х Кук учился некоторое время в Университете Миссури в Колумбии, но вскоре ушел оттуда из-за нехватки денег.

«В конце концов я уехал в Сент-Луис, потому что друг отца пообещал мне там работу. Таким образом я и оказался на заводе компании «Дженерал моторс» — думал, что поработаю годик-другой, поднакоплю деньжат и закончу обучение. Однако видите, я по-прежнему там, — говорит он, — работаю на литературном конвейере уже 27-й год подряд».

КАМЕНЬ И СТАЛЬ

«Glittering Stone» («Сверкающий Камень») — очередной плановый том в сериале «The Black Company» («Черная Гвардия»), ставшем самым известным из всех сериалов Глена

Кука. В этой саге повествуется о последнем из множества отрядов наемников, которые четырьмя столетиями ранее покинули легендарный город Хатовар. Последнее поколение этих воинов оказалось запутано в интригах и махинациях различных таинственных колдунов, демонов и полубогов. Тем не менее Кук разъясняет, что, начиная роман, он вовсе не думал о том, что за ним последуют другие.

«Первоначально я полагал, что «The Black Company» будет одним-единственным романом. Однако благодаря нажиму издателей этот цикл сначала превратился в трилогию, а затем, после выхода романа «Dreams of Steel» («Стальные сны»), и в пятикнижие — просто потому, что, с одной стороны, история все еще не была закончена, а с другой — появились новые сюжетные линии. Кстати, шестой роман, над которым я сейчас работаю, тоже может потребовать нескольких томов, чтобы закруглить наконец сюжет».

«Черная Гвардия» — не единственный сериал Кука, выросший из одного романа. То же самое случилось с циклом «Darkwar» («Война во тьме»), который постепенно стал трилогией: «Doomstalker» («Искатель рока»), «Warlock» («Колдун») и «Ceremony» («Церемония»).

И все же, с читательской точки зрения, самым успешным сериалом Кука стал цикл о частном детективе Гаррете. Гаррет, чье имя в романах никогда не упоминается, — частный сыщик, живущий в городе Танфейр*. Его клиентами могут оказаться эльфы, тролли, феи, гоблины, а также кто-нибудь из людей. Существует уже шесть романов о Гаррете, каждый из которых написан на пограничье между традиционной фэнтези и крутым детективом в манере Дэшила Хэммета, Рэймонда Чандлера и Рекса Стаута. Читатели, которые хорошо знакомы с жанром детектива, могут увидеть в этих книгах много знакомого, поскольку автор приложил немало усилий, дабы получше перемешать эти два жанра.

«Четыре из опубликованных романов о Гаррете — это дань уважения самым моим любимым писателям-детективщикам. Но, конечно, все эти романы написаны под очень сильным влиянием той разновидности литературы о частных сыщиках, которая сложилась здесь, в Америке.

Сейчас я пытаюсь закончить «Deadly Quicksilver Lies», седьмой роман о Гаррете. А разделавшись с ним, я надеюсь вернуться к работе над «Glittering Stone» («Сверкающим Камнем»), а также над еще одним романом о Гаррете, который имеет рабочее название «Blooded Steel Heat» («Дело об окровавленной стали»)».

ТЕНИ И ТЬМА

С течением времени каждый писатель вдруг обнаруживает, что у него сложились привычки, которые формируют его индивидуальную манеру работы. Например, некоторые авторы, прежде чем написать хоть слово, составляют подробные, продуманные до мелочей планы. Так вот — Кук к таким авторам не относится.

«Я не делаю планов. В какой-то момент в моей голове начинает сгущаться идея, пока не концентрируется до такой степени, что уже можно садиться писать. Начав книгу, я имею примерное представление о том, чем она должна закончиться. Иногда я делаю дополнительные наброски, но обычно я все же начинаю с самого начала и работаю до тех пор, пока вся история не рассказана. Иногда это заканчивается тем, что надо писать следующую книгу».

Но даже когда очередная идея «сгущается» у него в голове до полной готовности, Кук, приступив к работе, не придерживается какого-то расписания, определяющего, сколько слов или строчек он должен написать каждый день.

«У меня вообще нет никакого расписания. Я делаю столько, сколько могу, и тогда, когда могу, — но так бывает далеко не всегда.

Было время, когда я писал много черновиков, один за другим; например, для романа «Shadow of All Night Falling» («Тень на всю ночь») их потребовалось семь, однако сейчас я делаю только два, — говорит он. — Причем второй черновик я правлю уже совсем немного.

В 1979 году я написал роман «All Darkness Met» («Тени сгущаются»), — две недели безумной работы по 20 часов в сутки, практически без перечитывания и исправлений. А вот другой мой роман, «Fail Point» («Точка провала»), который я хладнокровно спланировал, как застрял у меня в 1974 году, так до сих пор и не закончен — хотя отказываться от этого замысла полностью я пока не хочу. Просто потому, что условия, в которых я сейчас живу, вынуждают меня тратить на любую литературную работу очень много времени».

Какие же это условия? Ну, в дополнение к необходимости в плане зарабатывания денег сидеть сразу на двух стульях, с Куком во время того, первого для него Кларионского семинара, который проходил в Пенсильвании летом 1969 года, приключилось кое-что еще.

«Моя жена Кэрол была студенткой Кларионского колледжа, и оба лета, которые я проводил там, участвовала в местных археологических программах. Я познакомился с ней в 1969 году, влюбился, затем мы встретились в 70-м и, несмотря на всякие препоны, сумели все же объясниться». Они поженились на следующий год и теперь у них три сына — Кристиан, Майкл и Джастин.

Профессия, избранная Куком, для его мальчиков не является чем-то очень уж необычным. «То, что я писатель, это просто как природное явление, как рассвет или закат, — говорит Кук. — И произошло это задолго до их появления на свет и даже до того, как в мою жизнь вошла Кэрол».

Результат такой точки зрения — это миры, которые Кук создает, миры, несущие в себе большее сходство с реальной историей, нежели с причудливыми ландшафтами, с которыми некоторые читатели привыкли ассоциировать литературу в жанре фэнтези. «Как любая жанровая беллетристика, фэнтези предлагает уход от реального мира, — объясняет он. — Очень малая ее часть показывает окружающую среду, которая полностью согласовалась бы с реалиями описываемого мира. Стандартная модель мира средневековья, каким он был до изобретения пороха, стала сейчас такой упрощенной и романтизированной, что не имеет никакого отношения к реальной жизни. Впрочем, справедливости ради стоит сказать, что в произведениях, написанных в средние века, тоже не найдешь никаких упоминаний о дизентерии, болезнях, жестокости, несправедливости, голоде и тому подобном. В этих произведениях прославлялось то, что на самом деле было грязными, коварными драками между такими же грязными, коварными людьми».

Перевел с английского
Ефим ЛЕТОВ

---

* *Это название можно перевести условно как «Волшебная бочка», или «Бочка с феями».*

«Обязанность любого писателя — это прежде всего развлекать. Вы можете написать то, что будет удовлетворять неким вашим внутренним потребностям, однако крупнейшее преступление для любого писателя, который хочет, чтобы его читали, — это быть скучным».

Глен Кук

Слуги грядущего века

В ближайшем будущем услужливые механические помощники могут войти в наши дома. В лечебных учреждениях они уже не в новинку: так, в клиниках США стажируется холодильникоподобный робот HelpMate, исполняющий многотрудные обязанности старшего подручного младшего санитара. Известна также роботизированная рука из Массачусетского технологического института, обучающая пациентов приемам лечебной гимнастики пальцев. Ну а голландская рука Manus, управляемая посредством джойстика, сослужит верную службу прикованному к креслу-коляске инвалиду: она открывает двери, захватывает и перемещает различные предметы и способна даже поднести хозяину стакан воды.
В Японии, Европе и США создано в общей сложности более 300 сервисных роботов различного предназначения, хотя большинство из них все еще проходит экспериментальную обкатку — как, например, программируемый с клавиатуры официант фирмы Panasonic. Дворецкий Roamer фирмы Siemens — этакий круглоголовый и лупоглазый очаровашка — будет прислуживать за столом, стирать пыль с мебели, бегать с поручениями и т.п. Жаль, с розливом напитков у него пока не слишком ладится: эта ответственная задача требует четко скоординированной работы нескольких моторчиков, не говоря уже о точном глазомере... И, наконец, всем сантехникам мира даст сто очков вперед модный насекомообразный шестиног той же фирмы, изумительно ловко лазающий по трубам любой конфигурации.
По сравнению с тупо вкалывающими на заводском конвейере предками сервисные роботы — подлинные интеллектуалы: снабженные многочисленными датчиками и сенсорами, они адекватно реагируют на новые ситуации и незнакомую обстановку — и все это благодаря хитроумному программному обеспечению, в котором предусмотрено несколько уровней управления их поведением, причем нижний — отвечающий за безопасность — срабатывает рефлекторно. Но стоят подобные прелести пока еще очень и очень недешево, так что разумные, многофункциональные и притом недорогие домашние слуги появятся, увы, не скоро...

По грибы с компьютером

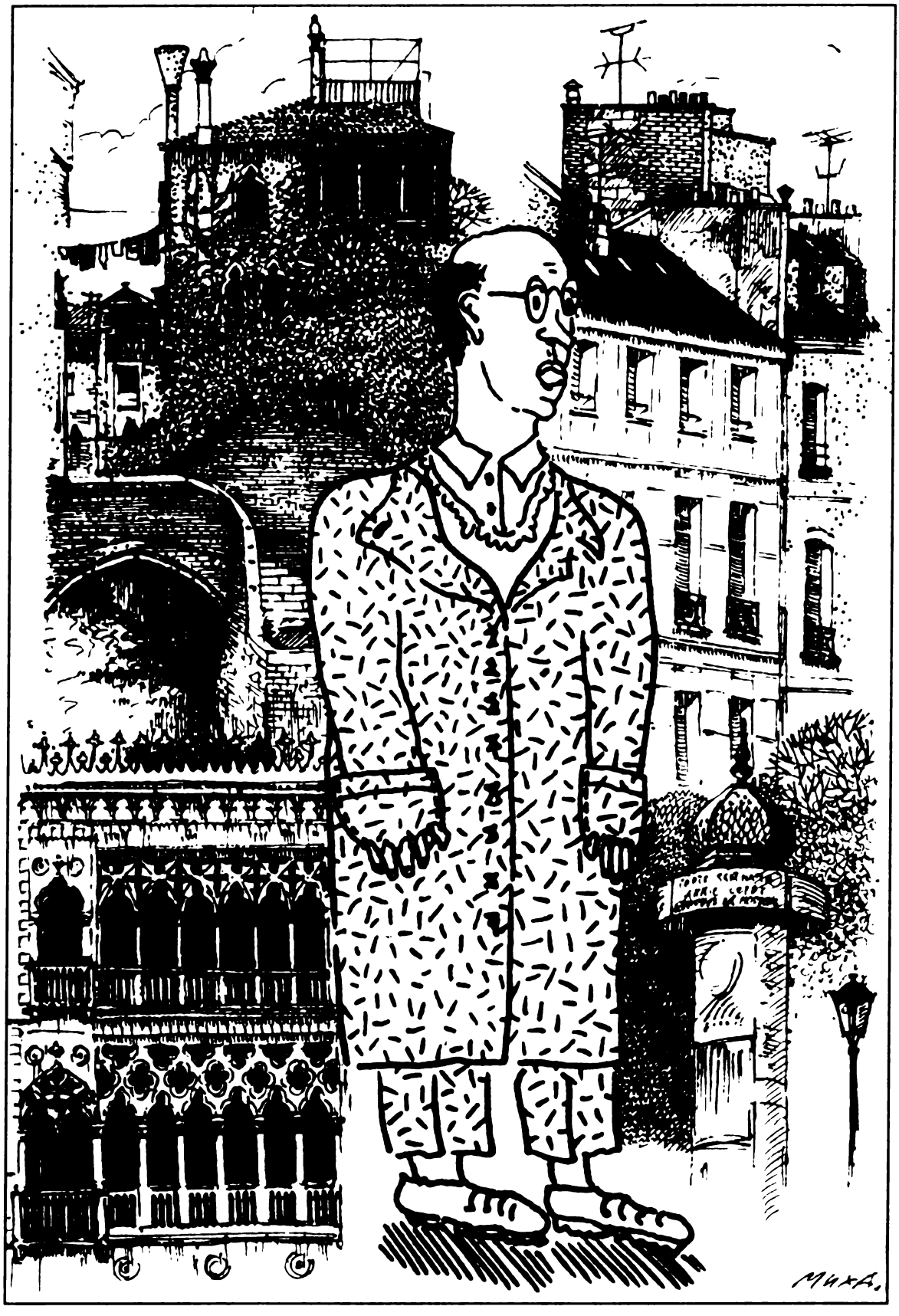
Специалисты из Манчестерского института (Англия) совместно с группой французских исследователей разработали «детектор трюфелей» — портативный приборчик, снабженный микропроцессором и 24 полимерными сенсорами, сопротивление которых меняется при контакте с молекулами ароматических веществ. Сигналы от сенсоров непрерывно поступают в процессор, а тот сравнивает их с заложенным в память эталонным спектром трюфельных ароматов, и, когда они наконец совпадут, детектор издает победный писк! Любители грибной охоты, несомненно, возрадуются, чего нельзя сказать о профессионалах, зарабатывающих на жизнь добычей этих дорогостоящих деликатесов при помощи острого обоняния дрессированных хрюшек.

В полутьме, как в солнечный полдень

Шведские фирмы Volvo и Saab недавно начали рыночное внедрение не слишком дорогой технической новинки, которая производит так называемый дискотечный эффект, а именно: оказавшись в зоне облучения, все отражающие ультрафиолет материалы начинают выразительно флюоресцировать в полутьме! Дождь, снег и туман новым фарам нипочем, однако перед пешеходом в темной шерстяной одежде, бредущим в дурную погоду по обочине неосвещенной автострады, они все-таки пасуют.
Добрая дюжина конкурирующих с приверженцами ультрафиолета фирм активно экспериментировала с инфракрасным излучением, проверяя, насколько пригодны для транспортных средств различные системы ночного видения и лидарные установки (лидар — метеорологический лазерный локатор инфракрасного диапазона). Поскольку ни тепловое излучение, ни отраженный «свет» лидара человеческий глаз не воспринимает, поступающие сигналы необходимо переводить в приемлемую для водителя форму посредством компьютерной обработки и вывода изображения на дисплей. В техническом плане это отнюдь не проблема — но в какую сумму выльется подобное удовольствие?
К примеру, фирма Jaguar с нескрываемой гордостью продемонстрировала весьма эффектный прототип инфракрасной системы улучшения видимости, где полученная картинка проецируется на лобовое стекло; но на вполне понятный вопрос о стоимости всей установки британцы ответили сдержанным молчанием.
Ну а пока в Швеции и кое-где за ее пределами проводится исследование безопасности автомобильного движения при использовании новых фар и дорожных знаков, покрытых отражающими ультрафиолетовые лучи пигментами. Предварительные данные говорят о том, что самым слабым местом является психология среднестатистического водителя: убедившись в «прекрасной видимости», беспечный ездок так и норовит поддать газку, что неизбежно ведет к дорожно-транспортным происшествиям.

О бедном флейтисте замолвите слово

Искусство требует жертв — произносим мы походя, ничуть не задумываясь об истинном смысле этих слов, а между тем музыканты страдают от профессиональных травм и заболеваний ничуть не меньше, чем спортсмены. Тем не менее медицина как-то не удосужилась обратить на них специальное внимание. Восполнить сей удручающий пробел вознамерился д-р Винсан Травер, открывший недавно в Лионе (Франция) уникальную клинику, где каждый день звучит живая музыка: его пациенты проходят обследование, что называется, в процессе профессиональной деятельности, ибо в подавляющем большинстве случаев лишь эта методика позволяет выявить истинную причину недомогания.
К примеру, молодой валторнист, проваливший выпускной экзамен в консерватории из-за прогрессирующих болей в спине, спазма челюстных мышц и затрудненного дыхания, был несказанно удивлен, услышав, что корень всех его несчастий — в зубах... И что же?
Когда дантист выправил неправильный прикус студента, болезненные симптомы исчезли сами собой.
Стараниями д-ра Травера и его коллег по «музыкальной» медицине прошел первый Интернациональный конгресс «Искусство и патология», торжественное открытие которого почтил присутствием сам Иегуди Менухин.



Роберт Шекли

Универсальный Кармический банк

Гарри Циммерман работал редактором по рекламе в нью-йоркской фирме «Баттен и Финч». Однажды, вернувшись с работы домой, он обнаружил на маленьком столике посреди комнаты белый конверт без всяких надписей. Гарри удивился. Он не доставал этого конверта из почтового ящика, и никто, в том числе и управляющий домом, в котором жил Гарри, не имел ключей ко всем замкам в его квартире. Конверт просто-напросто никак не мог попасть в эту комнату. Тогда как он здесь очутился? Наконец Циммерман решил, что, должно быть, сам принес конверт со вчерашней почтой, только забыл вскрыть. Не то чтобы он этому верил, но иногда неуклюжее объяснение лучше, чем вообще никакого.

В конверте оказалась прямоугольная карточка из глянцевого пластика с надписью: «ГОСТЕВОЙ ПРОПУСК В КАРМИЧЕСКИЙ БАНК. ДЕЙСТВИТЕЛЕН НА ОДИН ЧАС». В углу карточки был напечатан квадратик.

Поразмыслив, Циммерман взял карандаш, перечеркнул квадратик и...

...Внезапно, ничего даже не успев почувствовать, очутился перед строгим деловым зданием из серого камня, одиноко стоявшим посреди зеленой лужайки. Над распахнутыми настежь огромными бронзовыми воротами в граните было высечено: «КАРМИЧЕСКИЙ БАНК».

Циммерман подождал в надежде, что кто-нибудь выйдет и подскажет, что ему делать дальше, но никто не появлялся. Тогда он вошел внутрь.

И увидел несчетные ряды столов. Служащие просматривали горы документов, делали записи в толстых книгах, а потом добавляли очередной документ к стопке уже просмотренных, то есть отправляли в проволочные корзины, имевшиеся возле каждого стола. Посыльные периодически освобождали корзины и приносили новые стопки бумаг.

Циммерман направился к одному из столов. И тут из корзины вывалился и скользнул на пол какой-то документ.

Гарри поднял его и пригляделся. На карточке, изготовленной из мерцающего прозрачного материала, был яркими красками изображен объемный ландшафт с крошечными фигурками. Стоило слегка тряхнуть карточкой, как пейзаж менялся. Циммерман увидел городскую улицу, потом корабль на реке, затем озеро на фоне подернутых дымкой голубых гор. Из корзины между тем выпали другие картинки: слоны, пересекающие широкую пыльную долину, беседующие на перекрестке улиц люди, пустынный пляж с чахлыми пальмами.

— Осторожно! — воскликнул клерк, выхватывая карточку из рук Гарри.

— Я не намеревался ее испортить, — заметил Циммерман.

— Я волнуюсь не за карточку, а за вас. Если ее повернуть не так, картинка затянет вас в себя. Тогда нам придется немало потрудиться, вытаскивая вас обратно.

Выглядел клерк достаточно приветливо: немного взлохмаченный мужчина средних лет, в светло-сером пиджаке, тщательно отутюженных брюках и лакированных черных туфлях.

— А что это за штуки? — спросил Циммерман, указывая на стопку карточек.

— Вижу, вы еще никогда не бывали в нашей реальности. Это многомерные счета — нечто вроде мгновенных космических расчетных листков. Каждый из них содержит запись о текущем кармическом статусе планеты. Вычтя плохую карму, мы обращаем остаток в Интраверсальные Единицы Счастья по текущему обменному курсу и переводим ИЕС на счет планеты, выдавая их по требованию владельца. По сути, это ничем не отличается от обычной банковской системы, разве только вместо денег используются ИЕС.

— Вы хотите сказать, что люди могут, когда им потребуется, снимать со своего счета нужное количество счастья?

— Совершенно верно. Правда, есть одно отличие: мы не заводим личных счетов. Они исключительно планетарные.

— И что, все планеты, на которых есть разумная жизнь, имеют у вас счета?

— Да. Едва у обитателей планеты развивается как минимум абстрактное мышление, мы открываем для них счет. Позднее они могут им воспользоваться, если попадают в полосу невезения. Скажем, вспыхивают эпидемии, без особых причин начинаются войны, одолевает исключительно упорная засуха или голод. Такое случается на любой планете, однако, если запас счастья достаточно велик, с невезением обычно можно справиться. Только не спрашивайте меня, как это происходит. Я банкир, а не инженер. И, если немного повезет, даже банкиром пробуду не очень долго.

— Уходите из банка?

— И не только из банка — из данной реальности. Уровень, на котором расположен Кармический банк, весьма невелик по размерам. Тут есть только одно здание на лужайке, втиснутой в крохотное ничто. Нам всем доплачивают за сложные условия труда, но я решил, что накопил уже достаточно.

— И куда вы отправитесь?

— О, можно выбирать среди множества реальностей. Я себе подобрал одну симпатичную по каталогу и рассчитываю с моей пенсией и ИЕС-счетом жить припеваючи до конца своих дней. Знаете, одно из великих достоинств работы во «Всеобщих технократах» — личные ИЕС-счета. Должен также признать, что кафе здесь тоже неплохое, а в кино показывают самые новые фильмы.

Циммерман вздрогнул, когда у него в кармане что-то зазвенело. Он извлек свой гостевой пропуск; тот яростно трезвонил. Клерк сжал пальцами уголок пропуска, и звон тут же прекратился.

— Сигнал означает, что ваше время кончается, — пояснил клерк. — Приятно было побеседовать. У нас не очень-то часто бывают посетители с ваших уровней. В нашей реальности даже гостиницы нет.

— Минуточку. А у вас тут есть счет Земли?

— Да, в банке, вместе со счетами остальных планет. С него еще никто ничего не снимал.

— Что ж, для этого я и прибыл, — сказал Гарри. — Я полномочный представитель Земли. В противном случае меня бы здесь не было. Верно?

Клерк кивнул. Он уже не выглядел таким счастливым.

— Я хочу снять со счета некоторое количество счастья. Для Земли, разумеется, а не для себя лично. Не знаю, давно ли вы проверяли состояние наших дел, но на планете накопилось немало проблем. С каждым годом у нас все больше войн, загрязнения среды, голода, наводнений, тайфунов, необъяснимых аварий и тому подобного. Кое-кто на Земле начинает нервничать. Сейчас нам счастье очень даже не помешает.

— Я так и знал, что в один прекрасный день с Земли кто-нибудь да заявится, — пробормотал клерк. — Этого-то я и опасался.

— В чем дело? Вы сами говорили, что счет Земли в банке имеется.

— Счет-то есть. Только он пуст.

— Но как такое могло произойти? — потребовал ответа Циммерман.

Клерк пожал плечами.

— Вы сами знаете принципы работы банков. Нам нужно иметь прибыль.

— А какое это имеет отношение к счастью Земли?

— Мы его ссудили под проценты.

— Вы ссудили наше счастье?

Клерк кивнул.

— Ассоциации цивилизаций Малого Магелланова Облака. Риск первого класса.

— Что ж, — сказал Циммерман, — значит вы отзовете ссуду

— Мне неприятно вам об этом сообщать, но придется. Несмотря на свою весьма высокую кредитоспособность, Ассоциация цивилизаций ММО недавно провалилась в черную дыру. Понимаете, возникла пространственно-временная аномалия. Со всяким может случиться.

— Да, беднягам не повезло, — согласился Циммерман. — Но что с нашим счастьем?

— Вернуть его уже невозможно. Оно провалилось за горизонт событий вместе с прочими ценностями ассоциации.

— Вы потеряли наше счастье!

— Не волнуйтесь, ваша планета обязательно накопит новое. Мне очень жаль, но здесь я бессилен вам помочь.

Печальная улыбка клерка и его взлохмаченная голова начали растворяться. Все вокруг замерцало, потускнело. Циммерман понял, что возвращается в Нью-Йорк. И это ему совсем не понравилось. Надо же, он первым из людей сумел оказаться в другой реальности, можно сказать, стал галактическим Колумбом, — и что он ответит людям после возвращения? Мол, извините, братцы, но ваше счастье ухнуло в черную дыру?

Да если он принесет весть о столь космическом невезении, его имя на века станет проклятием. Люди станут говорить, указывая на человека, сообщившего всем о сокрушительном несчастье: «Вот идет Циммерман!»

Так нечестно. Он не может допустить, чтобы дурная слава последовала за ним в вечность. Нужно что-то предпринять, и срочно.

Но что?

И этот миг, когда он был наполовину там, наполовину здесь, стал для Гарри Циммермана моментом принятия решения. Тем самым случаем, когда необходимость, обычно не проявляющая ни к кому благосклонности, неожиданно становится матерью изобретений.

Циммермана внезапно озарило.

— Подождите! — крикнул он клерку. — Нам надо поговорить!

— Послушайте, я ведь уже сказал, что очень извиняюсь.

— Забудьте об извинениях. У меня деловое предложение.

Клерк махнул рукой. Мерцание прекратилось.

— И какое же?

— Заем.

— Заем счастья?

— Разумеется. И крупный. Такой, чтобы нам хватило выпутаться из всех неприятностей.

— Дорогой сэр, почему же вы с этого не начали? Наш бизнес — давать счастье взаймы. Идите со мной.

И Гарри отправился за клерком.

Подобно Колумбу, возвратившему испанскому королю и королеве взятые взаймы золото и жемчуг, Гарри Циммерман, наш невольный представитель, вернулся в Кармический банк и оформил договор о займе счастья, в котором мы, жители Земли, так отчаянно нуждались. Вот в чем истинная причина нашего нынешнего процветания и благополучия в прекрасном двадцать первом столетии. Разумеется, процент по займу был выставлен немалый: Кармический банк ссужает счастье не за красивые глазки. Так что если мы не отыщем способ в ближайшем будущем вернуть заем, нам останется только одно — спрятаться в черной дыре, подобно Ассоциации цивилизаций ММО. Да, это крайнее средство, но уж лучше ухнуть в черную дыру, чем навсегда распрощаться со своей планетой.

Перевел с английского
Андрей НОВИКОВ

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ ПРОГНОЗОВ
ГОРОСКОП 1996
СТАНЬ ХОЗЯИНОМ СВОЕЙ СУДЬБЫ
Подписной индекс 72850/каталог "Роспечати"/
125805, Москва, ул. Правды 24,
☎ 257-37-98, факс (095)257-33-12

Груз прошлых деяний

Понятие «карма», еще лет двадцать назад практически не известное европейцам, ныне стало одним из самых употребимых философских понятий, проникая даже в обиходный словарь политиков и журналистов. Однако, читая иные публицистические материалы, ловишь себя на мысли, что сам автор плохо представляет, что же стоит за этим термином.

Учение о карме* является одним из основополагающих понятий индийской идеалистической философии, религий индуизма и буддизма. Тема бессмертия и кармы неоднократно повторяется в различных разделах Упанишад**, например, в поэме о Начикетасе. Герой поэмы, юноша Начикетас, умер и попал в царство мертвых, однако бог царства мертвых Яма на три дня опоздал на встречу с Начикетасом. Такое опоздание в те времена являлось серьезным нарушением этикета со стороны бога. Для того чтобы искупить свою вину, Яма предлагает исполнить три любых желания гостя. Подумав, герой просит: умилостивить отца, в гневе отправившего его в царство мертвых; обрести небесный мир, где не боятся смерти; раскрыть тайну смерти и поведать посмертную судьбу человека.

Яма не хочет выполнять третье желание Начикетаса: по его словам, даже богам трудно распознать эту тайну. Яма предлагает Начикетасу богатство, долгую жизнь и любые другие земные удовольствия — только не исполнение последней просьбы. Но Начикетас отказывается заменить свое желание, и тогда Яма открывает ему тайну жизни и смерти: «Тот, кто понятлив, разумен и чист, тот после смерти идет по пути богов и никогда более не рождается на Земле.

Тот, кто непонятлив, неразумен, нечист, тот возвращается в круговорот бытия».

Далее следует объяснение: после того как тело человека умирает и растворяется в стихиях, остаются только его деяния — карма.

Круговорот бытия — сансара, или «пути предков», ожидает обыкновенного человека. «Пути богов» — это путь познавших истину, но для познания истины недостаточно ни выполнения обрядов, ни даже подвижнической деятельности — надо исчерпать свою карму.

Рекомендации, как это можно совершить, изложены в книге классической йоги «Йога-сутра» Патанджали, являющейся старейшим и авторитетнейшим учебником по психофизической регуляции сознания, и в комментариях к «Йога-сутре» «Вьяса-Бхашья».

Патанджали указывает, что йога — это сосредоточение, при котором сознание собирается в точку, высвечивает объект как он есть. Подобное сосредоточение прекращает работу сознания, только оно способно ослабить путы кармы. Во всех других видах сосредоточения существует скрытый след кармы.

Существуют четыре вида кармы:
черная — у злодеев, она связана с причинением зла другим людям;
белая — у тех, кто посвятил себя подвижничеству, изучению священных текстов и созерцанию;
не белая и не черная — у йогина, который отвергает плоды даже благих действий;
бело-черная — у остальных.

Для кармы справедливо следующее условие: в процессе жизни человека проявляются те бессознательные впечатления, которые связаны с созреванием его кармы, и эти бессознательные впечатления возникли в результате прошлой деятельности.

Итак, действия прошлой жизни формируют бессознательные впечатления, которые в определенных условиях жизни нынешней проявляются: так возникает плод кармы — рождение в данном образе.

Патанджали утверждает, что только в состоянии йогического сосредоточения, в которое превращаются все размышления о собственном существовании, то есть не возникает вопросов: «Кем я был? Как я жил прежде? Что такое это рождение? Чем оно обусловлено? Кем мы будем? Я знаю. Я есть», — только в этом состоянии неведение уничтожается и ослабевает как благая, так и неблагая карма.

Если же ложные установки продолжают находиться в сознании, то карма остается, и человек рождается вновь и вновь в этом суетном мире.

Не всякий человек может освободиться от своей кармы, не всякий может стать йогом, но всякий человек может улучшить свою карму, совершая благие дела, обеспечивая таким образом лучшие условия жизни в последующих рождениях.

Усилия мыслителей различных рангов, религиозные традиции в основном направлены на достижение именно этой цели — улучшение будущей (в этом рождении или в следующем рождении) жизни.

В индуизме предлагается три пути спасения от колеса сансары (бесконечности перерождения).

Кармамарга — это путь конкретных праведных дел, которые человек, живущий в миру, должен выполнить.

Джнянамарга — путь спасения через философию и размышления.

Бхактимарга — путь к богу через беспредельную к нему любовь.

В буддизме, возникшем из недр индуизма, понятие кармы, как и понятие сансары, также занимает очень важное место.

С буддийской точки зрения, карма — это главная сила, которая контролирует мировой прогресс.

Бытие личности у буддистов подчинено следующим условиям:

1. Каждое проявление серьезных результатов нравственной и интеллектуальной деятельности личности есть проявление кармы.
2. Это проявление хотя относится к одушевленной жизни, но само по себе нравственно безразличное, автоматическое.
3. На фоне этого автоматического процесса человек может совершать самостоятельные поступки, которые становятся отправной точкой нового развития.
4. Если эти поступки носят явно выраженный нравственный характер, хороший или плохой, то они становятся кармой.

Буддизм предлагает освобождение от сансары либо путем личного совершенства — идеал архата, либо путем деятельности во имя спасения всех других существ — идеал бодхисаттвы.

Противоположностью сансары является нирвана — полное освобождение от кармы. Нирваны может достичь адепт, практикующий буддийскую йогу — дхьяну.

Достигший нирваны становится архатом, который может отказаться от блаженства нирваны, чтобы помогать развитию человечества, находясь в более тонких сферах планеты. Такой архат называется бодхисаттвой.

Однако для того чтобы получить духовное развитие архата, надо нравственно прожить множество земных жизней.

Карма как объяснение событий в жизни человека имеет тысячелетний опыт. «Кармические» пояснения давали Будда и его ученики, а сейчас это делают современные эксперты по культуре здоровья.

В заключение приведем две жизненные установки: кармиста и некармиста. Пусть читатель выбирает сам, что ему ближе.

Установка кармиста: «Закон кармы применим ко всему в равной степени. Мои прошлые санскары пустили глубокие корни в подсознании. Эти дремлющие санскары, или впечатления, заставляют всплывать различные мысли из моего подсознания и находят свое выражение в моей речи и поведении. Если я стремлюсь к истине, то я должен освободиться от этих санскар. Я достигну такого освобождения, если буду способен сжечь санскары в огне непривязанности и знания».

Установка некармиста: «Жизнь коротка, страдания неисчерпаемы, смерть неизбежна. Но, отправляясь в путь, может быть, стоит взять с собой эти два воздушных шарика, на одном из которых написано Пыл, а на другом — Увлеченность. Совершая с ними свой путь к гробу, я еще намерен пошлепать по симпатичной попке, погладить по головке хорошенькую девушку, помахать рукой озорнику, забравшемуся на дерево. Если кто хочет ко мне присоединиться, милости прошу — места на дороге хватит всем». (Рэй Брэдбери. «Память человечества»).

Юрий БАШИН

---

* *Карма — (санскрит) деяние, действие, плод действия.*

** *Упанишады — индийские религиозно-философские произведения, возникли в VII — III вв до н.э.*

книжное обозрение

Вы любите фантастику?
Вы хотите знать о ней как можно больше?
Вы хотите знать о ней ВСЁ!?

Тогда не забудьте подписаться на еженедельник "Книжное обозрение"!

Только в "КО":

— исчерпывающая информация о новинках книгоиздания и кинематографа;
— встречи с ведущими писателями России, других стран мира;
— уникальная "Энциклопедия фантастики"

Подписной индекс "КО" по каталогу газеты "Аргументы и факты" — 50051

О ВАС УСЛЫШИТ ВСЯ МОСКВА,

если вы разместите рекламу своей фирмы в программах радиокомпании «Москва».

Миллионы жителей столицы и Подмосковья слушают наши передачи утром и вечером по первому каналу московской городской сети (1 программа), на СВ-355 м и УКВ 66,44 мГц, а также на волне 4,52 м.

Звоните: 233-71-38, 233-79-83, 233-79-74.
Факс: 231-82-99

Всеволод Ревич

Попытка к бегству

В выпусках «Интеркома» и в рубрике «Система координат» мы не раз рассказывали читателям о новейших течениях и направлениях в современной фантастике, однако истории жанра касались достаточно фрагментарно. Желая исправить это упущение, мы до конца года намерены опубликовать серию очерков, которые познакомят наших читателей с историей российской, а затем и зарубежной фантастики, начиная с периода ее становления как жанра. Для отечественной фантастики это будут первые два послевоенных десятилетия, для зарубежной — эпоха Хьюго Гернсбека и Джона Кэмпбелла.

Поскольку авторы очерков — непосредственные участники описываемых событий, они не претендуют на академическую беспристрастность. Быть может, их оценки будут иногда субъективны, но нам кажется, что живое слово интереснее отстраненного комментария. Открывает серию литературовед, критик Всеволод Ревич.

А если все не так, и все как прежде будет,
Пусть Бог меня простит, пусть сын меня осудит,
Что зря я распахнул напрасные крыла...
Что ж делать? Надежда была.

Булат Окуджава

Понимаю, многим читателям надоели политические аллюзии, и журнал «Если» выписывают именно для отдохновения души. Но что поделать, если история нашей литературы — всегда, во все времена — была напрямую связана с политическими реалиями и вне этого контекста существовать не могла. Так что разговор наш придется начать с партийного съезда. Того известного съезда КПСС в 1956 году, на котором Н.С.Хрущев произнес знаменитую антикультовую речь.

Обнародованные факты нанесли тяжелый удар не только по сталинизму, но и по социализму в целом: в умах миллионов людей и то, и другое слилось воедино. К чему привел процесс его эрозии, мы все видели; впрочем, завершится он, кажется, нескоро. Однако до перестройки, до роспуска КПСС, до развала СССР еще далеко. Во второй половине 50-х на социализм, по крайней мере в нашей стране, никто всерьез не посягал. Но в головах его сторонников осознанно или неосознанно оформилась мысль: идею надо спасать. А вот о том, как это делать, существовали разные точки зрения. Одной из них придерживалось мало изменившееся руководство страны: партия с культом покончила, вспоминать о нем желательно поехе, генеральная же линия была правильной, и советский народ с повышенным энтузиазмом будет продолжать строить все тот же социализм. Правда, атмосфера несколько прояснилась, людей уже не записывали по ночам в «вороны», стали возвращаться узники концлагерей... Вездесущий И.Эренбург поторопился поймать настроение в повести «Оттепель», название которой стало символизировать дни больших ожиданий.

Более дальновидные адепты социализма догадались, что косметическим макияжем доктрину не уберечь. В их представлении стал вырисовываться несколько другой социализм, очищенный от крови и грязи. Вскоре его станут называть «социализмом с человеческим лицом», а чех Дубчек попробует воспроизвести «кентавра» на практике. Но советским руководителям отказаться от догм оказалось не под силу, и они предпочли раздавить «Пражскую весну» танками, тем самым прикончив собственный последний шанс.

Однако мы пока пребываем в Советском Союзе конца 50-х, и до танков дело еще не дошло. Интеллигенция делает попытку добиться в своей стране хотя бы сносных условий существования. Рождается мощное движение шестидесятников. Неожиданно для всех одной из составных и существенных частей движения становится фантастика, до тех пор уютно коротавшая время в комнате развлечений для детворы, а ее предтечей — роман И.А.Ефремова «Туманность Андромеды» (1958 г.).

Основная претензия нынешних «сердитых» критиков: шестидесятники старались улучшить социализм, вместо того чтобы с порога отвергнуть его. У нас короткая память: именно шестидесятники подготовили почву для грядущих перемен, в том числе и для своих критиков. Но что правда, то правда, хотя и парадоксальная: самыми умными и верными защитниками коммунистической идеи на время оказались не хмурые партийные бонзы, не путаник Хрущев, а ярые противники сталинизма, народ, настроенный сугубо демократически. Ефремов не был в первых рядах тех, кто отличался отмеченными свойствами. Напротив, в статьях он нередко высказывался в меру консервативно. Тем не менее он одним из первых ринулся в бой за спасение белоснежных, но окровавленных риз дорогого ему коммунистического царства.

Конечно, советская фантастика существовала и до второй половины 50-х годов. Она даже пользовалась популярностью, хотя бы потому, что выбирать было не из чего. В значительной своей части фантастика разделяла участь всей советской литературы: она находилась под жесточайшим идеологическим прессом. Правда, была и лучшая ее часть, которую можно называть гордым словом сопротивление. Но беда в том, что многие произведения, которые перевернули наши представления о довоенной советской литературе, были недоступны читателю. Еще один парадокс заключается в том, что идеологическим надзирателям была не по душе не только такая, задиристая, но и любая, самая верноподданная фантастика. По самой своей природе даже она несла в себе разрушительное начало, подталкивая людей к самостоятельному мышлению.

И для того, чтобы окончательно зажать рот нежелательным социальным фантазерам, была изобретена теория так называемого «ближнего прицела». Трубадуры этого «учения» охотно нацепили на себя наручники и пытались заставить всех проделать ту же операцию. С.Иванов в программной статье «Фантастика и действительность» («Октябрь» 1950 г., №1) писал так: «Разве постановление о полезащитных лесных полосах, рассчитанное на пятнадцатилетний срок, в течение которого должна быть коренным образом преображена почти половина нашей страны, преображена настолько, что даже изменится климат, — разве это постановление не является исключительно благодатным материалом для настоящих фантастов?»

Большая группа писателей с готовностью взяла установки С.Иванова на вооружение и принялась сочинять рассказ за рассказом, соревнующиеся по пустоте. Тут уж не надо было не только воображать, но даже и думать: представил себе наскоро, скажем, прибор для обнаружения металлических предметов под землей — и садись писать фантастику. И уж совсем необъясним тот факт, что трижды осмеянная фантастика ближнего прицела пережила и взлет 60-х годов, и 70-е, и даже 80-е... Если не в теории, то на практике некоторые писатели не смогли, а скорее, не захотели выходить за очень удобные для них рамки. И никакая критика не смогла остановить множества изданий и переизданий.

На таком фоне появление «Туманности Андромеды» произвело эффект взрыва, воспринятого некоторыми как террористический.

Ефремов написал книгу про общество без насилия, про

общество, в котором, если судить непредвзято, немало привлекательного, хотя сейчас мы отчетливо видим шоры, добровольно надвинутые им на глаза. Но так, собственно, обстояло дело со всеми утопиями, каждая из них — дитя времени. На фоне догматической философии, лживой литературы, убогой фантастики «Туманность Андромеды» послужила одним из стимулов для раскрепощения нашего сознания, стала одной из отправных точек начавшейся в 60-е годы перестройки нашего мышления, что опять-таки парадоксально — ведь автор ставил перед собой иные цели.

Несомненно, однако, что «Туманность Андромеды» явилась дерзким вызовом «ближним прицелам» и прочим запрещениям, но ведь уже взлетел в небо первый спутник. Тем не менее инерция была велика: книга незамедлительно подверглась нападкам. И хотя, несмотря ни на какие партсъезды, ни на какие оттепели, притеснения писателей продолжались, Ефремова на этот раз удалось отстоять.

Фантастика 60-х была попыткой убежать от мертвечины, от лжи, которой пробавлялась советская литература в течение десятилетий. Заметив эту попытку к бегству, немало конвоиров вскинуло ружья. Удалась ли попытка? Мне кажется — да. Хотя и не во всем, хотя с большими потерями, хотя многие надежды не сбылись, а многие идеалы рухнули. Но я не вижу иного выхода и иного спасения, кроме как в возвращении к надеждам и идеалам. Не в буквальном смысле к идеалам шестидесятников, а к непреходящим человеческим ценностям, о которых они в советской литературе заговорили впервые.

Читатели, возможно, знакомы со статьей Г.Уэллса «Современная утопия» (альманах «Завтра», 1991 г., №1), написанной в начале века. Как ни парадоксально — это тезисы ефремовской утопии. Откуда же взялась общность мыслей у столь разных писателей? Дело в том, что Ефремов создал утопию вовсе не коммунистическую. Мы любим говорить о неповторимости исторического пути каждого народа, его этнического менталитета, культуры и т.д. Но часто оставляем в стороне то, что в главном мы все похожи. Ведь если бы мы были разными принципиально, то едва ли могли бы сосуществовать на одной планете. Помните, Маугли даже питона приветствовал дружеским кличем всех живых существ: «Мы одной крови — ты и я!» Тем более одной крови все люди на Земле, и они всегда могут — если захотят — столковаться между собой, понять друг друга. Заслуга Ефремова не в том, что он написал сугубо коммунистический манифест, хотя именно за это его хвалили отечественные комментаторы. В меру своих литературных сил он написал утопию общечеловеческую. Как бы ни расходились мнения насчет будущего человечества, я все же надеюсь, что пока еще подавляющую часть членов земного содружества, которых Уэллс называет мыслящими, составляют нормальные личности, чьи головы заняты не тем, как бы отравить ни в чем не повинных пассажиров метро. И вот у них-то представления о том, какой должна быть нормальная, счастливая жизнь, в главных чертах обязательно совпадут. Статья Уэллса и роман Ефремова, разделенные полувеком, убедительно это доказывают.

Мне даже кажется, что Ефремов недооценил открывающиеся перед ним возможности: при всем богатстве его воображения, ему не хватило сахаровской, если хотите, широты мышления. По большому историческому счету — как раз после 1956 года — наша генеральная утопия могла бы выглядеть несколько поиному, и тогда у «Туманности Андромеды» появились бы шансы стать действительно одной из выдающихся книг XX века. Вместо того чтобы бросаться защищать тонущий социализм, Ефремов мог бы создать новую утопию, контуры которой набросал Уэллс. Ведь Ефремов приближался к ней, но коммунистические предрассудки помешали ему сделать это.

Но как бы ни относиться к Ефремову сейчас, появление «Туманности ...» распахнуло дверь нашей фантастике. Правда, во многом породив новую фантастику, сам Ефремов примкнуть к ней не смог или не захотел, и ефремовский вымпел над ней вскоре сменился знаменем Стругацких. Конечно, фантастика 60-х была явлением общественно необходимым. Она появилась бы и без «Туманности...», но появилась бы позже и дольше набирала необходимую высоту.

В первое пятилетие после выхода этого романа на страницах журналов замелькали десятки новых имен, среди которых читатели сразу заметили А. и Б.Стругацких, А.Днепрова, Г.Альтова, В.Журавлеву, С.Гансовского, В.Савченко, А.Громову... Я называю самых первых. Немного позже к ним присоединились И.Варшавский, К.Булычев, В.Михайлов, Д.Биленкин, Е.Войскунский и И.Лукодьянов, М.Емцев и Е.Парнов, Б.Зубков и Е.Муслин, В.Григорьев, еще позже В.Колупаев, О.Ларионова, В.Крапивин... Сколько же талантов томилось у нас в подполье!

Приверженцы фантастики «ближнего прицела» встретили молодое пополнение в штыки. За годы безмятежного и бесконкурентного существования они утвердились в мысли, что они-то и есть «генеральное направление». А тут пришли неведомые «мальчишки»... Однако и среди писателей известных нашлись разумные люди, которые не стали воевать с новым поколением, а небезуспешно попробовали свои силы в новом для себя жанре — Г.Гор, В.Шефнер, Л.Обухова, В.Тендряков... Другие, как Г.Гуревич, старались перестроить свое прежнее творчество в новом духе.

Чем же отличались первые книги писателей новой волны? Запамятовав предупреждение Н.Некрасова о том, что «силу новую» «в форму старую, готовую необдуманно не лей», они именно так и поступили, воспользовавшись испытанными приемами. Главное внимание они уделяли научно-технической гипотезе, а люди, герои были еще безлики — им отводилась роль авторских рупоров. Почти обязательным было противопоставление Западу; естественно, мир капитализма изображался в черных красках...

Вспоминаю об этом с сожалением, так как подобных концепций придерживались многие талантливые писатели, которым, мне кажется, лишь слепая приверженность к «научной» фантастике помешала создать нечто значительное. Впрочем, иногда им удавалось выходить за поставленные рамки, и появлялась возможность говорить об их книгах как о полноценной литературе. Среди этого круга фантастов было много моих друзей. Мы вели бесконечные споры и однажды с Генрихом Альтовым нашли формулу, в которой проявилась суть наших разногласий. По его мнению, территориальные научно-фантастические воды оккупирует множество капитанов Немо, но им недостает «Наутилусов». А без персонального «Наутилуса» Немо в полном смысле ничто. Я же уверял своего оппонента (и на том стою), что на тех же самых волнах качается — с атомными турбинами или омега-гиперон-кварк-реакторами — огромное количество разнокалиберных «Наутилусов», но гордые капитаны, которые могли бы запомниться читателям, за их штурвалами отсутствуют.

Но была в новой фантастике и одна существенная черта, которая в догматические рамки уже не укладывалась. Вспомним, что это было время, когда еще совсем недавно кибернетика объявлялась буржуазной лженаукой, квантовая механика — идеализмом, а генетика и вовсе подверглась остракизму.

Фантастика же с непозволительной для официальной науки вольностью начала обращаться с основами мироздания. Она выкручивала, замедляла, ускоряла течение времени. Она сплющивала пространство. Она выводила причудливые формы неразумных и разумных креатур, игнорируя предписания законов эволюции. Именно фантасты наконец познакомили широкую публику с принципами кибернетики. Взять хотя бы один из первых рассказов А.Днепрова «Сузма» (1958 г.). В

рассказе много места занимают популярные объяснения того, как устроена ЭВМ (наш читатель еще нуждался в ликбезе). Но сама идея рассказа — «разумная» машина, у которой нет «тормозов», и поэтому она решает вскрыть скальпелем череп своего создателя, чтобы разобраться в работе мозга, — может быть, первое в нашей литературе повествование об опасностях, которые таят в себе безответственные игры с роботами. Впоследствии эта тема станет в фантастике расхожей.

Особым разнообразием идей отличался Генрих Альтов, изобретатель и теоретик изобретательства. Почти каждый его рассказ содержал незатронутую наукой идею, может быть, и неосуществимую, но всегда дерзкую, нетрадиционную. Как, например, преодолеть проклятие межзвездных перелетов, занимающих сотни и тысячи лет? Если в «Туманности Андромеды» для решения этой задачи предлагалось задействовать мощный энергетический луч, то есть, честно говоря, ничего не предлагалось, то в рассказе Альтова «Ослик и аксиома» намечено конкретное и в принципе (конечно, только в принципе) осуществимое решение. Эти смелые и оригинальные идеи отличались от жалких выдумок творцов «ближнего прицела», как скопление галактик от кучи битых кирпичей, хотя и то, и другое продолжало именоваться научной фантастикой. К сожалению, «капитаны Немо», которые одушевляли бы «безумные» идеи, в рассказах Альтова, Днепрова и других создателей новой волны так и не появились...

Среди группы открывателей читатель вскоре выделил братьев Стругацких. Но и они начинали в том же научном ключе. Вот как в разговоре со мной старший из соавторов лет двадцать спустя оценивал их первую «толстую» книгу, «Страну Багровых Туч» (1959 г.):

«Хотя мы с самого начала ставили перед собой задачу оживить героя в фантастике, тем не менее очень большое место в «Стране Багровых Туч» занимает научно-техническая идея, можно даже сказать, что она и стала главным героем. Масса мест там отведено бессмысленному, как нам теперь кажется, обоснованию возможности полета на Венеру: фотонная тяга, спектролитовые колпаки и т.д. Мы собрали все известные сведения о Венере, стараясь описать планету такой, какой ее представляла в те времена наука. А если и были фантастические допущения, то они тоже отвечали тогдашней моде — трансурановые элементы, слад удара метеорита из антивещества и другая чепуха...»

Я склонен считать эту авторскую оценку слишком суровой. «Страна Багровых Туч» и сейчас читается как добротный приключенческий роман, в котором привлекает поведение героев, а не избыток научных сведений. А вот чего там действительно нет — конфликта, над существом которого читатель мог бы задуматься.

Смена курса произошла в первой половине 60-х годов. Конечно, и в эти годы продолжали печататься отставшие от времени, окаменевшие в старых формах Казанцев, Немцов, Томан и другие, не пожелавшие «поступиться принципами». Но общественный тон уже задавали иные книги.

В.Савченко после добротных, но вполне традиционных «Черных звезд» написал пьесу «Новое оружие», по тем временам настолько острую, что я до сих пор не перестаю удивляться, каким образом она сошла с рук тогдашней «Молодой гвардии». Ведь автор в сущности возложил ответственность за ядерную гонку на обе стороны, как на Запад, так и на СССР... А.Громова вслед за милыми, но бесконфликтными «Глегами» пишет новаторскую повесть «В круге света», где утверждает ценность и автономность каждого человека, его способность сопротивляться безумию окружающего мира... С.Гансовский издает свою лучшую повесть «День гнева», в которой обличается античеловечность бездумных экспериментов. (Кстати, эта повесть была включена в известную американскую антологию «Лучшая фантастика мира».)

Для Стругацких переломной была «Попытка к бегству» (1962 г.). В ней были заложены тенденции, которые превратят Стругацких в писателей с мировым именем.

...В межзвездный туристский рейс к двум молодым людям напрашивается странный человек по имени Саул. Однако веселого турпохода у путешественников не получилось. Планета, которую они облюбовали, оказалась обитаемой, и царил на ней строй, в котором причудливо перемешались признаки средневековья и фашизма.

Я надеюсь, что не открою сюжетную тайну читателям «Если», сообщив, что Саул оказался человеком XX века, советским офицером, бежавшим в будущее из нацистского плена. Но действительность снова сталкивает беглеца с духовными родственниками его палачей. И, вступая в борьбу с новыми врагами, он, может быть, неожиданно для себя открывает, что убежать от собственного времени, от своего долга человек не может, не имеет права, иначе должен считать себя дезертиром.

«Попытка к бегству» была первым произведением Стругацких, вызвавшим неудовольствие «компетентных» органов. Обычно подобное раздражение приобретало вид «докладных записок» отделу пропаганды ЦК КПСС. Я, грешным делом, думаю, что нападки именно на эту повесть объясняются тем, что имена Стругацких с некоторых пор стали вызывать у наших руководителей идеосинкразию, потому что антифашистский пафос «Попытки...» настолько очевиден, что лягнуть ее можно, только исказив авторскую идею. И тем не менее автор доноса сообщал: герой повести пришел к убеждению, что «коммунизм не в состоянии бороться с космическим фашизмом» и «возвращается (надо полагать, с отчаяния. — В.Р.) снова в XX век, где и погибает от рук гитлеровцев». Ничего подобного. Он возвращается к месту последнего боя, потому что, побывав в будущем, убеждается: борьбу с фашистской заразой нельзя откладывать на потом, иначе она может опасно распространиться.

Бессмысленно было бы искать научные обоснования «перелетов» Саула через века. Перед нами другая фантастика, которую мало волнуют технические детали, фантастическая ситуация понадобилась для того, чтобы предметно рассмотреть такие «абстрактные понятия», как ответственность человека перед историей, перед эпохой. Отныне Стругацкие будут всегда подводить своего героя к распутью, к необходимости сделать трудный моральный выбор; они будут безжалостны к своему герою, они не дадут ему возможности сыграть вничью, увильнуть от ответа...

Та же проблема вмешательства в чужую жизнь, но гораздо острее поставлена в одном из лучших произведений Стругацких, романе «Трудно быть богом» (1964 г.). Естественно, и реакция на него была несравненно резче. Авторы записок не поняли, а может быть, были тогда и не в состоянии понять, что в романе затронут один из кардинальнейших вопросов существования современного человечества — возможно ли, приемлемо ли насильственное ускорение исторического процесса? Они деланно возмущаются: да как же это так — представители коммунистического человечества лицезрят пытки, казни и не вмешиваются. В докладной записке в ЦК прямо заявлено: «Земное оружие могло бы предотвратить страдания несчастных жителей Арканара». Поверим на секунду в искренность этого возмущения и предложим автору, доведя свою мысль до конца, конкретно представить себе межпланетную «Бурю в пустыне». Высаживается, значит, карательный десант гуманистов — и королей, палачей, стражников, всех в расход!

Не стану напоминать, что мыслимые варианты вмешательства разобраны в самом романе и что Стругацкие дали единственно правильный ответ — спасать разум планеты, ученых, книгочеев, рукописи, поддерживать ростки просвещения. Ну, постреляли мы угнетателей, а потом — что? Мы еще недостаточно нагляделись на «кухарок», поставленных управлять государством? Нам недостаточно опыта экспериментов над собственным народом? Тогда вспомним Камбоджу, Афганистан, Эфиопию, Мозамбик, Кубу, Северную Корею... Разве

не эту модель — нищету, отсталость, моральный и физический террор — мы пытались насильственно распространить на весь мир, считая себя носителями высшей морали?

На Стругацких была организована фронтальная атака в прессе, которая, скорее всего, служила прикрытием для выполнения «партийного поручения». Только слепой бы не обнаружил, что в черты недоразвитого феодализма авторы вкрапили черты другой эпохи. Из какой действительности взяты, допустим, штурмовики или Патриотическая школа, в которой пытливых юношей учат обожать высшее руководство и применять допросы третьей степени к врагам феодализма? А заговор лейб-знахарей-убийц? Могли ли такие намеки нравиться идеологическим надзирателям? Не исключено, что они разглядели — и, может быть, были правы — в романе картины не только прошлого, но и настоящего или даже будущего...

А вот «Понедельник начинается в субботу» (1965 г.) политических обвинений не вызвал, хотя и нашлись, конечно, деятели, которые повздыхали по судьбе опошленного-де фольклора. Однако в последнее время возникли разговоры, что Стругацкие искаженно нарисовали героев того времени.

Что ж, поговорим о героях того времени, отнеся к ним не только молодого программиста Сашу Привалова, но и собравшихся со всех концов света и из всех веков в северорусский городок чародеев и волшебников. При всем разноличии этот интернационал отмечен явственными советскими чертами. О, это высококвалифицированные маги! Они могут проходить сквозь стены, преуспели в дрессировке огнедышащих драконов, ловко управляются аж с нелинейной трансгрессией, но оказываются беспомощными перед Административной Системой в лице руководства Института чародейства и волшебства — НИИЧАВО. Штатные маги покорно подчиняются заму, дураку и бюрократу, стоят в очереди за получкой, принимают как должное неизбежность соблюдения множества нелепых инструкций и вынуждены терпеть в своей честной трудовой семье таких невежд, как профессор Выбегалло, хотя прекрасно знают ему цену. Видимо, есть силы, перед которыми пасует вся черная и белая магия. Образ этого лжеученого-демагога создавался тогда, когда его отчетливо просматриваемый прототип еще котировался среди власть предержащих.

Неважно, что сотрудники института заняты магическими разработками, по сути дела они обыкновенные «физики из ящика», настолько увлеченные своим делом, что выходные дни им кажутся досадной потерей времени. Таких же парней, но уже без всякой магии мы находим и в «Полдне. XXII век» и в «Далекой Радуге»...

Пришли новые времена, появилась новая генерация критиков, которые сочли своим долгом поставить неразумных шестидесятников на место, и в двух «толстых» журналах, ранее в упор не замечавших никакой фантастики, одновременно появились статьи, в сущности сомкнувшиеся с партийными разносами прошлых лет, хотя, на первый взгляд, они написаны с других позиций. Если раньше Стругацких уличали в недостаточной, что ли, коммунистичности, то ныне им ставят в вину чрезмерную коммунистичность и «совковость» — от концепций до мелочей. Так, в массовом бегстве сотрудников НИИЧАВО с новогоднего застолья критикесса из «Знамени» усмотрела черты некоего надрывного энтузиазма. Нечего, мол, восхищаться этими моральными уродами, бездуховными, безжалостными в своем научном рвении. Подумать только: они даже отдыхать толком не умеют!

Если отбросить прокурорский тон, то некоторые из этих характеристик подмечены верно. Да, царила тогда среди научной интеллигенции известная эйфория от захвативших дух перспектив научно-технической революции. В ее атмосфере гуманистические начала оказались несколько потесненными. Именно тогда родились известные строчки Бориса Слуцкого:

Что-то физики в почете.
Что-то лирики в загоне...

Именно тогда всерьез велись кажущиеся сейчас нелепыми (хотя, может, и безосновательно) дебаты о ветке сирени в космосе, о том, нужны ли инженеру Блок и Бетховен... И все-таки не росли эти ребята безнравственными и бездуховными; право же, это была не худшая российская генерация. Да, их нельзя было клещами вытянуть из лабораторий и с полигонов, но так ли уж это плохо — умение и желание самозабвенно трудиться? Между прочим, А.Д.Сахаров вышел из их среды.

А вовсю вихри враждебные разбушевались над «Сказкой о Тройке». И действительно, трудно вспомнить произведение, в котором наш родимый бюрократизм раздевывался бы с такой хлесткостью, как в этой «Сказке...» Разве что «Теркин на том свете».

Со «Сказкой...» произошло редкостное даже по тем временам событие: из-за ее публикации в 1968 году был разогнан альманах «Ангара». Конечно, действия разгневанного начальства напоминали поступок персидского царя, который приказал высечь плетьми море. Но это сегодня легко иронизировать, а тогда входили в силу тяжелые для нашей общественной жизни годы, и воспринимались они без улыбок.

Сейчас-то мы понимаем, что в «Сказке...» Стругацкие нанесли удар по самой системе. Но в те годы, боюсь, даже авторам представлялось, что они сражаются лишь с ее извращениями. Что до реакции партийных органов на публикацию «Сказки...», то она представляется мне, как это ни покажется странным, адекватной. Товарищи из иркутского обкома, в чьем ведении была «Ангара», распознали в кривых зеркалах собственные отражения и переполошились.

В их докладной наличествует весь терминологический набор так называемой партийной критики. «Авторы придали злу самодовлеющий характер, отделили недостатки от прогрессивных общественных сил, успешно (конечно же! — В.Р.) преодолевающих их. В результате частное и преходящее зло приобрело всеобщность, вечность, фатальную неизбежность. Повесть стала «пасквилем»; «идейно ущербная», «антинародна и аполитична», «глумятся», «охаивание», «авторы представляют советский народ утратившим коммунистические идеалы»... (Стоит ли сейчас доказывать, что даже сатирический гнев «Сказки...» имел в основании позитивные идеалы, а не маниакальное стремление охаять строителей коммунизма?)

Помню, Аркадий Стругацкий рассказывал мне, как, устав жить в обстановке открытого и скрытого недоброжелательства, он, может быть, с изрядной долей наивности напросился на разговор к секретарю ЦК П.Н.Демичеву. «Аркадий Натанович, — было сказано ему, — ищите врагов пониже, в Центральном Комитете их нет». Вряд ли это было сказано искренне...

Но все же времена уже не были прежними — растоптать Стругацких не удалось, подорвать читательскую любовь к ним — тоже. В отличие от Булгакова авторы дожили до того дня, когда гонимая некогда повесть была напечатана в «Смене», журнале с полуторамиллионным тиражом. (Тираж «Ангары», между прочим, был всего 3000 экземпляров.) А вот дожить до выхода хотя бы первого тома собрания сочинений у себя на родине Аркадию не довелось.

Но за мной, читатель, за мной, как призывал классик. С сожалением оставим в стороне такие интересные свидетельства времени у тех же Стругацких, как «Хищные вещи века», «Второе нашествие марсиан», «Улитка на склоне», «Гадкие лебеди»... Как ни велика роль Стругацких, не они одни создавали новую фантастику.

(Продолжение следует)

Fantasy & SF News

ВСЕМИРНАЯ ПРЕМИЯ ФЭНТЕЗИ

29 октября 1995 года во время Всемирной конвенции фэнтези, проходившей в американском городе Балтиморе, были объявлены новые лауреаты Всемирной премии фэнтези (World Fantasy Awards). Премия по категории «роман» на этот раз была присуждена ДЖЕЙМСУ МОРРОУ за роман «Towing Jehovah» («Иегова с бечевой»). Лучшей повестью прошедшего года было названо произведение ЭЛИЗАБЕТ ХЭНД «Last Summer at Mars Hill» («Последнее лето на марсианском холме»). По категории «произведение малой формы» был отмечен рассказ СТИВЕНА КИНГА «The Man in the Black Suit» («Человек в черном костюме»). Премии «за достижения всей жизни» была удостоена УРСУЛА ЛЕ ГУИН.

СЕНСАЦИИ

СТИВЕН КИНГ, самый преуспевающий писатель современности, как известно, очень не любит повторяться и охотно идет на разные необычные эксперименты. В 1996 году издательство «Penguin» выпустит его новый роман «The Green Mile» («Зеленая миля»). Это, разумеется, не сенсация — каждый год Кинг к радости своих поклонников пишет одну-две новые книги. Сенсация в другом: роман будет издан совершенно необычным способом, который был привычен для начала XX века, ныне же совершенно позабыт. Короче говоря, части романа будут выходить как сериал — ежемесячными отдельными выпусками по 96 страниц каждая. Причем утверждается, что первая часть, которая называется «The Two Dead Girls» («Две мертвые девушки»), появится в книжных магазинах еще до того как Кинг напишет роман целиком. Впрочем, это не единственный сюрприз, который писатель решил преподнести читателям. Осенью 1996 года одновременно выйдут в свет еще две новые книги Кинга, написанные им ранее — роман «Desperation» («Отчаяние») под его собственным именем и роман «The Regulators» («Уравнители») под псевдонимом Ричард Бахман, которым Кинг не пользовался уже более десяти лет. Особенность этих книг заключается в том, что в них задействован примерно один и тот же состав персонажей, а «темные» события из одного романа проясняются в другом — и наоборот. Поистине, Кинг неистощим на выдумки. С другой стороны, подобные рискованные фокусы на рынке может выкидывать только он, некоронованный «король ужасов» в американской литературе.

НОВЫЕ КНИГИ

В ноябре 1995 года вышел новый роман известного писателя «поколения 80-х» К.У.ДЖЕТЕРА, которого часто именуют «учеником Филипа Дика». Книга называется «Blade Runner 2: The Edge of Human» («Бегущий по лезвию бритвы-2: Грань человечности»). Это прямое продолжение как знаменитого романа Дика «Снятся ли андроидам электрические овцы?», так и не менее знаменитого фильма режиссера Ридли Скотта, снятого по мотивам романа. В этом своеобразном сиквеле рассказывается о дальнейшей судьбе Рика Декарда, его попытках продлить жизнь Рэчел, у которой заканчивается четырехлетний цикл, и о том, где же пролегает граница между людьми и созданными ими «репликантами». Критики отмечают, что Джетер неплохо справился со своим заданием, однако его книга — это, скорее, продолжение фильма, нежели романа.

Новая книга КИМА НЬЮМАНА «The Bloody Red Baron» («Кроваво-красный барон») — продолжение его нашумевшего романа «Anno Dracula», о котором рассказывалось в «Если» более года назад. В этом сиквеле, действие которого происходит в 1918 году, повествуется, как изгнанный-таки из Англии граф Дракула, объединившись с кайзером Германии, создает целый флот цеппелинов, с помощью какового они намереваются совершить налет на Санкт-Петербург и покорить Россию. В романе на равных действуют такие персонажи, как Франц Кафка, Мата Хари, бравый солдат Швейк и даже некий молодой немецкий ефрейтор со странными маленькими усиками.

В январе 1996 года издательство «Bantam» выпустило роман ДЭНА СИММОНСА «Endymion» («Эндимион»), который сразу же привлек самое пристальное внимание критиков. Ничего удивительного — это первый роман новой дилогии, которая примыкает к предыдущей дилогии Симмонса «Гиперион» и «Падение Гипериона», получившей множество премий и уже признанной классикой современной фантастики. Действие нового романа происходит через 250 лет после событий «Гипериона» и связано с судьбой молодого человека по имени Рауль Эндимион, который пускается в чрезвычайно опасное путешествие через Галактику. Как и «Гиперион», новый роман отталкивается от одноименной поэмы Джона Китса и продолжает эксперименты Симмонса по соединению традиций английского романтизма с антуражем масштабной космической оперы.

IN MEMORIAM

27 августа в возрасте 65 лет скончался немецкий писатель МИХАЭЛЬ ЭНДЕ, автор знаменитого романа-сказки для детей «Бесконечная книга». Роман этот издавался на многих языках мира, включая русский, трижды экранизировался.

22 октября в возрасте 73 лет умер знаменитый английский писатель, поэт, критик и литературовед КИНГСЛИ ЭМИС, автор классического исследования НФ «Новые карты ада» (фрагменты этой книги публиковались в «Если»). Среди множества прозаических книг, которые Эмис написал за свою жизнь, три романа имеют прямое отношение к НФ, а один — к жанру «хоррор».

14 ноября в возрасте 84 лет умер известный американский писатель ДЖЕК ФИННЕЙ, автор НФ-романов «Меж двух времен», «Похитители тел» и ряда рассказов, издававшихся на русском языке. Роман «Похитители тел» был трижды экранизирован.

По материалам журнала «Locus»

Подготовил Николай ВИКТОРОВ

Уважаемые подписчики журнала «Если»!

В последнем номере журнала за прошлый год мы обещались опубликовать в текущем полугодии удостоенные самых престижных премий романы и повести зарубежных писателей, познакомить читателей с новыми звездами на небосклоне НФ и последними работами отечественных авторов.

Наши читатели уже прочли и успеют прочесть до конца полугодия два произведения, удостоенных премии «Хьюго» последних лет, два — премии «Небьюла», три — «Мемориала Джона Кемпбелла» и одно — «Всемирной премии фэнтези». С лучшими образцами новейшей зарубежной фантастики Вас знакомят два ведущих НФ-издания мира: журнал «Asimov's Science Fiction», лауреат прошлогодней премии «Хьюго», и журнал «Analog». Не были забыты и российские авторы: и авторы, и писатели «новой волны». Рубрика «Система координат» стала [illegible] ным путеводителем наших читателей.

Как видите, свои обещания мы выполнили. И наша [illegible] готовы подтвердить все свои обязательства.

Понимая финансовые трудности наших подписчиков, мы обещали держаться нижнего порога цен. В предыдущем полугодии [illegible] стоимости почтовых услуг) цена шести номеров журнала будет выше всего на 16 процентов и составит 46 тысяч рублей на полугодие.

Наш подписной индекс объединенный каталог Федеральной службы почтовой связи при Минсвязи России — 73116 [illegible] на, детский, приключения»).

PERSONALIA ● PERSONALIA

КУРТЦ, Кэтрин (KURTZ, Katherine Irene)

Американская писательница, родилась в 1944 г. Окончила Университет Майами, защитила диссертацию по химии в Калифорнийском университете. Работала в разных областях, от океанографии до преподавания в Полицейской академии Лос-Анджелеса; длительное время занималась проблемой рака.
В первую очередь, Кэтрин Куртц известна своим сериалом «Хроники дерини», объединяющим 14 романов. По тщательности, детальности созданного мира этот цикл имеет мало аналогов в жанре fantasy; «Хроники дерини» выдвинули Куртц в число ведущих авторов жанра.
По внутренней хронологии цикл сконструирован следующим образом: трилогия о Камбере Кулдском («Камбер из Кулди», 1976 г., «Святой Камбер», 1978 г. и «Камбер-еретик», 1980 г.), трилогия «Наследники святого Камбера» («Терзания Гвинедд», 1989 г., «Год короля Явана», 1993 г. и «Незаконнорожденный принц», 1994 г.), трилогия о дерини («Возвышение дерини», 1970 г., «Шахматная партия дерини», 1972 г. и «Высший дерини»,1973 г.) и трилогия «Истории короля Кельсона» («Наследник епископа», 1984г., «Королевское правосудие», 1985 г. и «Поиск святого Камбера», 1986 г.). К сериалу примыкают два связанных с ним тома: «Архивы дерини» (1986 г.) и «Магия дерини» (1991 г.), являющиеся не художественным, а скорее, научно-популярным экскурсом в мир дерини. Кэтрин Куртц не планирует прекращать работу в этом направлении.
Перу Кэтрин Куртц также принадлежат романы «Доблесть Лера» (1986 г.) — фантастика для детей — и «Ночь Ламм» (1983 г.).
В настоящее время писательница активно участвует в различных групповых писательских проектах как в жанре fantasy, так и science fiction.
Сейчас Кэтрин Куртц вместе со своим мужем живет в собственном замке в Шотландии.

АРТУР, Роберт

(см. биобиблиографическую справку в № 11—12,1994 г.)

Роберт Артур — псевдоним широко известного в 40—60-е гг. голливудского сценариста Роберта А. Федера. Будучи талантливым, хотя и не слишком известным писателем, он публиковал свои рассказы в жанрах mystery и science fiction в многочисленных журналах. Эти рассказы были, по определению критиков, просто блестящи: так, его сериал «Murchison Morks» спас журнал «Argosy» от финансового кризиса, обеспечив изданию постоянное внимание читателей. Однако более всего удавались Артуру произведения на стыке жанров готики и черного юмора. Одно время выступал в соавторстве с Хичкоком, а иной раз помогал ему выйти из финансовых затруднений. Выпустил известную антологию «Утерянный сундучок Дэви Джонса» (1965 г.). Однако, к сожалению, собственный сборник Роберта Артура так и не был опубликован, и лучшие рассказы писателя остались рассеянными по журналам.

КУК, Глен (COOK, Glen Charles)

Американский писатель, родился в 1944 г. Начал свою карьеру с рассказа «Песнь с затерянного холма» (Антология «Clarion», 1971 г.) и романа «Наследники Вавилона» (1972 г.) о возрождении цивилизации после ядерной войны. Однако затем Глен Кук предпочел работать в жанре fantasy, где и по сей день остается одним из самых популярных авторов. Наиболее известен его цикл «Империя страха» — сложный, жесткий, «мужской» сериал, написанный емким, необычным языком. Серия включает романы: «Тень на всю ночь» (1979 г.), «Дитя октября» (1980 г.), «Тени сгущаются» (1980 г.), «Огонь в его руках» (1984 г.), «С благодарностью ни к кому» (1985 г.), «Урожай восточного ветра» (1987 г.) и «Марш злой судьбы» (1988 г.). В рамках этого цикла наиболее известен сериал «Хроники Черной Гвардии» («Черная Гвардия», 1984 г., «Затянувшаяся тьма», 1984 г. и «Белая роза», 1985 г.) и продолжение «Хроник» — цикл «Книга Юга» («Игра с тенью», 1989 г «Стальные сны», 1990 г.). В том же мире происходит действие романа «Серебряный клин» (1989 г.). Мир, созданный в этих произведениях Гленом Куком, необычен и своеобразен, и это обеспечило Куку искреннее уважение любителей фантастики вне зависимости от их пристрастий. Возможно, Кук — один из наиболее одаренных писателей в стиле fantasy. Подобное направление и метод изложения специалисты выделяют в особый раздел — так называемую dark fantasy.
Кук пробовал свои силы в других направлениях жанра. У него есть продолжающийся и по сей день детективный сериал про частного сыщика Гаррета, причем названия книг сознательно перекликаются с романами Джона Д. Макдональда о похождениях частного детектива: «Сладкий серебряный блюз» (1987 г.), «Золотые сердца с червоточинкой» (1988 г.), «Холодные медные слезы» (1988 г.), «Старые жестяные тени» (1989 г.), «Страшная латунная тьма» (1990 г.) и «Красные железные ночи» (1991 г.).
Эти ироничные произведения с элементами пародии, столь полюбившиеся зарубежному читателю, представляют собой сознательный антипод суровому миру «Черной Гвардии».
Из остальных работ Глена Кука выделяются романы «Сущность времени» (1985 г.) — детективный сюжет на фоне перемещения во времени — и «Башня страха» (1989 г.) — классическая fantasy на тему арабского Востока.
Помимо этих книг, им написаны еще две трилогии: «Звездные рыбаки» (1982 г.) и «Темные войны» (1985—1986 гг.), а также еще несколько книг в жанрах fantasy и science fiction.
В настоящее время писатель продолжает активно работать.

ШЕКЛИ, Роберт

(см. биобиблиографическую справку в № 5—6, 1993 г.)

«Типичное для Роберта Шекли произведение большого объема представляет собой набор эпизодов, которые объединены героем, лишенным, как правило, стремления действовать. Эти эпизоды выстраиваются в некое подобие сатирического путеводителя по тому или иному фантастическому миру. Типичный герой Шекли, оказавшись волей случая в каком-либо из таких миров, вынужден всячески изворачиваться, чтобы выжить и хоть немного сориентироваться...»

Из «Энциклопедии НФ» Джона Клюта и Питера Николлса.

Подготовил Андрей ЖЕВЛАКОВ

ЕСЛИ

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ

Дэвид Зинделл
ШАНИДАР

Кит Робертс
КАНАРЕЙКИ БОУТЛЕРА

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ

Дэвид Нордли
ПОСЛЕДНЯЯ ИНСТАНЦИЯ

Теодор Старджон
КЕЙЗ И МЕЧТАТЕЛЬ

ИНДЕКСЫ ПОДПИСКИ
73118, 39801